

Шарль Диль История Византийской империи

Диль Шарль История Византийской империи

ШАРЛЬ ДИЛЬ
История Византийской империи
ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
А. Е. РОГИНСКОЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Б. Т. ГОРЯНОВА
ПРЕДИСЛОВИЕ

"История Византийской империи" принадлежит перу крупного французского византиниста Шарля Дилья. В этой книге, вышедшей в свет в 1919 г. и затем неоднократно переиздававшейся, автор поставил своей задачей изложить весь тысячелетний ход византийской истории в виде серии последовательных очерков, соответственно периодам, на которые он делит историю Византии. Из-под его пера живо предстают перед глазами читателя периоды подъема и упадка Византийской империи, ее многогранная культура, та первостепенная роль, которая ей принадлежала в международной жизни европейского средневековья. Диль дает яркие характеристики отдельным выдающимся императорам и деятелям византийской истории. Но, к сожалению, он чрезвычайно мало останавливается на социально-экономической истории Византии. В его изображении ход византийской истории кажется зависящим прежде всего от личных качеств правителей империи и затем от внешних обстоятельств, а быт народа, социально-экономическая жизнь страны находят у него слабое отражение, что приводит, естественно, к целому ряду ошибок и в изложении фактов политической и культурной истории.

Уже само деление книги Дилья основано на порочной схеме периодизации истории Византии, которой грешит вообще вся буржуазная историография. Принимаемая Дилем периодизация истории Византии построена на основе несущественных фактов, главным образом на истории важнейших династий. Подобный подход к этой серьезной проблеме чужд научному объективному методу, так как в основе действительно научной периодизации должны лежать этапы развития общественно-экономических отношений.

Историк, который пишет обобщающий труд по истории Византии, неизбежно должен решить, что следует считать началом ее истории. Диль дает свое решение этого чрезвычайно сложного вопроса. По его мнению, византийская история начинается со дня перенесения столицы Римской империи в Константинополь, ибо с его точки зрения этот день символизирует завершение процесса создания новой монархии, характеризуемой преобладанием влияния Востока.

Однако Диль подходит к решению поставленной им перед собой задачи в высшей степени односторонне, основываясь на изменениях политических и культурных и почти не касаясь изменений социально-экономического строя; поэтому и решение его представляется мало обоснованным и искусственным.

В первой главе ("Перенесение столицы империи в Константинополь и возникновение Восточной Римской империи") Диль охватывает события за время 330-518 гг. и воссоздает увлекательную и живую картину ранней истории византийского государства. Но и здесь внимание автора сосредоточено почти исключительно на политической и культурной истории; этот основной недостаток научного метода Дилья приводит его к переоценке внешних влияний в истории Византии. В результате и преобразование центрального аппарата, и вторжения варваров, и религиозную борьбу IV-V вв. Диль трактует как

завершающие этапы эволюции, увлекавшей Византию к Востоку; только кризис V-VI вв. помешал, по мнению Дилья, окончательному превращению ее в восточную монархию.

С такой точкой зрения нельзя согласиться. Несомненно, что в истории Византии большую роль сыграл контакт с восточными государствами и народами, но рассматривать ее развитие только как приближение к Востоку или отдаление от него значит забыть, что развитие Византии шло по своим внутренним законам и что только раскрытие этих законов может дать ключ к пониманию ее истории. 6

Диль не понимает, что в основе различных религиозных движений, потрясавших Византийскую империю, лежали социальные причины, он не показывает, почему ереси способствовали сепаратизму восточных провинций империи, так как изображает их вне связи с социальной обстановкой того времени.

Шарль Диль является автором монографии о времени Юстиниана I "Юстиниан и византийская цивилизация VI в.", вышедшей в свет в 1901 г., переведенной на русский язык и до сих пор, несмотря на отдельные недочеты, не потерявшей своей свежести и значения для изучения этой эпохи. Неудивительно поэтому, что II глава настоящего очерка ("Правление Юстиниана и Византийская империя в VI в.") принадлежит к лучшим его разделам. Читатель получает здесь ясное представление о внешней и внутренней политике Юстиниана, о византийской культуре VI в., знакомится с характеристикой самого Юстиниана.

Но внутренняя жизнь Византии при Юстиниане освещена Дилем все же недостаточно глубоко. Читая эту главу, мы получаем представление, что весь ход истории Византии при Юстиниане определялся личностями двух людей самого Юстиниана и его жены Феодоры, которая в отличие от Юстиниана больше тяготела к Востоку, чем к Западу. Диль излагает события таким образом, будто бы одной только личной энергии Юстиниана было достаточно для того, чтобы прервать естественный ход событий, увлекавший Византию к Востоку. На самом деле Юстиниан не смог бы осуществить свои внешние и внутренние мероприятия, если бы он не опирался на определенные группы в господствующем классе, которые он заинтересовал в своей завоевательной политике. Диль совершенно не останавливается на борьбе партий цирка, которая оказала большое влияние на внутреннюю историю Византии при Юстиниане. Восстание Ника оказывается в изображении Дилья каким-то изолированным эпизодом, не связанным с социальным протестом масс в царствование Юстиниана. Диль не осуждает внешней политики Юстиниана, который пытался восстановить Римскую империю, что было предприятием явно реакционным. Он только указывает, что действия Юстиниана были обречены на неудачу из-за несоответствия между целями и средствами. Не говоря о социально-экономическом положении Византии в эпоху Юстиниана, Диль не может раскрыть причины этой неудачи, коренящейся прежде всего в том, что Юстиниан пренебрегал экономическими нуждами страны и населения, выжимая из него последние соки на осуществление своих широко задуманных завоевательных планов. Правда, Юстиниан уделял внимание развитию промышленности и торговли, но основных непосредственных производителей Византии - крестьян - он отдал на растерзание крупным магнатам. В связи с таким освещением событий действительно нельзя понять, почему политика Юстиниана вызвала бурное возмущение народа.

Диль утверждает, что римское право, кодифицированное Юстинианом и его юристами, основано на принципах социальной справедливости, общественной морали и гуманности, между тем как в действительности римское право и в момент его создания и впоследствии служило интересам господствующих классов и увековечивало социальную несправедливость.

В VII в. Византийская империя переживала один из самых серьезных кризисов в своей истории, когда под угрозой было поставлено самое ее существование. Этому периоду посвящена III глава книги Дилья ("Династия Ираклия. Арабская опасность и преобразование империи в VII веке"). Диль в связи со своей общей концепцией чрезмерно идеализирует Ираклия. Правда, в отличие от Острогорского, который заявляет, что глубокие этнические и

социальные изменения VII в. являются целиком результатом деятельности Ираклия I*, Диль показывает, что этнические и административные изменения в империи происходили и до Ираклия. Но при этом в центре внимания Диль стоят этнические изменения. Он правильно указывает, что после потери восточных провинций империя стала более однородной и сплоченной, но совсем не говорит о причинах, вследствие которых восточные провинции так легко отпали от Константинополя, не говорит о том, что они подвергались страшному социальному, национальному и религиозному гнету.

_____ * 1 Б. Горянов, Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. Вопросы истории, 1945, № 3-4, стр. 136.

Русскому византиноведению, за успехами которого он внимательно следил, Диль обязан теми попытками подхода к разрешению вопроса о значении славянства в развитии Византии, которые имеются у него в отличие от других западноевропейских византинистов. Но в отличие от русских византинистов, передовые представители которых широко обосновали положение о влиянии славянской иммиграции, общественного устройства и прежде всего общинного землевладения славян на социально-экономическое развитие Византийской империи, Диль, признавая значение славянизации империи для ее истории, видит в этом процессе прежде всего изменение этнического состава империи. Между тем славянские нашествия сыграли прогрессивную роль в социальной истории Византии, так как они способствовали ослаблению господствующего класса Византии и раскрепощению ее населения. Именно вслед за славянской иммиграцией в Византии появляется прогрессивный Земледельческий закон, призванный регулировать отношения внутри свободной общины.

Диль правильно указывает на прогрессивный характер иконоборческого движения, которому он посвящает следующую, IV, главу; но он совершенно не ставит вопроса о том, произошел ли приход к власти Исаврийской династии революционным путем. Во всяком случае, он изображает дело так, будто бы все без исключения население Византии приветствовало Исавров. На самом деле в их царствование происходила ожесточенная социальная борьба, а иконоборчество было только внешним ее выражением. Отношения между церковью и государством не показаны Дилем с их социальной стороны, церковь выступает у него как совершенно особая сила, а не как одна из группировок господствующего класса.

Не отмечает Диль и значения восстания Фомы Славянина, рисуя его как один из эпизодов анархии, царившей в Византии в течение 20 лет.

Византийская национальность, которая, как заявляет Диль, возникла к VIII в., на самом деле никогда не существовала. Византия представляла собой конгломерат раз-9личных народов. Можно говорить только о большем или меньшем единстве правящего класса, но он не представляет собой всего народа. Известно, что разнородность национального состава Византии была одной из причин непрочности империи.

Эпохе Македонской династии (867-1081) посвящена V глава настоящей книги, представляющая собой краткий, но содержательный обзор внешней политики македонских императоров и тех успехов, которых империя добилась в это время. Вслед за русскими византинистами Диль признает, что весь ход социально-экономического развития Византии вел к победе крупной феодальной знати. Вместе с тем он идеализирует и Македонскую династию в целом и ее отдельных представителей. Он изображает их всех энергичными людьми с твердой волей, государственными деятелями, воодушевленными мыслью о величии империи, знаменитыми полководцами, способными администраторами, которым удалось "превратить этот период в эпоху подлинного возрождения, в один из самых славных моментов длительной истории Византии". Бесспорно, отдельные императоры Македонской династии были выдающимися правителями. Однако советские историки внесли существенные поправки в оценку деятельности этой династии. Ее приход к власти отражает победу реакции после разгрома движения народных масс и поражения иконоборческого движения; Македонская династия способствовала дальнейшему закреплению свободного крестьянства, централизации государственного аппарата, завершила разгром городских

политических организаций и поставила городские ремесленные цехи под строгий, обременительный контроль со стороны государства. Внешние же успехи Македонской династии были непрочны, поскольку для их достижения ее императоры напрягли до предела все силы народа, но ничего не сделали для облегчения его положения. Поэтому укрепление императорской власти, которое Диль объясняет привязанностью народа к императору и проникновением в массы идеи законности, на самом деле объясняется лишь большей сплоченностью господствующего класса, боявшегося народных восстаний и жестоко их подавлявшего. Вместе с тем нужно указать, 10 что и в таких условиях господствующий класс мог продержаться только ценой непрерывных внешних войн, носивших ярко выраженный реакционный характер. Диль совершенно неправ, когда он положительно оценивает завоевание Болгарии Византией - на деле оно привело к жестокому гнету византийских феодалов над болгарскими крестьянами и к подавлению самостоятельной болгарской культуры.

VI глава книги Диля посвящена эпохе Комнинов (1081-1204). Крупнейший русский византист Ф. И. Успенский доказал, что время династии Комнинов, особенно Мануила I Комнина (1143-1180), было периодом завершения феодализации Византии, периодом окончательного оформления земельных отношений на основе прони и зависимости земледельческого класса 1*. Комнины были крупным феодальным родом, и их приход к власти ознаменовал победу феодальной аристократии. Комнинам приходилось действовать в чрезвычайно сложной международной обстановке. В конце XII в. образовалась независимая Сербия и было восстановлено Болгарское царство, сбросившее с себя иго византийского господства. В дела Балканского полуострова активно вмешивалась Венгрия, и Комнинам, особенно Мануилу I, приходилось вести с ней постоянную борьбу. Напряженная политическая обстановка сложилась и в Азии, где успехи турок-сельджуков лишили Византию большинства ее владений. Обстановка осложнялась для Византии и начавшимися в эту эпоху крестовыми походами, путь которых лежал через территорию Византийской империи. В этих условиях Комнинам приходилось искусно лавировать, пытаясь завербовать крестоносцев на службу империи и использовать их на отвоевание Азии для Византии. Диль довольно подробно останавливается на изложении всего хода международных событий, которые в конечном счете уже при преемниках Комнинов, династии Ангелов, привели к четвертому крестовому походу, захвату Константинополя и основанию Латинской империи, 11 что более чем на полвека прервало существование Византийской империи. Особенно удачно освещена у Диля внешняя политика Мануила I Комнина, западнические увлечения которого ослабили Византию на Востоке и в значительной степени подготовили катастрофу 1204 г. Однако и в этом разделе мы находим некоторые положения, с которыми нельзя согласиться. Излагая события на Балканах и говоря о движении богомилов, Диль квалифицирует все это, как чисто религиозную оппозицию. Между тем религиозная "ересь" была лишь внешней формой, за которой скрывался антифеодальный характер социального движения низших классов. Кроме того, движение богомилов носило также характер национально-освободительного движения, направленного на свержение византийского господства в Болгарии. Обе эти черты движения богомилов у Диля совершенно отсутствуют. Диль пишет далее, что Мануил I Комнин подчинял сербов византийскому господству и поставил там правителем Стефана Неманю, который в общем проявлял себя по отношению к Византии покорным вассалом. Это утверждение противоречит исторической истине. Имя Стефана Немани связано с первыми шагами на пути к образованию независимого сербского государства. При нем были заложены прочные основы полного освобождения Сербии от Византии. Его преемники, вступая временами в союз с борющимся болгарским народом, завершают в конце XII в., т. е. непосредственно после Мануила I Комнина, процесс образования независимого сербского государства, которое впоследствии играет все большую и большую роль в расстановке сил на Балканском полуострове.

_____ * 1 Ф. И. Успенский, Значение византийской и южнославянской прони. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И.

Ламанского к 25-летию его ученой деятельности, СПб, 1883, стр. 1-32.

Внутренняя история Византии в эпоху Комнинов освещена в книге Диля совершенно недостаточно. Как мы уже отмечали, время Комнинов было периодом завершения процесса феодализации империи. Поэтому был бы чрезвычайно интересен анализ расстановки классовых сил, показ развития форм крупного феодального землевладения, а также развития форм зависимости византийского крестьянства. Между тем, Диль ограничивается вопросами реорганизации армии и некоторыми деталями развития государственного аппарата. Более широкого освещения заслуживает и культура Византии в эпоху Комнинов.

В конце VI главы Диль излагает события 1180-1204 гг., когда после династии Комнинов слабой династии Ангелов пришлось столкнуться с армиями крестоносцев. К этому времени относится правление Андроника I Комнина (1182-1185), одной из интереснейших личностей на византийском престоле. Придя к власти в результате переворота, Андроник Комнин пытался повести решительную борьбу с византийскими феодалами, причем в этой борьбе он стремился опереться на низшие слои общества, проводя ряд разумных реформ административного аппарата и уменьшая налоговое бремя крестьянства. Однако правление Андроника Комнина изложено у Диля буквально в нескольких словах, вследствие чего произведенная Андроником попытка перестройки аппарата империи представляется мало обоснованной.

VII глава книги Диля посвящена Латинской империи, Никейской империи и другим греческим центрам, образовавшимся на территории Византии после четвертого крестового похода. Этот период истории Византии (1204-1261) еще недостаточно изучен. Но автор, умело отобрав из специальных монографий, посвященных этому времени, наиболее важные факты, представил читателю красочную картину образования греческих центров на развалинах Византии и их борьбу за восстановление Византийской империи. Хорошо показана сложная международная обстановка, в которой никейским императорам приходилось вести эту борьбу, увенчавшуюся в конце концов успехом. Некоторые латинские государства, например Ахейское княжество, продолжали существовать и после восстановления Византийской империи в 1261 г. Значительную часть своих владений сохранила в восстановленной Византии и Венеция. В этой главе Диль дает краткое, но яркое описание периода, когда на византийской почве перемешивались западная и восточная культура, нравы, обычаи, формы общественного устройства, быта. Тем не менее и этот небольшой отдел вызывает ряд замечаний: так, Диль чрезмерно приукрашивает внутреннее состояние Ахейского княжества, которое, по его словам, было цветущим государством латинского Востока, пользовалось исключительным благосостоянием, полным спокойствием и замечательным согласием с греческими подданными. Это утверждение противоречит тем сведениям, которые мы встречаем в источниках того времени, в частности в "Морейской хронике", которую Диль неоднократно использовал в своих работах. Как в других латинских государствах Востока, образовавшихся в результате четвертого крестового похода, так и в Ахейском княжестве местное население не смирилось перед латинскими завоевателями. На протяжении всей истории этих латинских государств мы имеем сведения о непрерывных восстаниях народных масс против латинского господства, так что о быстрой "ассимиляции" местного населения, отмечаемой Дилем, говорить не приходится. В жизни латинских государств на византийской территории видная роль принадлежит Франции XIII в. Эта связь средневековой Франции с византийским Востоком XIII-XIV вв. толкнула многих французских историков на службу французскому империализму, побудив их обосновать его притязания на Ближнем Востоке той ролью, которую играла Франция XIII-XIV вв. в восточном бассейне Средиземноморья. Дань преклонения перед французским империализмом отдает и Диль, когда он говорит о "влиянии, которое оказывала отдаленная Франция XIII в. на эту греческую страну, завоеванную оружием и так быстро ассимилировавшуюся".

История Византийской империи при Палеологах (1261-1453) освещена в последней, VIII главе книги Диля. Восстановленная империя во многом отличалась от прежней

Византии. В ее владении оставались лишь территории в северо-западной части Малой Азии, часть Фракии и Македонии во главе с Фессалоникой и некоторые острова Эгейского моря. Империя была истощена в финансовом и военном отношении. А между тем ей приходилось иметь дело с усилившейся Сербией, которая в XIV в., особенно при Стефане Душане, играет на Балканском полуострове роль первостепенной державы; но особенно грозной была непрерывно нарастающая опасность со стороны турок-османов. Если никейские императоры в своей внутренней политике стремились ограничить и обуздать стремления феодалов к децентрализации, то приход к власти династии Палеологов означал 14 окончательную победу крупной землевладельческой феодальной знати, когда были отброшены всякие попытки приостановить развитие крупного светского и церковно-монастырского землевладения. Эпоха Палеологов - золотой век византийского феодализма. История поздней Византии наименее изучена в научной литературе по византиноведению. Среди многочисленных трудов Диль мы встречаем отдельные этюды по истории Византии этого периода, и в числе задач, которые он выдвигал перед учеными-византистами, он настойчиво повторял требование предпринять ряд монографических исследований по изучению Византии в эпоху Палеологов.

Время Михаила VIII (1261-1282), основателя новой династии, Диль считает началом возрождения Византии, а его смерть - началом быстрого и непрекращающегося упадка империи. Подобная оценка Михаила VIII бесспорно является преувеличением его роли в византийской истории. Безусловно, Михаил VIII был способным правителем, ловким дипломатом и талантливым полководцем. Но этот узурпатор, опасавшийся восстаний и дворцовых переворотов, вынужден был идти на постоянные уступки знати, духовенству, вождям армии; он совершил ряд ошибок в организации армии, в религиозной политике, в устройстве финансового аппарата, чем в значительной степени подорвал силы империи. Поэтому неправильно было бы искать причины упадка империи только в деятельности его преемников.

Одним из центральных событий эпохи Палеологов было восстание зилотов (1342-1349). Так как у Диль это движение освещено очень поверхностно, мы считаем необходимым сказать о нем несколько слов. Правильно отмечая, что борьба между крупным феодальным и мелким крестьянским землевладением была основным содержанием внутренней истории Византии в эпоху Палеологов, Диль не связывает этого положения с движением зилотов. Нужно отметить, что революционное движение зилотов было движением не только крестьянства, но и городских низов. Это восстание не было изолированным, ограниченным территорией Фессалоники, как оно выглядит у Диль. Оно распространилось по многим городам и областям империи, где возникло несколько революционных центров. Зилоты имели програм-15му социально-экономических мероприятий, целью которой было полное преобразование общественного строя империи. Эта программа включала конфискацию имущества монастырей, отмену их иммунитетных прав, конфискацию земельных владений феодальных магнатов, облегчение податного бремени крестьянства, отмену задолженности ростовщикам, уничтожение сословных и имущественных ограничений для занятия должностей и т. д. Эта программа носила прогрессивно-демократический, антифеодальный характер, и можно сказать, что именно поражение восстания зилотов, пытавшихся возродить империю, а не конец правления Михаила VIII повлекло за собой упадок империи, от которого она уже больше не могла оправиться¹*. В дальнейшем Диль сообщает основные факты из истории последних лет Византии до захвата Константинополя турками, а в заключение дает обзор византийской культуры в эпоху Палеологов, этой последней вспышки литературного и художественного возрождения Византии. Но он не объясняет этого явления, которое еще ждет своего исследователя.

* 1 Более подробно о восстании зилотов см. Б. Т. Горянов, Восстание зилотов в Византии (1342-1349), автореферат, Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. III, № 1, стр. 92-96, 1946.

Применение сравнительно-исторического метода исследования, высокая техника изучения источников, обогащение науки многими неизвестными до него источниками позволили Дилю внести ценный вклад в изучение истории Византии, ее искусства и культуры. Однако идеалистический позитивизм и эклектизм Дили, пренебрежительное отношение к социально-экономической истории, подчинение его научного творчества теории равноправных факторов зачастую приводили его к идеализации истории Византии. Выдвигая на первый план значение Византии как носительницы высокой культуры, Диль, подобно многим другим буржуазным исследователям, умалчивал о Византии как о государстве, где был отчетливо выражен характер восточного деспотизма, где церковь всегда боролась со всеми проявлениями передовой общественной мысли, где государственный аппарат целиком был поставлен на службу эксплуатации 16 широких народных масс, где долго сохранялись пережитки рабства, а в раннее время - и политическая форма рабовладельческого государства, что делало еще более невыносимыми условия жизни непосредственных производителей.

Указанные недостатки книги Дили будут особенно заметны советскому читателю, знакомому с трудами выдающихся русских византистов и в первую очередь В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, которые внимательно исследовали социальную жизнь Византии и добились в этой области результатов, поставивших русское византиноведение на первое место в мире.

Советские византисты, в основе работы которых лежит марксистский метод исторического исследования, продолжают лучшие традиции классического русского византиноведения, критически воспринимая и перерабатывая его научное наследие. Трудом советских ученых создана строго научная концепция истории Византии, базирующаяся на руководящем указании И. В. Сталина о том, что "первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества" ^{1*}. Только на этой базе возможно научно правильное построение истории народов и их политического развития, в том числе и истории Византии, истории византийского феодального общества. В этом направлении советское византиноведение достигло больших успехов.

_____ * 1 И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

Советские историки выяснили, что история Византии - это не история отдельных, хороших или дурных, талантливых или бездарных правителей, что основное ее содержание - это не смена каких-то оторванных от социальной жизни культурных форм. Они показали, что в основе закономерностей развития византийского общества лежит развитие производительных сил страны, вызывавшее изменение социального строя.

Они показали, что религиозная борьба, которая так ожесточенно велась на отдельных этапах истории Византии, представляет собой не что иное, как отражение реальной социальной борьбы между отдельными классами и группами византийского общества. Советские историки показали, что в истории Византии первостепенную роль играли народные массы, что только те успехи византийских государей были прочными, которые основывались на улучшении положения масс. Блестящие завоевания Юстиниана и императоров Македонской династии оказались построенными на песке, потому что производились в условиях страшного угнетения народных масс.

Критически перерабатывая на базе марксистско-ленинской методологии выводы буржуазных ученых, в том числе и Дили, советское византиноведение создает новую, научно правильную концепцию истории Византии.

Б. Т. ГОРЯНОВ 18

ГЛАВА I

Перенесение столицы империи в Константинополь
и возникновение Восточно-Римской империи
(330-518)

I. Перенесение столицы империи в Константинополь и характер новой империи. II. Нашествие варваров.- III. Религиозный кризис.- IV. Восточно-Римская империя в конце V и начале VI века

I

ПЕРЕНЕСЕНИЕ СТОЛИЦЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ХАРАКТЕР НОВОЙ ИМПЕРИИ

11 мая 330 года на берегах Босфора Константин торжественно объявил своей столицей Константинополь.

Почему, покидая древний Рим, император переносил резиденцию монархии на Восток? Помимо того, что он лично питал мало склонности к языческому и мятежному городу цезарей, Константин не без основания считал Рим плохо расположенным для того, чтобы удовлетворять новым нуждам империи. Опасность нашествия готов и персов грозила на Дунае и в Азии; сильное в военном отношении население Иллирии могло быть прекрасно использовано для защиты, но Рим был слишком далек, чтобы организовать эту защиту. Это понял уже Диоклетиан, который также почувствовал притягательную силу Востока. Во всяком случае, в тот день, когда Константин основал "новый Рим", начала свое существование Византийская империя.¹⁹

Вследствие своего географического положения на стыке Европы и Азии, создававшего значительные преимущества военного и экономического характера, Константинополь становился естественным центром, вокруг которого мог группироваться восточный мир. Благодаря отпечатку эллинской культуры, отличавшему ее с момента рождения, а особенно в силу специфического характера, приданного ей христианством, юная столица глубоко отличалась от древней и достаточно ясно символизировала новые стремления и чаяния восточного мира. С другой стороны, в Римской империи уже давно складывалась новая концепция монархии. В начале IV века под влиянием Ближнего Востока превращение было закончено. Из императорской власти Константин постарался создать абсолютную власть по божественному праву. Он окружил эту власть всем великолепием облачения - диадемой и пурпуром, всей помпой этикета, всей пышностью двора и дворца. Считая себя представителем бога на земле, а свой разум - воплощением высшего разума, он стремился во всем подчеркнуть священный характер государя, отделить его от остального человечества, окружив торжественным церемониалом, - словом, сделать царство земное как бы подобием царства небесного.

[Image001]

Равным образом для увеличения престижа и силы империи он хотел, чтобы монархия была монархией административной, строго иерархической, точно контролируемой, где весь авторитет был бы сосредоточен в руках императора. Наконец, делая христианство государственной религией, умножая иммунитеты и привилегии церкви, защищая христианство против ереси, во всех случаях оказывая ему свое покровительство, Константин придал авторитету императора особый характер. Заседая среди епископов, "как если бы он был одним из них", выставляя себя призванным стражем догмы и дисциплины, вмешиваясь во все дела церкви, проводя в ней законы и творя суд, организуя ее и управляя ею, созывая соборы и председательствуя на них, диктуя символы веры, Константин, а за ним все его преемники, были ли они православными или арианами, устанавливали взаимоотношения церкви и государства, неизменно руководствуясь одним и тем же принципом. Это было то, что впоследствии назвали цезарепапизмом, - деспотическая власть императора над церковью; и восточное духовенство, духовенство придворное, тщеславное и суетное, послушное и гибкое, без протеста принимало эту тиранию. Все это глубоко укореняло концепцию власти, характерную для восточных монархий, и потому, хотя Римская империя продолжала существовать еще в течение целого столетия до 476 г., - хотя вплоть до конца VI в. римские традиции оставались жизненными и действенными даже на Востоке, все же восточная часть монархии объединилась вокруг Константина и в некотором роде осознала себя. Начиная с IV века, несмотря на внешнее и формальное сохранение единства Римской

империи, две ее половины в действительности нередко разделялись под властью различных императоров; и когда в 395 г. умер Феодосий Великий, оставив двум своим сыновьям, Аркадию и Гонорию, наследство, разделенное на две империи, это разделение, подготовлявшееся уже давно, определилось и стало окончательным. Отныне начала свое существование Восточная Римская империя.

II

НАШЕСТВИЕ ВАРВАРОВ

В течение длительного периода, с 330 по 518 г., два тяжелых испытания, потрясшие эту империю, окончательно придали ей ее индивидуальный облик. Первым испытанием было нашествие варваров.

Начиная с III столетия через все границы на Дунае и Рейне из Германии на римскую территорию медленно просачивались варвары. Одни являлись туда небольшими группами в качестве солдат или земледельцев; другие, привлеченные безопасностью и процветанием империи, целыми племенами добивались уступки земель, которые им охотно жаловало имперское правительство. Великое переселение народов, непрерывно происходившее в неустойчивом германском мире, ускорило этот напор варваров и сделало его наконец устрашающим. Под натиском варваров погибла Западная империя, и вначале можно было предположить, что Византия пострадает от этого ужасающего натиска не меньше, чем Рим.

21

В 376 г. вестготы, спасаясь от гуннов, явились просить у империи убежища и земли. Две тысячи их расселились на юге Дуная, в Мизии. Они не замедлили взбунтоваться; император Валент, пытавшийся их усмирить, был убит на равнине близ Адрианополя (378); чтобы обуздать их, понадобилась вся энергия и ловкость Феодосия. Но после его смерти (395) опасность возобновилась. Король вестготов Аларих устремился в Македонию; он опустошил Фессалию, Центральную Грецию, проник в Пелопоннес, и слабый Аркадий (395-408) вследствие того, что все византийское войско находилось на Западе, не смог его остановить; когда Стилихон, призванный с Запада на помощь империи, окружил готов в Флое в Аркадии (396), император предпочел дать им ускользнуть, сговорившись с их военачальником. Отныне на протяжении нескольких лет вестготы были в Восточной империи всемогущими. Они низлагали министров Аркадия, предписывали свою волю государю и хозяйничали в столице, возмущая государство своими мятежами. Но честолюбие Алариха влекло его все дальше на запад; в 402 г. он вторгся в Италию и снова явился туда в 410 г., захватив Рим; лишь тогда, когда вестготы окончательно разместились в Галлии и Испании, опасность, грозившая Восточной империи, была предотвращена.

Тридцать лет спустя на сцену выступили гунны. Аттила, основатель обширной империи, простиравшейся от Дона до Паннонии, перешел в 441 г. Дунай, захватил Виминаций, Сингидун, Сирмий, Ниш и стал грозить Константинополю. Ослабленная империя вынуждена была согласиться платить ему дань. Несмотря на это, в 447 г. гунны опять появились на юге Дуная; снова начались переговоры. Однако опасность была по-прежнему грозной, и можно было ожидать близкой катастрофы, когда в 450 г. император Маркиан (450-457) бесстрашно отказался от уплаты дани. И на сей раз судьба улыбнулась Восточной империи. Аттила обратил свое оружие на Запад; он вернулся оттуда побежденным и ослабленным. Вскоре после этого поражения он умер, и основанная им империя окончательно распалась (453). 22

Во второй половине V века остготы в свою очередь вступили в борьбу с империей, которая оказалась вынужденной принимать их к себе на службу, жаловать им земли (462) и осыпать их военачальников почестями и деньгами. Вот почему можно наблюдать, что к 474 г. остготы вмешиваются во все дела империи: именно Теодорих по смерти императора Льва (457-474) обеспечил Зинону триумф над его соперником, оспаривавшим у него трон. Отныне варвары стали более требовательными, чем когда-либо. Попытки сеять рознь между их вождями (479) ни к чему не привели. Теодорих разорил Македонию, стал грозить Фессалонике, требуя все большего, добившись в 484 г. титула консула, угрожая в 487 г.

Константинополю. Но и он также дал увлечь себя в Италию, где в 476 г. пала Западная империя, которую догадливый Зинон предложил ему вновь завоевать. Еще один раз опасность, была устранена.

Таким образом, варварское вторжение скользнуло вдоль границ Восточной империи, затронув ее лишь мимоходом; новый Рим устоял и, как бы возвеличенный падением древнего Рима, еще более приблизился к Востоку.

III

РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИС

Другим испытанием был религиозный кризис.

Ныне довольно трудно понять то значение, которое в IV и V веках имели великие ереси ариан, несториан, монофизитов, так глубоко волновавшие восточную церковь и государство. В них часто усматривают простые споры богословов, с ожесточением пускавшихся в сложные дискуссии по поводу тонких и бессодержательных формул. Но их действительный смысл и значение были иными. Эти споры неоднократно вскрывали политические интересы и столкновения, которым предстояло оставить глубокий след в истории Византийской империи. Они были чрезвычайно важны, кроме того, для выяснения взаимоотношений государства и церкви на Востоке и для определения связи между Византией и Западом; вследствие всего этого они заслуживают внимательного изучения. 23

Никейский собор (325) осудил арианство и провозгласил, что Христос единосущен богу-отцу. Но сторонники Ария отнюдь не смирились перед анафемой, и IV век был наполнен страстной борьбой между противниками и сторонниками православия - борьбой, в которой участвовали даже императоры. Арианство, вместе с Констанцием победившее на соборе в Римине (359), было сокрушено Феодосием на Константинопольском соборе (381), и с этого момента обозначился контраст между греческим духом, влюбленным в тонкую метафизику, и ясным строем мысли латинского Запада, а также выявилась противоположность между восточным епископатом, послушным воле государя, и твердой, высокомерной непреклонностью римских первосвященников. Завязавшийся с V века спор о единстве во Христе двух природ - человеческой и божественной - еще более подчеркнул эти различия и тем более серьезно взволновал империю, что к религиозной ссоре примешалась политика.

Действительно, в то самое время, когда папы, начиная с Льва Великого (440-462), основывали на Западе папскую монархию, на Востоке патриархи Александрии, в особенности Кирилл (422-444) и Диоскор (444-451), пытались установить папский престол в Александрии. Кроме того, в результате этих смут в борьбе против православия всплывали на поверхность старые национальные распри и все еще живучие сепаратистские тенденции; таким образом с религиозным конфликтом тесно сплетались политические интересы и цели.

До 428 г. Феодосий II (408-450) правил в Византии под опекой своей сестры Пульхерии. Подобно малому ребенку, он проводил свое время в рисовании, в раскрашивании или переписывании рукописей, за что получил прозвище "Каллиграф". Если, однако, память о нем сохранилась в истории, то лишь потому, что он приказал выстроить мощный пояс укреплений, который в течение столетий веков защищал Константинополь, и потому, что по его распоряжению имперские законы, обнародованные со времен Константина, были собраны и объединены в "Кодекс Феодосия". Но пред лицом церковных споров он оказался совершенно слабым и беспомощным. 24

Несторий, патриарх константинопольский, проповедовал, что в Христе следует разделять человеческую и божественную природу, что Иисус был лишь человеком, ставшим богом; вследствие этого Несторий отказывал деве Марии в наименовании Theotokos (богородица). Кирилл Александрийский поспешил воспользоваться этим поводом, чтобы ослабить епископа столицы; при поддержке папы он повелел торжественно осудить несторианство на Эфесском соборе (431); после этого он безраздельно стал господствовать над восточной церковью, предписывая императору свою волю. Когда же, несколько лет спустя, у Евтихия, доведшего до крайних выводов учение Кирилла, человеческая природа

Христа почти совершенно исчезла в божественной (это было монофизитство), - он снова нашел поддержку у патриарха Александрийского Диоскора и собор, известный под названием "Эфесский разбой", обеспечил, казалось, триумф Александрийской церкви.

Против этих честолюбивых устремлений объединились равным образом обеспокоенные империя и папство. Халкидонский собор (451) в соответствии с формулой Льва Великого установил православное учение о единстве двух природ в личности Христа и одновременно отметил крушение александрийских мечтаний и триумф государства, полновластно руководившего собором и прочнее чем когда-либо установившего отныне свое господство над восточной церковью.

Однако осужденные монофизиты отнюдь не примирились с приговором; в течение долгого времени они продолжали основывать в Египте и в Сирии церкви с сепаратистскими тенденциями, что создавало серьезную опасность для сплочения и единства монархии. Сверх того, Рим, несмотря на свою победу на почве догмы, должен был примириться с усилением власти константинопольского патриарха, который под защитой императора стал подлинным папой Востока. Это послужило источником серьезных конфликтов. Перед лицом папства, всемогущего на Западе, стремившегося освободиться от императорской власти, церковь Востока становилась государственной церковью, подчиненной воле государя; благодаря принятому в ней греческому языку, ее мистиче-25скому направлению (враждебному римскому богословию), наконец, в силу ее старинной вражды с Римом, - она все более и более стремилась стать независимой. В результате всего этого Восточная Римская империя приобретала свою собственную физиономию. Именно на Востоке собирались великие соборы, именно на Востоке рождались великие ереси; наконец, восточная церковь, гордая славой своих великих богословов - Василия Великого, Григория Нисского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, - убежденная в своем интеллектуальном превосходстве над Западом, все более и более склонялась к отделению от Рима.

IV

ВОСТОЧНО-РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ V И НАЧАЛЕ VI ВЕКА

Таким образом, ко времени императоров Зинона (471-491) и Анастасия (491-518) появляется представление о чисто восточной монархии.

После падения Западной Римской империи в 476 г. империя Востока остается единственной Римской империей. И хотя этот титул сохранял за ней значительный престиж в глазах варварских государей, которые накроили себе королевства в Галлии, Испании, Африке, Италии, хотя она всегда провозглашала свои обширные права на верховную власть по отношению к этим племенам, - в действительности по территориям, которыми она обладала, эта империя была все же восточной.

Она охватывала весь Балканский полуостров, за исключением его северо-западной части, Малую Азию вплоть до гор Армении, Сирию до левого берега Евфрата, Египет и Киренаику. Эти страны образовывали 64 провинции или епархии, входившие в состав двух префектур претории: Восточной (диоцезы Фракии, Азии, Понта, Востока, Египта) и Илирийской (Македонская диоцеза). Хотя управление империей по-прежнему было организовано по римскому образцу и основано на разделении гражданских и военных функций, императорская власть становилась здесь все более абсолютной, наподобие монархий Востока; а с 450 г. обряд коронации 26 придавал ей сверх того обаяние святого миропомазания и божественного соизволения.

Император Анастасий обеспечил этой империи солидно защищенные границы, хорошее состояние финансов, более упорядоченную администрацию. И политическое чутье государей толкало их к созданию морального единства империи, к попытке вернуть отпавших монофизитов, хотя бы ценою разрыва с Римом. Это было предметом эдикта объединения (Энотикон), обнародованного Зиномом в 482 г. Первым результатом этого эдикта оказался раскол между Византией и Римом; свыше тридцати лет (484-518), папы и императоры, особенно Анастасий, убежденный и страстный монофизит, вели упорную

борьбу, и за время этих смут Восточная империя окончательно превратилась в самостоятельный организм.

Наконец, культура империи все более и более принимала восточную окраску. Даже при господстве Рима эллинизм оставался живучим и сильным на всем греческом Востоке. Большие и цветущие города - Александрия, Антиохия, Эфес - были центрами замечательной умственной и художественной культуры. Под их влиянием в Египте, Сирии, Малой Азии зародилась цивилизация, всецело проникнутая традициями классической Греции. Константинополь, обогащенный по воле своего основателя шедеврами греческого мира, ставший благодаря этому самым замечательным музеем, прочно хранил воспоминания об эллинской древности. С другой стороны, восточный мир, соприкасаясь с Персией, пробудился и осознал свои старинные традиции; в Египте, Сирии, Месопотамии, Малой Азии, Армении вновь обнаруживались старые традиционные основы, и снова восточный дух оказывал влияние на некогда эллинизированные страны. Из ненависти к языческой Греции христианство поддерживало эти национальные тенденции. И из смешения соперничавших традиций во всем восточном мире рождалась мощная плодотворная деятельность. В IV и V вв. Сирия, Египет, Анатолия имели особенно важное значение в империи с точки зрения экономической, интеллектуальной, художественной: христианское искусство развивалось там медленно, путем долгого ряда попыток и ученых изысканий, великолепный апогей которых 27 ознаменовали шедевры VI столетия; с этого момента оно проявляется как искусство типично восточное. Но в то время как в провинциях таким образом пробуждались старинные местные традиции и никогда не забывавшиеся сепаратистские настроения, Константинополь также возвещал о своей будущей роли, собирая и сочетая элементы самых различных культур, координируя противоположные тенденции, различные художественные приемы и методы, из которых должна была родиться самобытная византийская культура.

Так, казалось, заканчивалась эволюция, увлекавшая Византию, к Востоку; и можно было ожидать, что в недалеком будущем осуществится идеал чисто восточной империи, деспотически управляемой, обладающей хорошей администрацией, солидно защищенной, отказавшейся от политических притязаний на Западе, чтобы сосредоточить внимание на собственных нуждах, и не колеблющейся более перед тем, чтобы обрести религиозное единство на Востоке путем разрыва с Римом и основания под опекой государства церкви, почти независимой от папства. К несчастью, империя к концу V и к началу VI в. находилась в состоянии жестокого кризиса, препятствовавшего осуществлению этой мечты.

С 502 г. персы возобновили войну на Востоке; в Европе славяне и авары начали свои набеги к югу от Дуная. Внутренняя смута достигла крайних пределов. Столицу волновали ссоры партий цирка, зеленых и синих; провинции, недовольные, разоренные войной, подавленные налогами, искали любого повода, чтобы предъявлять свои местные требования; правительство было непопулярно; могущественная православная оппозиция боролась за свою политику и предоставляла разным честолюбцам удобный повод для возмущений, наиболее серьезным из которых было восстание Виталиана (514).

Наконец, прочная память о римской традиции, поддерживавшая мысль о необходимости единства римского мира, "Романии", беспрестанно обращала умы на Запад.

Чтобы выйти из этого состояния неустойчивости, нужна была мощная рука, ясная политика с точными и определенными планами. Такую политику проводил Юстиниан. 28

Глава II

Правление Юстиниана и Византийская империя в VI веке (518-610)

I. Начало династии Юстиниана.- II. Характер, политика и окружение Юстиниана.- III. Внешняя политика Юстиниана.- IV. Внутреннее правление Юстиниана.- V. Византийская культура в VI в.- VI. Уничтожение дела Юстиниана (565-610)

I

НАЧАЛО ДИНАСТИИ ЮСТИНИАНА

В 518 г., после смерти Анастасия, довольно темная интрига возвела на трон начальника гвардии Юстина. Это был крестьянин из Македонии, лет пятьдесят назад явившийся в поисках счастья в Константинополь, храбрый, но совершенно неграмотный и не имевший никакого опыта в государственных делах солдат. Вот почему этот выскочка, ставший основателем династии в возрасте около 70 лет, был бы весьма затруднен доверенной ему властью, если бы возле него не оказалось советчика в лице его племянника Юстиниана.

Уроженец Македонии подобно Юстину - романтическая традиция, делающая из него славянина, возникла в значительно более позднее время и не имеет никакой исторической ценности, - Юстиниан по приглашению своего дяди еще юношей явился в Константинополь, где получил полное римское и христианское воспитание. Он 29 имел опыт в делах, обладал зрелым умом, сложившимся характером - всем необходимым, чтобы стать помощником нового владыки. Действительно, с 518 по 527 г. он фактически правил от имени Юстина в ожидании самостоятельного правления, которое длилось с 527 по 565 г.

Таким образом, Юстиниан в течение почти полувека управлял судьбами Восточной Римской империи; он оставил глубокий след в эпохе, над которой господствует его величественный облик, ибо одной его воли было достаточно, чтобы пресечь естественную эволюцию, увлекавшую империю к Востоку.

Под его влиянием с самого начала правления Юстина определилась новая политическая ориентация. Первой заботой константинопольского правительства стало примириться с Римом и положить конец расколу; чтобы скрепить союз и дать папе залог своего усердия в правоверии, Юстиниан в течение трех лет (518-521) яростно преследовал монофизитов на всем Востоке. Это сближение с Римом укрепило новую династию. Помимо того, Юстиниан весьма дальновидно сумел принять необходимые меры для обеспечения прочности режима. Он освободился от Виталиана, своего наиболее страшного противника; особенную же популярность он приобрел благодаря своей щедрости и любви к роскоши. Отныне Юстиниан начал мечтать о большем: он прекрасно понимал то значение, которое для его будущих честолюбивых планов мог иметь союз с папством; именно поэтому, когда в 525 г. явился в Константинополь папа Иоанн - первый из римских первосвященников, посетивший новый Рим, - ему был устроен торжественный прием в столице; Юстиниан чувствовал, как нравится на Западе подобное поведение, как неизбежно оно приводит к сравнению благочестивых императоров, правивших в Константинополе, с арианскими варварскими королями, господствовавшими в Африке и в Италии. Так Юстиниан лелеял великие замыслы, когда после смерти Юстина, последовавшей в 527 г., он стал единственным правителем Византии. 30

II

ХАРАКТЕР, ПОЛИТИКА И ОКРУЖЕНИЕ ЮСТИНИАНА

Юстиниан совершенно не походит на своих предшественников, государей V столетия. Этот выскочка, воссевший на трон цезарей, желал быть римским императором, и действительно он был последним великим императором Рима. Однако, несмотря на свое неоспоримое прилежание и трудолюбие - один из придворных говорил о нем: "император, который никогда не спит", - несмотря на подлинную заботу о порядке и искреннее попечение о хорошей администрации, Юстиниан, вследствие своего подозрительного и ревнивого деспотизма, наивного честолюбия, беспокойной деятельности, сочетавшейся с нетвердой и слабой волей, мог бы показаться в целом весьма посредственным и неуравновешенным правителем, если бы он не обладал большим умом. Этот македонский крестьянин был благородным представителем двух великих идей: идеи империи и идеи христианства; и благодаря тому, что у него были эти две идеи, его имя остается бессмертным в истории.

Преисполненный воспоминаний о величии Рима, Юстиниан мечтал восстановить Римскую империю такой же, какой она некогда была, укрепить незыблемые права, которые Византия, наследница Рима, сохраняла в отношении западных варварских королевств, и возродить единство римского мира. Наследник цезарей, он хотел подобно им быть живым законом, наиболее полным воплощением абсолютной власти и вместе с тем непогрешимым

законодателем и реформатором, заботящимся о порядке в империи. Наконец, гордясь своим императорским саном, он желал украсить его всей помпой, всем великолепием; блеском своих построек, пышностью своего двора, несколько ребяческим способом называть своим именем ("юстиниановыми") выстроенные им крепости, восстановленные им города, учрежденные им магистратуры; он хотел увековечить славу своего царствования и заставить своих подданных, как он говорил, почувствовать несравненное счастье быть рожденными в его время. Он мечтал о большем. Избранник божий, представитель и наместник бога на земле, он взял на себя задачу 31 быть поборником православия, будь то в предпринимаемых им войнах, религиозный характер которых неоспорим, будь то в огромном усилии, которое он делал для распространения православия во всем мире, будь то в способе, каким он управлял церковью и уничтожал ереси. Всю свою жизнь он посвятил осуществлению этой великолепной и гордой мечты, и ему посчастливилось найти умных министров, таких, как юрисконсульт Трибониан и префект претория Иоанн Каппадокийский, отважных полководцев, как Велисарий и Нарсес, и особенно, превосходного советника в лице "наивысокочтимейшей, богоданной супруги", той, кого он любил называть "своим самым нежным очарованием", в императрице Феодоре.

Феодора также происходила из народа. Дочь сторожа медведей с ипподрома, она, если верить сплетням Прокопия в "Тайной истории", приводила современников в негодование своей жизнью модной актрисы, шумом своих авантур, а всего более тем, что победила сердце Юстиниана, заставила его на себе жениться и вместе с ним вступила на трон.

Несомненно, что пока она была жива - Феодора умерла в 548 г., - она оказывала на императора огромное влияние и управляла империей в такой же мере, как и он, а может быть и в большей. Происходило это потому, что несмотря на свои недостатки - она любила деньги, власть и, чтобы сохранить трон, часто поступала коварно, жестоко и была непреклонна в своей ненависти, - эта честолюбивая женщина обладала превосходными качествами энергией, твердостью, решительной и сильной волей, осторожным и ясным политическим умом и, быть может, многое видела более правильно, чем ее царственный супруг. В то время как Юстиниан мечтал вновь завоевать Запад и восстановить в союзе с папством Римскую империю, она, уроженка Востока, обращала свои взоры на Восток с более точным пониманием обстановки и потребностей времени. Она хотела положить там конец религиозным ссорам, вредившим спокойствию и могуществу империи, вернуть путем различных уступок и политики широкой веротерпимости отпавшие народы Сирии и Египта и, хотя бы ценой разрыва с Римом, воссоздать прочное единство восточной монархии. И можно спросить 32 себя, не лучше ли сопротивлялась бы натиску персов и арабов та империя, о которой она мечтала, - более компактная, более однородная и более сильная? Как бы то ни было, Феодора давала чувствовать свою руку всюду - в администрации, в дипломатии, в религиозной политике; еще поныне в церкви св. Виталия в Равенне среди мозаик, украшающих абсиду, ее изображение во всем блеске царственного величия красуется как равное против изображения Юстиниана.

III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮСТИНИАНА

В тот момент, когда Юстиниан пришел к власти, империя еще не оправилась от серьезного кризиса, охватившего ее с конца V столетия. В последние месяцы правления Юстина персы, недовольные проникновением имперской политики на Кавказ, в Армению, на границы Сирии, вновь начали войну, и лучшая часть византийского войска оказалась прикованной на Востоке. Внутри государства борьба зеленых и синих поддерживала чрезвычайно опасное политическое возбуждение, которое еще усугублялось плачевной продажностью администрации, вызывавшей всеобщее недовольство. Настоятельной заботой Юстиниана было устранить эти трудности, задерживавшие исполнение его честолюбивых мечтаний в отношении Запада. Не видя или не желая видеть размеров восточной опасности, он ценою значительных уступок подписал в 532 г. мир с "великим царем", что дало ему возможность свободно распоряжаться своими военными силами. С другой стороны, он

беспощадно подавил внутренние смуты. Но в январе 532 г. грозное восстание, сохранившее по кличу повстанцев имя "Ника", в течение недели наполняло Константинополь пожарами и кровью. Во время этого восстания, когда, казалось, должен был рухнуть трон, Юстиниан оказался обязанным своим спасением главным образом храбрости Феодоры и энергии Велисария. Но во всяком случае, жестокое подавление восстания, устлавшее ипподром тридцатью тысячами трупов, имело своим результатом установление прочного порядка в столице и превращение 33 императорской власти в более абсолютную, чем когда бы то ни было.

В 532 г. руки у Юстиниана оказались развязанными.

Восстановление империи на Западе. Положение на Западе благоприятствовало его проектам. Как в Африке, так и в Италии жители, находившиеся под властью варваров-еретиков, давно призывали к восстановлению императорской власти; престиж империи был еще так велик, что даже вандалы и остготы признавали законность византийских притязаний. Вот почему быстрый упадок этих варварских королевств делал их бессильными перед наступлением войск Юстиниана, а их разногласия не давали им возможности объединиться против общего врага. Когда же в 531 г. захват власти Гелимером дал византийской дипломатии повод вмешаться в африканские дела, Юстиниан, полагаясь на грозную силу своей армии, не стал медлить, стремясь одним ударом освободить африканское православное население из "арианского плена" и заставить вандальское королевство вступить в лоно имперского единства. В 533 г. Велисарий отплыл от Константинополя с армией, состоявшей из 10 тыс. пехоты и 5-6 тыс. кавалерии; кампания была стремительной и блестящей. Гелимер, разбитый при Дециме и Трикамаре, окруженный при отступлении на горе Паппуа, был вынужден сдаться (534). В течение немногих месяцев несколько кавалерийских полков - ибо именно они сыграли решающую роль - против всякого ожидания уничтожили королевство Гензериха. Победоносному Велисарии в Константинополе были оказаны триумфальные почести. И хотя понадобилось еще пятнадцать лет (534-548), чтобы подавить восстания берберов и бунты распущенных наемников империи, Юстиниан все же мог гордиться завоеванием большей части Африки и надменно присвоить себе титул императора Вандальского и Африканского.

Остготы Италии не шелохнулись при разгроме Вандальского королевства. Вскоре настал и их черед. Убийство Амаласунты, дочери великого Теодориха, ее мужем Теодагатом (534) послужило Юстиниану поводом для вмешательства; на этот раз, однако, война была более тяжелой и продолжительной; несмотря на успех 34 Велисария, который завоевал Сицилию (535), захватил Неаполь, затем Рим, где он в течение целого года (март 537-март 538) осаждал нового остготского короля Витигеса, а затем завладел Равенной (540) и привел пленного Витигеса к стопам императора, готы вновь оправались под руководством ловкого и энергичного Тотиллы, Велисарий, посланный с недостаточными силами в Италию, был разбит (544-548); потребовалась энергия Нарсеса, чтобы подавить сопротивление остготов при Тагине (552), сокрушить в Кампании последние остатки варваров (553) и освободить полуостров от франкских орд Левтариса и Бутилина (554). Понадобилось двадцать лет, чтобы вновь завоевать Италию. Снова Юстиниан со свойственным ему оптимизмом слишком быстро поверил в окончательную победу, и быть может, именно поэтому он не сделал вовремя необходимого усилия, чтобы одним ударом сломить силу остготов. Ведь подчинение Италии имперскому влиянию было начато с совершенно недостаточной армией - с двадцатью пятью или едва с тридцатью тысячами солдат. В результате война безнадежно затянулась.

Равным образом в Испании Юстиниан воспользовался обстоятельствами, чтобы вмешаться в династические распри Вестготского королевства (554) и отвоевать юго-восток страны.

В результате этих счастливых кампаний Юстиниан мог льстить себя мыслью, что ему удалось осуществить свою мечту. Благодаря его упорному честолюбию Далмация, Италия, вся Восточная Африка, юг Испании, острова западного бассейна Средиземноморья -

Сицилия, Корсика, Сардиния, Балеарские острова вновь стали частями единой Римской империи; территория монархии увеличилась почти вдвое. В результате захвата Сеуты власть императора распространилась вплоть до Геркулесовых столпов и, если исключить часть побережья, сохраненную вестготами в Испании и в Септимании и франками в Провансе, можно сказать, что Средиземное море вновь стало римским озером. Без сомнения, ни Африка ни Италия не вошли в империю в своих прежних размерах; к тому же они были уже истощены и опустошены долгими годами войны. Тем не менее, вследствие этих 35 побед влияние и слава империи неоспоримо возросли, и Юстиниан использовал все возможности, чтобы закрепить свои успехи. Африка и Италия образовали, как некогда, две префектуры претория, и император старался вернуть населению его былое представление об империи. Восстановительные мероприятия частично заглаживали военную разруху. Организация обороны - создание больших военных команд, образование пограничных марок (*limites*), занимаемых специальными пограничными войсками (*limitanei*), постройка мощной сети крепостей, - все это гарантировало безопасность страны. Юстиниан мог гордиться тем, что он восстановил на Западе тот совершенный мир, тот "совершенный порядок", который казался ему признаком подлинно цивилизованного государства.

Войны на Востоке. К несчастью, эти крупные предприятия истощили империю и заставили ее пренебречь Востоком. Восток отомстил за себя самым страшным образом.

Первая персидская война (527-532) была лишь предвестником грозившей опасности. Так как ни один из противников не заходил слишком далеко, исход борьбы остался нерешенным; победа Велисария при Даре (530) была возмещена его поражением при Калликнике (531), и обе стороны вынуждены были заключить непрочный мир (532). Но новый персидский царь Хосрой Ануширван (531-579), деятельный и честолюбивый, был не из тех, кто мог удовлетвориться подобными результатами. Видя, что Византия занята на Западе, особенно обеспокоенный проектами мирового господства, которых Юстиниан не скрывал, он устремился в 540 г. в Сирию и взял Антиохию; в 541 г, он вторгся в страну лазов и захватил Петру; в 542 г. он разрушил Коммагену; в 543 г. разбил греков в Армении; в 544 г. опустошил Месопотамию. Сам Велисарий был не в силах его одолеть. Пришлось заключить перемирие (545), много раз возобновлявшееся, и в 562 г. подписать мир на пятьдесят лет, согласно которому Юстиниан обязался платить "великому царю" дань и отказался от всякой попытки проповедовать христианство на персидской территории; но хотя этой ценой он сохранял страну лазов, древнюю Колхиду, персидская угроза 36 после этой длительной и опустошительной войны не стала менее устрашающей для будущего.

В то же самое время в Европе граница на Дунае поддавалась под напором варваров. В 540 г. гунны предали огню и мечу Фракию, Иллирию, Грецию до Коринфского перешейка и дошли до подступов к Константинополю; в 547 и в 551 гг. славяне опустошили Иллирию, а в 552 г. грозили Фессалонике; в 559 г. гунны вновь появились перед столицей, спасенной с большим трудом благодаря храбрости старого Велисария.

Помимо того, на сцену выступают авары. Конечно, ни одно из этих вторжений не установило длительного господства чужеземцев в империи. Но все же Балканский полуостров был жестоко разорен. Империя дорого платила на востоке за триумфы Юстиниана на западе.

Меры защиты и дипломатия. Тем не менее Юстиниан стремился обеспечить защиту и безопасность территории как на западе, так и на востоке. Организацией больших военных команд, доверенных магистрам армии (*magistri militum*), созданием на всех границах военных рубежей (*limites*), занятых специальными войсками (*limitanei*), он перед лицом варваров восстановил то, что некогда называлось "прикрытием империи" (*praetentura imperii*). Но главным образом он воздвигал на всех границах длинную линию крепостей, которые занимали все важные стратегические пункты и образовывали несколько последовательных барьеров против вторжения; вся территория за ними для большей безопасности была покрыта укрепленными замками. Еще поныне во многих местах можно видеть величественные развалины башен, которые сотнями возвышались во всех имперских

провинциях; они служат великолепным свидетельством того грандиозного усилия, благодаря которому, согласно выражению Прокопия, Юстиниан поистине "спас империю".

Наконец, византийская дипломатия, в дополнение к военным действиям, стремилась обеспечить во всем внешнем мире престиж и влияние империи. Благодаря ловкому распределению милостей и денег и искусному умению сеять раздоры среди врагов империи она приводила под византийское владычество варварские народы, бродившие на границах монархии, и делала их безопасными. Она 37 включала их в сферу влияния Византии путем проповеди христианства. Деятельность миссионеров, распространявших христианство от берегов Черного моря до плоскогорий Абиссинии и оазисов Сахары, была одной из характернейших черт византийской политики в средние века.

Таким образом империя создала себе клиентуру вассалов; в их числе были арабы из Сирии и Йемена, берберы из Северной Африки, лазы и цаны на границах Армении, герулы, гепиды, ломбарды, гунны на Дунае, вплоть до франкских государей отдаленной Галлии, в церквях которой молились за римского императора. Константинополь, где Юстиниан торжественно принимал варварских государей, казался столицей мира. И хотя престарелый император в последние годы правления действительно допустил упадок военных учреждений и чересчур увлекся практикой разорительной дипломатии, которая, вследствие раздачи денег варварам, вызывала их опасные вождения, тем не менее несомненно, что пока империя была достаточно сильна, чтобы защищать себя, ее дипломатия, действовавшая при поддержке оружия, представлялась современникам чудом благоразумия, тонкости и проницательности; несмотря на тяжелые жертвы, которых стоило империи огромное честолюбие Юстиниана, даже его хулители признавали, что "естественным стремлением императора, обладающего великой душой, является желание расширить пределы империи и сделать ее более славной" (Прокопий).

IV

ВНУТРЕННЕЕ ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНИАНА

Внутреннее управление империей доставило Юстиниану не меньше забот, чем защита территории. Его внимание занимала неотложная административная реформа. Грозный религиозный кризис настойчиво требовал его вмешательства.

Законодательная и административная реформа. В империи не прекращались смуты. Администрация была продажной и развращенной; в провинциях царили беспорядок и нищета; судопроизводство, вследствие неопределенности законов, было произвольным и пристрастным. 38 Одним из серьезнейших последствий такого состояния дел было очень неисправное поступление налогов. У Юстиниана были слишком развиты любовь к порядку, стремление к административной централизации, а также забота об общественном благе, чтобы он потерпел подобное положение дел. Помимо этого, для его великих начинаний ему были непрестанно нужны деньги.

Итак, он предпринял двойную реформу. Чтобы дать империи "твердые и незыблемые законы", он доверил своему министру Трибониану великий законодательный труд. Комиссия, созданная в 528 г. для проведения реформы кодекса, собрала и классифицировала в единый свод главные имперские постановления, обнародованные с эпохи Адриана. Это и был кодекс Юстиниана, опубликованный в 529 г. и вторично изданный в 534 г. За ним последовали Дигесты или Пандекты, в которых новая комиссия, назначенная в 530 г., собрала и классифицировала важнейшие выдержки из работ великих юристов второго и третьего веков, - огромный труд, законченный в 533 г., Институции - руководство, предназначенное для учащихся, - резюмировали принципы нового права. Наконец, сборник новых указов, опубликованных Юстинианом между 534 и 565 гг., дополнил внушительный памятник, известный под названием *Corpus juris civilis*.

[Image002]

[Image003]

Юстиниан был так горд этим великим законодательным творением, что запретил дотрагиваться до него в будущем и изменять его какими бы то ни было комментариями, а в

школах права, реорганизованных в Константинополе, Бейруте и Риме, сделал его незыблемым основанием для юридического образования. И действительно, несмотря на некоторые недостатки, несмотря на спешку в работе, вызвавшую повторения и противоречия, несмотря на жалкий вид помещенных в кодекс отрывков из прекраснейших памятников римского права, это было поистине великое творение, одно из наиболее плодотворных для прогресса человечества. Если юстинианово право дало обоснование абсолютной власти императора, оно же позднее сохранило и воссоздало в средневековом мире идею государства и социальной организации. Помимо этого, оно влило в суровое старое римское право новый дух христианства и таким образом 39 внесло в закон неизвестную до тех пор заботу об общественной справедливости, нравственности и человечности.

В целях преобразования администрации и суда Юстиниан обнародовал в 535 г. два важных указа, устанавливавших для всех чиновников новые обязанности и предписывавших им прежде всего скрупулезную честность в управлении подданными. В то же время император упразднил продажу должностей, увеличил жалованье, уничтожил бесполезные учреждения, объединил в ряде провинций, чтобы лучше обеспечить там порядок, гражданскую и военную власть. Это было началом реформы, которая должна была стать значительной по своим последствиям для административной истории империи. Он реорганизовал судебную администрацию и полицию в столице; по всей империи он проводил обширные общественные работы, заставлял строить дороги, мосты, акведуки, бани, театры, церкви и с неслыханной роскошью отстраивал Константинополь, частично разрушенный восстанием 532 г. Наконец, путем умелой экономической политики Юстиниан добился развития в империи богатой промышленности и торговли и, по своей привычке, хвастался, что "своими великолепными начинаниями он дал государству новый расцвет"*. Однако на деле, несмотря на добрые намерения императора, административная реформа провалилась. Огромная тяжесть расходов и проистекавшая отсюда постоянная потребность в деньгах установили жестокую фискальную тиранию, которая истощила империю и довела ее до нищеты. Из всех великих преобразований удалось только одно: в 541 г. из соображений экономии был уничтожен консулат.

_____ * Именно в правление Юстиниана два монаха принесли около 557 г. из Китая секрет разведения шелковичных червей, что позволило промышленности Сирии вырабатывать шелк, частично освободив Византию от иностранного импорта.

Религиозная политика. Как и все императоры, наследовавшие трон вслед за Константином, Юстиниан занимался церковью столько же вследствие того, что этого требовали интересы государства, сколько и из личной склонности к богословским спорам. Чтобы лучше подчеркнуть свое благочестивое усердие, он сурово преследовал еретиков, в 529 г. приказал закрыть афинский университет, где еще тайно оставалось несколько языческих преподавателей, и яростно преследовал раскольников. Помимо этого он умел управлять церковью, как господин, и в обмен за покровительство и милости, которыми он ее осыпал, деспотически и грубо предписывал ей свою волю, откровенно называя себя "императором и священником". Тем не менее он неоднократно оказывался в затруднении, не зная, какой линии поведения ему следует держаться. Для успеха своих западных предприятий ему было необходимо сохранять установленное согласие с папством; чтобы восстановить политическое и моральное единство на Востоке, надо было шадить монофизитов, весьма многочисленных и влиятельных в Египте, Сирии, Месопотамии, Армении. Часто император не знал, на что решиться перед лицом Рима, требовавшего осуждения инакомыслящих, и Феодорой, советовавшей возвратиться к политике единения Зинона и Анастасия, и его колеблющаяся воля пыталась, несмотря на все противоречия, обрести почву для взаимного понимания и найти средство для примирения этих противоречий. Постепенно, в угоду Риму, он позволил константинопольскому собору 536 г. предать инакомыслящих анафеме, начал преследовать их (537-538), напал на их цитадель - Египет, а в угоду Феодоре дал возможность монофизитам восстановить их церковь (543) и

постарался на Константинопольском соборе 553 г. добиться от папы косвенного осуждения решений Халкидонского собора. Свыше двадцати лет (543-565) так называемое "дело трех глав"* волновало империю и порождало в западной церкви схизму, не устанавливая мира на Востоке. Ярость и произвол Юстиниана, обращенные на его противников (наиболее знаменитой его жертвой был папа Вигилий), не принесли никакого полезного результата. Политика единения и веротерпимости, которую советовала Феодора, была, без сомнения, 41 осторожной и разумной; нерешительность Юстиниана, колебавшегося между спорящими сторонами, привела, несмотря на его добрые намерения, лишь к росту сепаратистских тенденций Египта и Сирии и к обострению их национальной ненависти к империи.

_____ * Это название связано с тем, что спор был основан на выдержках из работ трех богословов - Феодора Мопсуестского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, учение которых одобрил Халкидонский собор, а Юстиниан в угоду монофизитам, заставил осудить.

V

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В VI ВЕКЕ

В истории византийского искусства правление Юстиниана знаменует целую эпоху. Талантливые писатели, такие историки, как Прокопий и Агафий, Иоанн Эфесский или Евагрий, такие поэты, как Павел Силенциарий, такие богословы, как Леонтий Византийский, блестяще продолжали традиции классической греческой литературы, и именно на заре VI в. Роман Сладкопевец, "царь мелодий", создал религиозную поэзию - быть может, самое прекрасное и самое оригинальное проявление византийского духа. Еще более замечательным было великолепие изобразительных искусств. В это время в Константинополе завершался медленный процесс, подготовлявшийся в течение двух веков в местных школах Востока. А так как Юстиниан любил постройки, так как ему удавалось находить для осуществления своих намерений выдающихся мастеров и предоставлять в их распоряжение неистощимые средства, то в результате памятники этого столетия - чудеса знания, смелости и великолепия ознаменовали в совершенных творениях вершину византийского искусства.

Никогда искусство не было более разнообразным, более зрелым, более свободным; в VI веке встречаются все архитектурные стили, все типы зданий базилики, например св. Аполлинария в Равенне или св. Димитрия Фессалоникского; церкви, представляющие в плане многоугольники, например церкви св. Сергия и Вакха в Константинополе или св. Виталия в Равенне; постройки в форме креста, увенчанные пятью куполами, как церковь св. Апостолов; церкви, типа святой Софии, построенной Анфимием Тралльским и Исидором Милетским в 532-537 гг.; благодаря своему оригинальному плану, легкой, смелой и точно рассчитанной структуре, 42 искусному разрешению задач равновесия, гармоничному сочетанию частей этот храм доныне остается непревзойденным шедевром византийского искусства. Умелый подбор разноцветного мрамора, тонкая лепка скульптур, мозаичные украшения на голубом и золотом фоне внутри храма являют собой несравненное великолепие, представление о котором еще и поныне можно получить, за отсутствием мозаики, разрушенной в храме св. Апостолов или едва видимой под турецкой росписью св. Софии, - по мозаике в церквях Паренцо и Равенны, а также по остаткам чудесных украшений церкви св. Димитрия Фессалоникского. Повсюду - в ювелирном деле, в тканях, в изделиях из слоновой кости, в рукописях проявляется все тот же характер ослепительной роскоши и торжественного величия, которые знаменуют рождение нового стиля. Под совместным влиянием Востока и античной традиции византийское искусство в эпоху Юстиниана вступило в свой золотой век.

VI

УНИЧТОЖЕНИЕ ДЕЛА ЮСТИНИАНА (565-610)

Если рассматривать правление Юстиниана в целом, нельзя не признать, что он сумел на короткий срок вернуть империи ее былое величие. Тем не менее возникает вопрос, не было ли это величие более кажущимся, чем действительным, и не причинили ли в целом больше зла, чем добра, эти великие завоевания, остановившие естественное развитие восточной

империи и истощившие ее в угоду крайнему честолюбию одного человека. Во всех предприятиях Юстиниана постоянно существовало несоответствие между преследуемой целью и средствами для ее осуществления; отсутствие денег было постоянной язвой, разъедавшей самые блестящие проекты и самые похвальные намерения! Поэтому приходилось до крайнего предела увеличивать фискальный гнет, а так как в последние годы своего правления состарившийся Юстиниан все более и более оставлял течение дел на произвол судьбы, то положение Византийской империи, когда он умер - в 565 г., в возрасте 87 лет, - было совершенно плачевным. В финансовом и в военном отношении империя была истощена; от всех границ надвигалась грозная опасность; в самой империи государственная власть ослабела - в провинциях вследствие развития крупной феодальной собственности, в столице в результате непрестанной борьбы зеленых и синих; повсюду царил глубокая нищета, и современники с недоумением спрашивали себя: "куда же исчезли богатства римлян?" Изменение политики стало настоятельной необходимостью; это было трудным делом, сопряженным с многочисленными бедствиями. Оно выпало на долю преемников Юстиниана - его племянника Юстина II (565-578), Тиберия (578-582) и Маврикия (582-602).

Они решительно положили начало новой политике. Отвернувшись от Запада, где к тому же вторжение лангобардов (568) отняло у империи половину Италии, преемники Юстиниана ограничились тем, что организовали солидную защиту, основав Африканский и Равеннский экзархаты. Этой ценой они вновь получили возможность заняться положением на Востоке и занять по отношению к врагам империи более независимую позицию. Благодаря проведенным ими мероприятиям по реорганизации армии, персидская война, возобновленная в 572 г. и длившаяся вплоть до 591 г., закончилась выгодным миром, по которому персидская Армения была уступлена Византии.

А в Европе, несмотря на то, что авары и славяне жестоко опустошали Балканский полуостров, захватывая крепости на Дунае, осаждая Фессалонику, угрожая Константинополю (591) и даже начиная надолго оседать на полуострове, все же в результате ряда блестящих успехов война была перенесена по ту сторону границ, и византийские армии дошли вплоть до Тиссы (601).

Но внутренний кризис все испортил. Юстиниан слишком твердо проводил политику абсолютного правления; когда он умер, аристократия подняла голову, вновь начали проявляться сепаратистские тенденции провинций, заволновались партии цирка. И так как правительство было не в состоянии восстановить финансовое положение, недовольство все возрастало, чему содействовали административная разруха и военные мятежи. Религиозная политика еще более обостряла всеобщее смятение. После кратковременной попытки осуществления веротерпимости вновь начались ожесточенные преследования еретиков; и хотя Маврикий положил конец этим гонениям, конфликт, вспыхнувший между патриархом константинопольским, претендовавшим на титул вселенского патриарха, и папой Григорием Великим, усилил старинную ненависть между Западом и Востоком. Несмотря на свои несомненные достоинства, Маврикий был чрезвычайно непопулярен. Ослабление политического авторитета облегчило успех военного переворота, который возвел на трон Фоку (602).

Новый государь, грубый солдат, мог держаться только террором (602-610); этим он закончил разорение монархии. Хосрой II, приняв на себя роль мстителя за Маврикия, возобновил войну; персы завоевали Месопотамию, Сирию, Малую Азию. В 608 г. они оказались в Халкидоне, у врат Константинополя. Внутри страны восстания, заговоры, мятежи сменяли друг друга; вся империя призывала спасителя. Он явился из Африки. В 610 г. Ираклий, сын карфагенского экзарха, низложил Фоку и основал новую династию. После почти полувековых волнений Византия вновь обрела вождя, способного руководить ее судьбой. Но в течение этого столетия Византия все же постепенно возвращалась к Востоку. Преобразование в восточном духе, прерванное длительным правлением Юстиниана, должно было теперь ускориться и завершиться. 45

Глава III

Династия Ираклия. Арабская опасность и преобразование империи в VII веке (610-717).

I. Восстановление империи Ираклием.- II. Арабская опасность.- III. Религиозная политика и Запад.- IV. Преобразование империи в VII в.- V. Конец династии Ираклия и упадок империи (685-717).

В истории Византии седьмой век - один из самых мрачных периодов. Это эпоха серьезного кризиса, тот решительный момент, когда самое существование империи ставится под вопрос. Извне на истощенную империю обрушивается грозная опасность, сначала со стороны персов, а вскоре, еще более ужасная, со стороны арабов. Внутри завершается глубокое преобразование, которое придает новый облик византийскому обществу и государству. До сих пор, несмотря ни на что, монархия оставалась Римской империей всемирного характера; латынь была там официальным языком, и благодаря римской традиции были сохранены без изменений прежние звания, установленные еще Римом. В начале VIII века, напротив, образовалась чисто византийская империя, силы которой концентрируются вокруг Константинополя, а характер делается все более и более восточным. 46

I

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ ИРАКЛИЕМ

В тот момент, когда Ираклий (610-641) вступил на трон, положение империи могло казаться почти безнадежным. Ежегодно персы добивались все новых успехов: в 612 г. они захватили Антиохию, Апамею, Кесарию; в 614 г. Дамаск; в 615 г. они заняли Иерусалим, откуда перенесли в Ктесифон святой крест и наиболее знаменитые христианские реликвии; в 617 г. они завоевали Египет и дошли в Азии до Халкидона. В это время перед Константинополем появились авары (619); лангобарды завоевали области Италии, и империя окончательно потеряла свои испанские владения. Сраженный столькими несчастьями, Ираклий стал было думать о том, чтобы покинуть Константинополь и перенести столицу в Африку. Патриарх Сергий, человек неукротимой энергии, чье могущественное влияние отражалось на всей политике царствования, поднял его дух. Ираклий - впечатлительный и нервный, склонный к бурным подъемам и внезапным упадкам, полный пламенной религиозной веры и горящий желанием отомстить персам за оскорбления, нанесенные ими христианству, к тому же храбрый солдат, хороший администратор и крупный полководец - вновь овладел собой. Патриарх предоставил в его распоряжение сокровища церкви; Ираклий сам неустанным трудом восстановил армию. В 622 г. он был готов к борьбе.

В продолжение шести лет, не давая себя отвлекать ничем, даже грозной атакой, совместно предпринятой персами и аварами против Константинополя (626), он сражается с войсками "великого царя", перенося войну на вражескую территорию, в Азербайджан (623) и в персидскую Армению (625), одерживает победы при Ниневии (627) и у ворот Ктесифона (628) и входит в легенды как первый крестоносец. Смерть Хосроя II (628) и последовавшее за ней восстание заставили персов принять унижительный мир, по которому они отказались от всех своих завоеваний и прежде всего возвратили святой крест, вновь торжественно водруженный Ираклием в Иерусалиме (629). 47

После этих крупных военных успехов Ираклий попытался своей религиозной политикой вернуть империи внутреннее единство. Чтобы опять привлечь монофизитов Сирии и Египта, он совместно с патриархом Сергием и Киром Александрийским занялся выработкой примирительной формулы, которая привела бы раскольников к православию. Отсюда родилось учение монофелитов, сформулированное императором в изложении веры, известном под названием Эктесис (638), на почве которого он стремился примирить монофизитов с римской церковью.

В результате этих усилий империя казалась восстановленной; ее престиж на Востоке был вновь упрочен; ее влияние, благодаря обращению в христианство хорватов и сербов,

снова простиралось на северо-запад вплоть до Балканского полуострова.

Но эта блестящая внешность плохо скрывала действительное истощение. Состояние финансов было плачевным; сепаратистские тенденции, способствовавшие успехам персов, отнюдь не были искоренены.

Арабское нашествие в несколько лет уничтожило все плоды побед Ираклия, а его религиозная политика в то же время положила начало длительным разногласиям и серьезным конфликтам.

II

АРАБСКАЯ ОПАСНОСТЬ

Начало VII в. было отмечено великим событием - зарождением ислама. За двадцать лет, в результате необычайной экспансии, новая религия завоевала огромную часть восточного мира и за счет Персии и Византии распространилась от берегов Окса до побережья Великого Сирта.

В 634 г. армия халифа Омара вторглась в Сирию. Византийские войска были разбиты при Аджнадаине (634); Дамаск оказался в руках мусульман (635); разрушение Ярмука (636) заставило Ираклия навеки распротиться с Сирией. К тому же население, враждебное грекам, спешило переходить на сторону победителя. Иерусалим капитулировал в 637 г., Антиохия - в 638 г. Затем пришла 48 очередь Месопотамии (639) и Египта, который Амир завоевал в два года (640-642), не встретив большого сопротивления; и Ираклий, старый и больной, умер в отчаянии. При его наследнике Константе II (642-668) арабы продолжали преуспевать. Киренаика, Триполитания попали в их руки (642-643); в 647 г. они в первый раз захватили северную Африку. Они опустошили Малую Азию (651), подчинили Армению (653). Наконец, создав флот, они стали грозить преобладанию, сохранявшемуся до этих пор Византией в восточных морях. Они завоевали Кипр (649), ограбили Родос (654) и у берегов Ликии (655) нанесли греческим эскадрам, которыми командовал сам император, памятное поражение. Сам Константинополь был в опасности, и Константин II, считая Восток потерянным, вынужден был провести последние годы своей жизни (663-668) на Западе.

Это облегчило предприятия халифов Омейядов, которые с 660 г. правили в Дамаске. Отныне арабы ежегодно стали предпринимать опустошительные нападения на Малую Азию; в 668 г. мусульмане проникли вплоть до Халкидона. Одновременно они возобновили наступление на западе, укрепились в северной Африке, где основали Кайруван (669) и грозили Сицилии. Наконец, в 673 г. они, напрягая все свои силы, попытались атаковать Константинополь. Но новый император, Константин IV (668-685), был энергичным государем. Тщетно в течение целых пяти лет (673-678) арабы осаждали византийскую столицу с суши и с моря; им не удалось ею овладеть.

Греческий флот, которому недавнее изобретение греческого огня обеспечило неоспоримое превосходство, вынудил мусульманские эскадры к отступлению и нанес им в водах Силлеума жестокое поражение. На суше войска халифа были разбиты в Азии. Муавия должен был решиться подписать мир (678). Впервые натиск ислама был остановлен. Константин IV мог гордиться своим делом. Престиж империи был восстановлен до такой степени, что все противники Византии склонились перед ней, "и великое спокойствие, - говорит хронист Феофан, - воцарилось на Востоке и на Западе". 49

III

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА И ЗАПАД

Одновременно император восстановил мир и в церкви.

Религиозная политика Ираклия имела серьезные последствия. Монофелизм вызвал в Африке и в Италии сильное недовольство, выразившееся в восстаниях против императорской власти экзархов Карфагенского (646) и Равеннского (650), в возраставшей враждебности итальянского населения, в яркой оппозиции римских пап. Напрасно Константин II обнародовал для успокоения умов эдикт, названный Тип (Типос) (648); напрасно он повелел арестовать и осудить папу Мартина I (653); напрасно он самолично явился на Запад. Правда, Рим должен был покориться; но в результате всего этого лангобарды добились новых

завоеваний. Константин IV понял, что необходима иная политика. Потеря Египта и Сирии делала отныне бесполезной попытку установить согласие с монофизитами; восстанавливая же религиозное спокойствие в союзе с Римом, государь надеялся сразу вновь прочно присоединить к империи то, что еще оставалось от Италии, и найти время, чтобы целиком посвятить себя военным и политическим делам.

Константинопольский вселенский собор (680-681) имел поэтому своей задачей установление религиозного единства, и в полном согласии с папой он осудил ересь монофелитов и восстановил православие.

Это было большим успехом. Когда в 685 г. умер Константин IV, империя, казалось, вышла из кризиса, грозившего ей гибелью. Положим, она вышла из него чрезвычайно уменьшенной, а ее экономическое процветание было серьезно подорвано потерей Египта, рожь которого служила одним из средств существования империи, Сирии, чья цветущая промышленность была одним из источников ее богатств, и портов Александрии, Газы, Бейрута, Антиохии центров оживленной торговой деятельности. Правда, новая черная туча поднималась на горизонте: с 679 г. болгары, перейдя Дунай, обосновались между этой рекой и Балканами. Но в целом империя сумела оказать сопротивление яростному натиску 50 ислама; защита территории была обеспечена благодаря крупной административной реформе; и империя, более сплоченная, более однородная, избавленная от опасности распада на Востоке и от мертвой тяжести Запада (в 698 г. она потеряла Африку, подобно тому как она уже потеряла Испанию и половину Италии), казалась крепким организмом, способным жить в новом, совершенно восточном облике, который она приняла на протяжении VII в.

IV

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ В VII ВЕКЕ

Действительно, в империи произошли глубокие перемены.

В первую очередь следует отметить этнографическое преобразование. На опустошенном и обезлюдившем Балканском полуострове постепенно стали обосновываться новые народности. На северо-западе Ираклий должен был допустить поселения хорватов и сербов с условием принятия ими христианства и превращения их в вассалов империи. В другие районы также проникали славяне. В Мизии, Македонии, вплоть до границ Фессалоники, образовались заселенные славянами области, которые эти племена завоевали в результате многих набегов. Славяне встречались в Фессалии, центральной Греции, вплоть до Пелопоннеса и островов Архипелага; хотя было бы преувеличением говорить подобно Фальмерайеру о полной славянизации этих областей, тем не менее несомненно, что многочисленные пришлые инородные элементы смешивались с греческим населением и что эти завоеватели доставляли много хлопот императорам VII в., которым с большим трудом удалось их подчинить и ассимилировать. Далее, на северо-востоке полуострова в большом количестве поселились болгары; благодаря соседству обосновавшихся в стране славян они сами постепенно ослабялись и основали прочное государство. Все это, естественно, представляло серьезную опасность для империи; но вместе с тем из этого смешения рас проистекало и одно преимущество: с притоком новой крови империя омоложалась. 51

К этому же времени завершилось и чрезвычайно важное административное преобразование.

Начиная с царствования Юстиниана, система управления, установленная Римом, была в некоторых провинциях изменена посредством объединения в одних руках гражданской и военной власти. После Юстиниана практика эта в целях лучшей защиты границ стала повсеместной. Именно с этой целью к концу VI в. Маврикий создал Африканский экзархат против берберов и Равеннский - против лангобардов. Наконец, в VII столетии такие же меры были приняты на востоке против вторжения арабов и болгар. Ираклий и его преемник установили округа, которые назывались фемами; это слово первоначально означало войсковую часть, а затем стало применяться и к территории, занятой этой войсковой частью; в этих округах власть вверялась военачальнику, стратигу, при котором существовала и гражданская власть, но на подчиненном положении. Так родились фемы: в Азии - Армениак,

Анатолик, Опсикий; в Европе - Фракия. Так же точно были организованы приморские области и острова; они образовали морские фемы.

К концу VII в. империя вместо епархий, на которые она делилась в римскую эпоху, состояла из шести или семи фем значительных размеров. Система фем, дополненная и расширенная императорами VIII столетия, просуществовала столь же долго, как и сама империя; она отмечает в военном отношении эволюцию, типичную для всех государств средневековья.

Но наиболее характерной чертой VII в. был процесс эллинизации империи. Именно в правление Ираклия, в 672 г., впервые в имперском протоколе на месте старинного римского титула появляется греческое наименование "верный богу басилевс" (πίοτς τ Φε Βαοίλεϋς), которое отныне присваивается всем византийским императорам. Одновременно греческий язык становится языком официальным. Еще Юстиниан, считавший латынь "национальным языком" империи, снизошел до опубликования большинства своих новелл, дабы сделать их более понятными, на "общедоступном греческом языке". 52

В VII столетии все имперские указы и правительственные постановления издаются на греческом языке. В администрации старинные латинские титулы или исчезают или эллинизируются, и их место занимают новые названия - логофеты, епархи, стратиги, друнгари. В армии, где преобладают азиатские и армянские элементы, греческий язык становится языком, на котором отдается команда. И хотя Византийская империя до последнего дня продолжала называться "Римской империей", тем не менее там совершенно не понимали латыни, и слово "Πρωαίος" означало греков. Наконец вместо изящного и несколько искусственного языка писателей V и VI вв., продолжавшего традиции классической литературы, появляется простонародный греческий язык, ставший разговорным для большинства населения империи.

В то самое время, как происходила эллинизация империи, все более глубоким делался тот религиозный отпечаток, которым она всегда была отмечена вследствие растущего влияния церкви на общественную жизнь.

В государстве религиозные вопросы играют существенную роль; войны Ираклия одновременно являются крестовыми походами, и богословские проблемы живо интересуют умы императоров. С этого времени православие соединяется в Византии с народностью. Кроме того, патриарх константинопольский, ставший после завоевания арабами александрийской, антиохийской и иерусалимской патриархий единственным главой византийской церкви, оказывается чрезвычайно важным лицом, и часто его влияние в правительстве бывает всецельным. Развитие монашества, многочисленность и богатство монастырей, влияние монахов на души верующих, уважение, окружающее их, а также почитание святых икон, которыми владеют их монастыри, - факты не менее значительные.

С конца VI в. исчезло язычество, а вместе с ним и античный дух; с начала VII в., византийская литература принимает почти исключительно религиозную и народную форму; с точки зрения интеллектуальной и художественной этот период - один из самых бедных в истории Византии. Но благодаря этому греческий язык, всегда бывший на Востоке языком церкви, окончательно 53 завоевал империю; честолюбие константинопольских патриархов, задевавшее щепетильных римлян, религиозная политика императоров, воевавших с папами и оскорблявших их, нарастающие разлад и вражда между Западом и Востоком подготовляли разрыв между двумя мирами и содействовали тому, что Византийская империя отодвигалась на восток. С этого времени империя обретает две могучих опоры, которые обеспечат ее существование в дальнейшем и придадут ей в течение веков ее специфический характер: это эллинизм и православие.

V

КОНЕЦ ДИНАСТИИ ИРАКЛИЯ И УПАДОК ИМПЕРИИ (685-717)

Достаточно было бы могучей руки, чтобы сделать цветущей преобразованную таким образом империю. К несчастью, неосторожность и сумасбродство Юстиниана II (685-695) испортили все результаты деятельности его отца. Вновь началась война с болгарами (689) и

со славянами; возобновилась также и оказалась губительной для империи война с арабами (692); с другой стороны, религиозная политика привела к разрыву с Римом и вызвала восстания в Италии. В 695 г. в результате переворота была свергнута династия Ираклия, и начался двадцатилетний период, анархии (695-717). Шесть императоров сменили один другого на троне; военные перевороты, завершившие эти смуты, привели к тому, что византийская Африка окончательно попала в руки мусульман (693-698). На Востоке, несмотря на старания и временные успехи Тиверия III (698-705), арабы опустошили Малую Азию, вторглись в Армению, восставшую против Византии (703), в Киликию (711), захватили Амасию (712) и Антиохию у Писидии (713), разорили Галатию (714), осадили Аморий (716) и овладели Пергамом. В то же время в Европе болгары, хан которых Тервель в 705 г. восстановил Юстиниана II на троне, вторглись в империю (708) и появились перед Константинополем (712). Империя находилась в отчаянном положении.

Внутреннее положение было отнюдь не лучше. В обществе этого времени наблюдается страшный моральный и интеллектуальный упадок. За время гражданских войн повсюду распространился дух одичания, жестокости, предательства. Непрестанные смуты, разнузданное честолюбие, восстания, вспыхивающие повсюду от Италии до Херсонеса, - все это свидетельствует об отсутствии верности и лояльности по отношению к центральной власти. Огромные успехи делает суеверие: поклонение мощам, вера в чудотворные свойства икон, в чудеса и сверхъестественное; достаточно вспомнить о роли, приписываемой богородице при осаде Константинополя в 626 г., или о вмешательстве, приписываемом св. Димитрию Фессалоникскому при защите Фессалоники; в эту эпоху душами овладевает склонность к фатализму; все, что известно о нравах как духовенства, так и мирян, свидетельствует о невероятной деморализации.

Другой причиной волнений было влияние, которым пользовались монахи, и возбуждение, которое они поддерживали. И многие современники были вполне обоснованно встревожены и возмущены всем происходившим.

Империя призывала спасителя и главу. Эта роль выпала на долю Льва Исавра. Когда в 717 г. стратеги Анатолии и Армениака совместно поднялись против императора, провозглашенного войсками Опсикия, и направились к Константинополю, все - сенат и народ, патриарх и солдаты - высказались в пользу Льва Исаврийской династии, пришедшей оттуда к власти, предстояло восстановить порядок и безопасность империи и блестящим образом реорганизовать ее. 55

IV

ИСАВРИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ И ДВИЖЕНИЕ ИКОНОБОРЦЕВ (717-867)

I. Восстановление империи при первых двух исаврийских императорах (717-775).- II. Иконоборчество (726-780).- III. Ирина и восстановление иконопочитания (780-802).- IV. Второй период иконоборчества (802-842).- V. Внешняя политика и восстановление империи

I

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕРВЫХ ДВУХ ИСАВРИЙСКИХ ИМПЕРАТОРАХ (717-775)

Лев III, новый император (717-740), был замечательным человеком: великолепный полководец, он успешно пытался защитить Азию от мусульман; ловкий дипломат, хороший организатор - он обладал всеми качествами государственного деятеля. Его сын Константин V (740-775), которого он заблаговременно сделал своим соправителем, дабы упрочить династию, также, несмотря на злословие и клевету его врагов, любивших издеваться над ним, несмотря на полученные им от этих врагов прозвища Копроним (что значит навоз) и Кабаллинос (конюх), - был выдающимся государем. Умный и энергичный, он был великим полководцем и великим организатором, и хотя он был властен, вспыльчив, жесток и страстен еще более, чем отец, тем не менее, несомненно, оба первых Исавра были очень крупными императорами, чья славная память долгое время жила в византийской армии и народе; даже их враги не могли не воздать им должного. Отцы Никейского собора, сурово порицая религиозную политику Льва III и Константина V, хвалили их доблесть, одержанные ими

победы, разумные мероприятия, осуществленные ими для блага своих подданных, изданные ими законы, их гражданские институты - все то, что заслужило им признательность народа. И действительно, два первых Исавра были славными преобразователями империи.

Внешняя политика. Едва прошло несколько месяцев со вступления Льва III на престол, как перед Константинополем появились арабы и начали атаковать его с суши и с моря; даже весьма суровая зима не прервала военных действий. Однако в результате многих столкновений мусульманский флот был разбит; сухопутная армия, истощенная голодом, потерпела серьезное поражение. После года бесполезных усилий (август 717- август 718) арабы сняли осаду. Для Льва III это было славным началом царствования, для ислама - великим бедствием; событие это имело несравненно большую важность, чем победа, одержанная Карлом Мартеллом пятнадцать лет спустя в равнинах Пуатье. Натиск арабов окончательно был сломлен, и благочестивые византийцы по праву могли гордиться постоянным заступничеством бога и девы Марии за христианскую империю и ее столицу.

Однако, несмотря на этот разгром, арабы продолжали быть опасными. После нескольких лет передышки они вновь предприняли наступление, и вновь Малая Азия начала почти ежегодно страдать от их вторжений. Но разгром, нанесенный им двумя императорами при Акроине (739), оказался для них суровым уроком. Константин V воспользовался этим, чтобы самому напасть на Сирию (745), отвоевать Кипр (746) и довести свои войска до Евфрата и Армении (751), Успеху византийцев весьма содействовала также внутренняя борьба, волновавшая арабскую империю, и приход к власти Аббасидов (750), в результате чего столица халифата была перенесена из близкого Дамаска в отдаленный Багдад.

В продолжение всего царствования Константина V война была счастливой для греков; после него его сын 57 Лев IV вторгся в 778 г. со стотысячной армией в Сирию и победоносно изгнал мусульман из Малой Азии (779). Арабская опасность, столь страшная в VII в., перестала угрожать империи.

Константин V пытался одновременно уничтожить и опасность со стороны болгар. В 775 г. он начал наступление и в результате девяти последовательных кампаний нанес Болгарии при Маркеллах (759) и Анхиале (762) такие кровавые поражения, что испуганные варвары не осмелились более сопротивляться и в 764 г. приняли мир. Вторая война, начавшаяся в 772 г. и продолжавшаяся до конца царствования, была не менее победоносной; и хотя Константину V не удалось уничтожить государство болгар, но во всяком случае он сумел восстановить престиж византийского оружия на Балканском полуострове. Помимо этого он подавил восстания славян во Фракии и Македонии (758) и по примеру Юстиниана II поселил несколько славянских племен в феме Опсикий в Малой Азии (762).

Внутренняя реформа. Внушая таким образом почтение к империи внешним ее врагам, два первых исаврийских императора стремились в то же время восстановить престиж империи и внутри страны. Это было великое дело административного, экономического и социального преобразования.

Чтобы обеспечить защиту границ, Лев III и его сын начали повсеместно распространять режим фем, деля большие области VII в. на округа, более многочисленные, менее протяженные и легче защищаемые; кроме того, эта система предоставляла им важное политическое преимущество, так как она ослабляла ту власть, которую давало стратигам обладание чересчур обширными территориями, и уменьшала проистекавшую отсюда опасность восстаний. В то самое время как военный закон восстанавливал дисциплину в армии, старательная, часто суровая финансовая администрация поставляла казне доходы. Земледельческий закон имел целью ограничить опасное развитие крупных доменов, приостановить исчезновение мелкой частной собственности, обеспечить крестьянам более сносные условия существования. Морской закон поощрял развитие торгового мореходства. Но особенно улучшила отправление правосудия и с большой ясностью внесла в закон совершенно новый дух человечности и равноправия великая законодательная реформа, которую ознаменовала публикация гражданского кодекса, называемого Эклога (739). После полувекowego правления два первых Исавра сделали империю богатой и цветущей, несмотря

на чуму, опустошившую ее в 747 г., несмотря на волнения, вызванные иконоборчеством.

II

ИКОНОБОРЧЕСТВО (726-780)

Чтобы завершить дело восстановления империи, Лев III и Константин V попытались провести еще и значительную религиозную реформу. Они запретили иконы, стали преследовать защищавших их монахов, и вследствие начатой ими серьезной борьбы, называемой иконоборчеством, они сохранили в истории прозвище иконоборцев.

Историки часто неправильно понимали характер религиозной политики исаврийских императоров и недооценивали ее цель и значение. Причины, вызвавшие ее, были одновременно и религиозные и политические. Много благочестивых душ в начале VIII в. было оскорблено избытком суеверия и в особенности тем местом, какое занимало в жизни византийцев поклонение иконам, вера в их чудотворные свойства, обыкновение соединять с ними все человеческие поступки и интересы; многих умных людей беспокоило то зло, которое таким образом причинялось религии.

Враждебное отношение к иконам было особенно сильно в Азии; Лев III, по происхождению азиат, разделял это чувство. Ни он, ни его сын не были, как то иногда думают, вольнодумцами, рационалистами, предшественниками реформации или революции; это были люди своего времени, благочестивые, верующие, даже богословски образованные, искренне заботившиеся о реформе религии путем очищения ее от всего того, что казалось им идолопоклонством. Но вместе с тем это были государственные деятели, поглощенные заботой о могуществе и спокойствии империи. А огромное количество монастырей и их непрерывно растущие богатства создавали для госу-59дарства серьезную опасность. Имунитеты, которыми пользовались церковные владения, уменьшали доходы казны; значительное количество людей, вступавших в монастыри, отнимало у земледелия работников, у армии - солдат, у общественных учреждений чиновников. Влияние же, какое имели монахи на души верующих, и их могущество, проистекавшее отсюда, делали их особенно опасными. Именно против такого порядка вещей и пытались действовать Исавры, особенно Константин V; запрещая иконы, они наносили удар монахам, которые обретали в культе икон наиболее могущественные средства воздействия на мирян. Несомненно, начатой таким образом борьбой исаврийские императоры открыли длительную эру смут; несомненно, этот конфликт повлек за собой весьма серьезные последствия в области политики. Однако те, кто хочет судить о государях-иконоборцах справедливо, не должны забывать, что в своем начинании они встретили большую поддержку со стороны высшего духовенства, завидовавшего влиянию монахов, и армии, в большинстве состоявшей из азиатов; их поддержал не только официальный мир, но и народ, нельзя забывать, что начатое ими дело имело и глубокие основания и несомненное величие.

В 726 г. Лев III обнародовал первый эдикт против икон, в котором, как кажется, он предписывал не столько их разрушать, сколько вешать более высоко - так, чтобы удалить их от поклонения толпы. Эта мера вызвала крайнее возбуждение: в Константинополе произошли яростные столкновения, в Греции вспыхнуло восстание, впрочем быстро подавленное (727); Италия поднялась вся целиком (727); папа Григорий II ограничился резким протестом против ереси иконоборцев, но его преемник Григорий III вскоре начал проводить более смелую политику и, не довольствуясь преданием иконоборцев анафеме (731), пытался одно время воспользоваться помощью лангобардов против императора. С другой стороны, в Сирии Иоанн Дамаскин метал громы и молнии против Льва III. Между тем эдикт применялся, по-видимому, с большой умеренностью; защитники икон не подвергались систематическому преследованию; и хотя патриарх Герман был низложен и замещен сторонником реформы (729), 60 хотя против церковных школ были приняты определенные меры, - вместе с тем восстание в Греции было подавлено отнюдь не сурово.

Однако борьба неизбежно должна была принять более острый характер. В том конфликте, где по существу сталкивались авторитет императора в вопросах религии и стремление церкви освободиться от опеки государства, скоро возникли принципиальные

вопросы. Кроме того, Константин V, обладавший большей склонностью к богословию, чем его отец, привнес в борьбу свои личные мнения, выступив не только против икон, но и против культа богородицы и святых, а так как он обладал и более страстным характером, то вел борьбу с большим фанатическим пылом и с большей жестокостью.

Когда после десяти лет славы и процветания он укрепился на троне, поколебленном было восстанием Артавазда (740-742), он созвал в Иерии собор (753), который торжественно осудил иконы. Отныне государь мог наказывать упорствующих не только за неподчинение императору, но и за восстание против самого бога. Однако сначала он льстил себя надеждой убедить своих противников.

Только в 765 г. начались настоящие гонения. Иконы разбивали, монастыри закрывали или секуляризовали, превращали в казармы или гостиницы; монастырское имущество конфисковали, монахов подвергали аресту, тюремному заключению, истязаниям, ссылке; некоторые из них, как св. Стефан младший, погибли насильственной смертью; другие выставлялись на посмеяние перед народом, собранным на ипподроме. Много высоких должностных лиц империи было казнено или выслано. Патриарх Константин, сначала высланный, впоследствии был казнен (767). В продолжение пяти лет по всей империи свирепствовали преследования, быть может, менее ужасные, чем их изображают противники императора - смертные приговоры в целом были редки, - но все же чрезвычайно яростные. "Казалось, - говорит один современник, - что правительство намеревалось полностью искоренить монашество". Монахи стойко сопротивлялись; они мужественно страдали "за справедливость и истину". Все же многие уступали, многие бежали, главным образом в 61 Италию, так что, как с некоторым преувеличением говорит один современник, "казалось, что в Византии не осталось ни одного монаха".

Несомненно, что эта борьба была причиной беспримерной ярости, суровости, крайней жестокости и что она породила в империи глубокое волнение. Помимо этого она имела очень важные последствия. Уже Лев III своей попыткой сломить оппозицию папства, отделив от подчинения Риму Калабрию, Сицилию, Крит и Иллирию и подчинив их патриарху константинопольскому, усугубил недовольство пап и нерасположение населения Италии.

Когда в 751 г. Равеннский экзархат пал под ударами лангобардов, папа Стефан II, не колеблясь, отвернулся от еретической и неспособной защитить полуостров империи, чтобы обратиться к франкам за менее тягостной и более действенной поддержкой, и принял от победителя Пипина земли, некогда принадлежавшие Византии, которые отныне образовали светское владение пап (754).

Это был разрыв между империей и Римом. Константин V был готов на все, чтобы покарать папу, в котором он видел лишь вероломного подданного, незаконно присвоившего себе то, что принадлежало его господам. Все его усилия были напрасны. В 774 г. Карл Великий, вновь вторгшись на полуостров, торжественно утвердил дар Пипина. Византия сохранила в Италии только Венецию и несколько городов на юге полуострова. В результате сократившаяся в своих размерах империя оказалась отброшенной еще далее на восток; кроме того, этот разрыв стал источником серьезных осложнений и опасностей в будущем.

III

ИРИНА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИКОНОПОЧИТАНИЯ (780-802)

Религиозная политика первых Исавров посеяла много семян раздора, недовольства, смуты. Это обнаружилось со смертью Константина V.

В течение своего короткого царствования Лев IV (775-780) продолжал традиции предшествовавшего правления; но его вдова Ирина, регентша при юном Константине VI, очень скоро сочла более выгодным для своих 62 честолюбивых замыслов опереться на православие и восстановить почитание икон. Целиком посвятив себя осуществлению, этого серьезного намерения, она пренебрегла борьбой с мусульманами, которые в 782 г. вновь оказались у Хрисополя, перед самым Константинополем, и заключила с халифом довольно унижительный мир (783); с другой стороны, она сблизилась с Римом, завязала дружеские

отношения с франкским королевством; в своей внутренней политике она особенно заботилась об устранении из правительства иконоборцев, удалила из столицы своих зятьев, сыновей Константина V; расчистив, себе таким образом путь, она, в согласии с патриархом Тарасием, добилась торжественного осуждения ереси иконоборцев на вселенском соборе в Никее (787) и восстановила иконопочитание при бурном одобрении верующих, которые видели в этой победе залог приближения полной независимости церкви от государства.

Опьяненная своей победой, воодушевленная популярностью, которую она стяжала своим благочестивым усердием, Ирина не поколебалась вступить в борьбу за трон со своим сыном, достигшим совершеннолетия. В первый раз она вынуждена была отступить (790) перед недовольством армии, остававшейся верной памяти Константина V, обескураженная поражениями, которые наносили византийской армии арабы, болгары и лангобарды. Но она ловко подготовила свой возврат к власти; в 797 г. она свергла своего сына, не остановившись перед тем, чтобы ослепить его.

С тех пор (797-802) она стала царствовать как подлинный император, первая женщина, которая от своего имени правила в Византии. Но хотя благодаря ей церковь, окрепшая и обновленная в результате борьбы, вновь заняла свое прежнее положение в византийском обществе, хотя партия монахов и иконопочитателей, руководимая такими людьми, как Феодор Студит, стала более могущественной и более предприимчивой, чем когда-либо, все же исключительное попечение Ирины о религиозной политике повлекло за собой печальные последствия.

Несмотря на временные победы, одержанные Константином VI над арабами и болгарями (791-795), 63 багдадский халифат при Харун-ар-Рашиде блистательно возобновил наступление на Востоке и принудил византийцев платить ему дань (798). На Западе, перед лицом Карла Великого, Византийская империя обнаружила такую же слабость, и события 800-го года, в результате которых Западная Римская империя была восстановлена франкским королем, были для византийского двора чувствительным унижением.

Уменьшенная в своих границах, империя была ослаблена и изнутри - в силу крайней благосклонности, проявлявшейся государством в отношении церкви, в результате глубоких разногласий, которые оставило после себя иконоборчество, наконец, вследствие дурного примера, поданного Ириной, открывшей эру династических переворотов. Несомненно, эпоха иконоборцев отмечена замечательным расцветом художественной и умственной жизни; исаврийские императоры отнюдь не были пуританами; запрещая иконы, они любили роскошь, блеск придворной жизни, и для украшения своих построек поощряли светское искусство, питаемое как античными традициями, так и арабскими образцами; и благодаря этому, а также в силу того видного места, которое в VIII в. принадлежит азиатам, империя окончательно становится восточной. Но как бы ни была велика роль, которую империя сохраняла как оплот христианства против ислама и страж культуры против варварства, - к концу VIII столетия ей отовсюду грозили страшные опасности, и она оказалась чрезвычайно слабой.

Падение Ирины, свергнутой в результате государственного переворота Никифором (802), открывает полосу разрухи и анархии.

IV

ВТОРОЙ ПЕРИОД ИКОНОБОРЧЕСТВА (802-812)

Никифор (802 - 811) был умным государем и ловким финансистом; заботясь о пополнении разоренной казны, он сам оказался вынужденным нанести удар даже церковному имуществу. Он был сторонником умеренных действий и потому отказался от яростной тактики иконоборцев; тем не менее он сумел поддержать их реформу 64 и считал особенно недопустимым стремление византийской церкви, опьяненной своей победой, открыто освободиться от власти государства и вновь завоевать свободу. Это характерная черта второго периода иконоборчества: в то время в Византии имело место нечто подобное спору об инвеституре, происходившему позднее на Западе.

Монахи монастыря св. Иоанна Студита под руководством своего игумена Феодора с

чрезвычайным пылом и крайне непреклонно поддерживали притязания церкви. С равной суровостью они боролись против осторожной политики патриарха Никифора (806 - 815), который пытался сгладить воспоминания о времени иконоборцев, против финансовой политики императора и против его авторитета в области религии. Правительство вынуждено было с ними бороться (809), изгонять их из монастыря и из страны; монахи, не колеблясь, обратились к папе, готовые признать главенство римской церкви, чтобы обеспечить этой ценой независимость восточной церкви от государства. Подобное поведение должно было вызвать реакцию со стороны иконоборцев. Это было делом Льва V Армянина (813 - 820) и двух императоров Фригийской династии - Михаила III (820 - 829) и Феофила (829 - 842). Снова на целых тридцать лет империя оказалась во власти ужасных смут.

В 815 г. собор, созванный в св. Софии, вновь запретил иконы и снова ввел в силу указы императоров-иконоборцев от 753 г. В результате снова началось разрушение икон; малейшие попытки протеста со стороны монахов безжалостно подавлялись; монахов предавали суду, ожесточенно преследовали, ссылали. Феодор Студит умер в ссылке (826); при императоре Феофиле, пламенном иконоборце, упрямо отстаивавшем свои богословские убеждения, преследования стали еще более суровыми. Против защитников икон был издан жестокий указ (832), и патриарх Иоанн, прозванный Леканомантом (волшебником), взял на себя его исполнение. Монастыри закрывались, монахи подвергались преследованиям и тюремному заключению; вновь воцарился террор. Но после ста двадцати лет изнурительной и 65 бесплодной борьбы наступила усталость. Немедленно по смерти Феофила его вдова, регентша Феодора, по совету своего брата Варды, решила установить мир, возобновив почитание икон. Это было делом собора 843 г., которым руководил новый патриарх, Мефодий; решения этого собора были провозглашены в торжественной обстановке; греческая церковь поныне прославляет память об этом событии в ежегодном празднике православия 19 февраля (kvriak te pfodoeias).

Но хотя иконы и были восстановлены, хотя, благодаря этому, церковь оказалась победительницей, - все же в одном существенном пункте дело императоров-иконоборцев осталось без изменения. Они хотели сохранить церковь, зависимую от государства, подчинить ее императорской власти; студиты ожесточенно боролись против этого намерения; они упорно отказывали императору в праве решать вопросы веры и, не уступая ни в чем, требовали независимости церкви от светской власти. В этом пункте студиты потерпели поражение.

Церковь оказалась более чем когда-либо подчиненной власти императора, таков неоспоримый результат иконоборческого движения.

V

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ (802-867)

В то время как империя была поглощена религиозной борьбой, серьезные события смущали ее покой внутри и колебали ее безопасность вовне.

Преступление Ирины против сына, положившее конец Исаврийской династии, вновь открыло эру переворотов. За государственным переворотом, возведшим на престол Никифора (802), последовало восстание, сделавшее императором Льва V (813), и затем заговор, в результате которого убитого Льва V сменил Михаил II (820); наряду с успешными заговорами можно привести, длинный перечень неудачных попыток, из которых самой опасной было восстание Фомы Славянина (822-824), который, опираясь на низшие классы, придал своему восстанию почти народный характер. В течение двадцати лет империя была жертвой анархии.

Вовне ее дела шли не лучше. Договор 812 г., признававший за Карлом Великим титул императора, означал окончательную потерю Италии, где Византия сохранила только Венецию и некоторые земли на юге полуострова. Война с арабами, возобновленная в 804 г., привела к двум серьезным поражениям: к захвату Крита, мусульманскими пиратами Испании (826), начавшими отсюда почти безнаказанно опустошать восточное Средиземноморье, и к завоеванию Сицилии африканскими арабами (827), овладевшими в

831 г. Палермо. Особенно грозной была опасность со стороны болгар, с тех пор как страшный хан Крум расширил пределы своей империи от Гема до Карпат. Никифор попытался разбить его, вторгшись в Болгарию, но на обратном пути, в результате кровавого разгрома, он погиб (811), а болгары, вновь захватив Адрианополь, появились у стен Константинополя (813).

Победа Льва V при Месемврии (813) спасла империю. Но если вспомнить, что ко всем этим многочисленным опасностям прибавились еще восстания не вполне подчиненных народов - такие, как восстание славян Пелопоннеса (807), - станет понятно, что после двадцати лет анархии дело великих исаврийских императоров казалось полностью уничтоженным.

Тем не менее империя оправилась от этого кризиса. Царствование Феофила (829-842), вследствие возраставшего ослабления багдадского халифата, частично возместило поражения на Востоке, и хотя после разгрома у Дезимона (ныне Токат) и взятия Амория (838) пришлось просить у арабов мира, все же благодаря энергичной внутренней политике, хорошему управлению финансами и дипломатической ловкости Византия восстановила свой престиж и процветание. Великолепием построек, роскошью священного дворца, блеском культуры Константинополь к середине IX в. соперничал со столицей халифов. Когда же в конце концов затихла нескончаемая борьба, порожденная иконоборчеством, он стал еще более блестящим и могущественным. Казалось, что, выйдя из этого длительного периода смут, 67 литература и искусство обрели новую силу, и Константинопольский университет, восстановленный в Магнаврском дворце кесарем Вардой (около 850 г.), стал под руководством Льва Фессалоникского центром замечательной умственной культуры.

Церковь, также вышедшая помолодевшей из борьбы, предоставляла свою обновленную деятельность к услугам государства. Она восстанавливала религиозное единство, сражаясь с ересями, особенно с павликианами, которых правительство Феодоры яростно преследовало в Малой Азии, и заканчивая обращение славян Пелопоннеса (849); особенно успешно распространялось византийское влияние на весь Восток благодаря деятельности миссионеров. По призыву государя Великой Моравии Кирилл и Мефодий, "славянские апостолы", понесли христианство варварским племенам Венгрии и Богемии (863). Но этим не ограничивается их деятельность. По просьбе новообращенных они перевели священное писание на славянский язык; для того чтобы записать свой труд, они изобрели славянскую письменность - глаголицу, - дав таким образом славянам и собственный алфавит и собственный литературный язык; они проповедовали на славянском языке, совершали богослужение по славянскому обряду, стремились создать славянское духовенство, и благодаря своей тонкой дальновидности они завоевали славянский мир для православия. В течение двадцати лет (863-885) фессалоникские братья совершали свое дело проповеди евангелия. И хотя, в конце концов, оно потерпело неудачу вследствие враждебного отношения германцев и вторжения мадьяр, в других местах подобный образ действий доставлял Византии более продолжительные успехи. На берегах Дона христианство проникло в государство хазар, где господствовала иудейская религия. Особенно важно, что в 864 г. православие принял царь Болгарии Борис; и хотя спустя несколько лет новообращенный правитель заколебался было между Византией и Римом, хотя он и вступил в сношения с папой Николаем I, прося его установить в болгарском царстве латинский обряд (866), тем не менее отныне греческое влияние глубоко проникло в Болгарию. 68

Это были крупные успехи. Без сомнения, сумасбродства Михаила III (842-867), особенно после того как молодой государь вышел из-под опеки своей матери Феодоры (856) и своего дяди Варды, несколько омрачили достигнутые результаты. Морские набеги арабов Крита опустошали восточные моря; в Малой Азии в течение двадцати лет (844-863) успехи сменялись неудачами; на Западе между 843 и 859 гг. мусульмане окончательно завоевали Сицилию. Наконец, впервые перед Константинополем появились русские (860) и, согласно народному верованию, столица была спасена лишь благодаря чудесному заступничеству девы Марии.

Другое, более серьезное и значительное событие произошло в правление Михаила III. На константинопольский патриарший престол на место Игнатия, свергнутого кесарем Вардой, сел Фотий (858). По призыву низложенного первосвященника папа Николай I начал судебное дело и поручил легатам произвести расследование. Властолюбивый Фотий великолепно использовал недовольство, которое Восток в продолжение многих столетий испытывал по отношению к притязаниям пап, и его вражду против Запада. В ответ на требование признать власть Рима он весьма ловко сумел превратить свое личное дело в дело подлинно национальное. На отлучение, которому подверг его папа Николай I (863), он ответил разрывом с Римом. Константинопольский собор (867) предал папу анафеме, объявил его вмешательство в дела восточной церкви незаконным и завершил раскол. Это было убедительным доказательством наличия в Византии национального чувства, не менее ярко проявившегося в то же самое время в Болгарии в форме возмущения, вызванного захватнической политикой Рима (866).

Таким образом, к середине IX в. уже действительно существовала византийская национальность, медленно сложившаяся в ходе событий. Империя после периода иконоборчества вновь обрела религиозное единство, политическое могущество, величие духовной жизни; но прежде всего она стала чисто восточной империей. 69 Близился момент, когда Византия должна была достигнуть вершины своего могущества. Когда Василий Македонский^{1*}, фаворит Михаила III, приближенный им к трону, освободился сначала от своего соперника Варды (866), а затем убил своего благодетеля (867) и положил начало новой династии, - этим государственным переворотом он обеспечил Византийской империи сто пятьдесят лет могущества, процветания и славы. 70

* 1 Подобное наименование было обычным; однако следует заметить, что Василий был армянского происхождения и переселился в Македонию довольно поздно.

Глава V

РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ ПРИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ

(867-1081)

I. Государи Македонской династии. Укрепление династии (867-1025).- II. Внешняя политика македонских императоров (867-1025).- III. Внутреннее управление империей и византийская культура X в.- IV. Упадок империи в XI в. (1025-1081)

I

ГОСУДАРИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ. УКРЕПЛЕНИЕ ДИНАСТИИ

(867-1025)

В течение ста пятидесяти лет (с 867 по 1025) Византийская империя переживала период несравненного величия. К счастью для нее, руководившие ею в продолжение полутора столетий государи почти все без исключения были замечательными людьми.

Основатель династии Василий I (867-886), Роман Лекапин (919-944), Никифор Фока (963-969), Иоанн Цимисхий (969-976), знаменитые узурпаторы, правившие в качестве законных государей, наконец Василий II, царствовавший в течение пятидесяти лет (976-1025), - отнюдь не были византийскими императорами в обычном, слишком распространенном понимании этого слова. Это были суровые и энергичные люди, часто не знавшие ни угрызений совести, ни жалости, с властной и твердой волей, более заботившиеся о том, чтобы их боялись, чем о том, чтобы их любили; 71 но вместе с тем это были государственные деятели, воодушевленные мыслью о величии империи, знаменитые полководцы, чья жизнь проходила на полях сражений, среди солдат, которых они ценили, видя в них источник могущества империи; это были умелые администраторы с упорной и негибкой энергией, ни перед чем не останавливавшиеся, когда дело шло об общественном благе. У них совершенно отсутствовало стремление к бесполезным тратам, все помыслы их были направлены на увеличение национального богатства; ослепительная пышность дворца, суетный блеск процессий и церемоний интересовали их лишь постольку, поскольку служили их политике и поддерживали престиж императора и империи. Они ревниво оберегали свою власть и потому, как правило, не имели фаворитов, если не считать

такой могущественной личности, как паракимомен (обер-камергер) Василий, побочный сын Романа Лекапина, который в течение пяти царствований, на протяжении более сорока лет (944-988), был душой правительства. Их советники по большей части были людьми незначительными, которыми они пользовались, оставаясь для них владыками. Исполненные жажды славы, с сердцем, охваченным самым высоким честолюбием, они стремились превратить Византийскую империю в могущественный оплот восточного мира, в поборника эллинизма и православия одновременно; и благодаря блистательной силе своего оружия, гибкой и ловкой дипломатии и энергичному управлению им удалось осуществить свою мечту и превратить этот период в эпоху подлинного возрождения, в один из самых славных периодов длительной истории Византии.

В тот момент, когда Василий I вступил на трон, положение империи было исключительно тяжелым; предстояло восстановить все государство. Грубый крестьянин, вознесенный преступлением на вершину власти, Василий I обладал всеми качествами, необходимыми для этого трудного дела: он был умен и равно желал создать порядок внутри империи и восстановить ее престиж вовне; это был хороший правитель, превосходный солдат, стремившийся прежде всего прочно укрепить 72 императорскую власть. В течение двадцатилетнего правления он сумел и поправить дела империи и, благодаря достигнутым им успехам, обеспечить судьбу своего дома. Его сын Лев VI (886-912), правление которого имеет чрезвычайно важное значение для административной истории империи, хотя и отличался от своего отца пристрастием к мирной домашней жизни, мелочным педантизмом и слабостью перед фаворитами, с той же настойчивостью преследовал задачу укрепления династии: чтобы обеспечить себе наследника, он не остановился перед четырехкратной женитьбой, приведшей его современников в негодование и поссорившей его с церковью и ее главой, патриархом Николаем. Благодаря этому, однако, впервые в Византии возникла идея наследственного права на престол. Грандиозным делом двух первых македонских императоров было, как пишет один современник, "дать императорской власти могучие корни, дабы они породили великолепное династическое древо". Отныне опрокинуть это династическое древо, столь прочно укоренившееся, было бы нелегким делом; теперь возник императорский род, члены которого получили имя порфирогенетов (рожденных в порфире), и в народе зародилась привязанность и преданность к этому роду. Для империи, которую до сих пор волновали бесчисленные восстания, это было счастливым новшеством, значительным по своим последствиям.

Правда, и в этот период не прекращались восстания. Смуты, которыми отмечен беспокойный период несовершеннолетия Константина VII, сына Льва VI (912-959), дали Роману Лекапину возможность захватить власть в свои руки на четверть столетия (919-944). Несколько позднее, когда после четырехлетнего правления умер Роман II, сын Константина VII (959-963), слабость правительства в период несовершеннолетия сыновей Романа, Василия II и Константина VIII привела сначала к восстанию, вознесшему на престол Никифора Фоку (963-969), а затем к трагическому государственному перевороту, во время которого Никифор был убит и императором стал Иоанн Цимисхий (969-976). Но ни один из этих узурпаторов не осмелился устранить от трона законных потомков Василия I. Роман Лекапин официально 73 делил престол с Константином VII, хотя в действительности Константин был отстранен от власти и проводил свои дни в полной безвестности за усердными занятиями наукой.

Никифор Фока и Иоанн Цимисхий номинально оставили во главе правления детей Романа II и пытались придать своей узурпации вид законности путем женитьбы на принцессах императорской фамилии. После них власть вновь естественным путем перешла к достигшему совершеннолетия представителю Македонской династии - великому императору Василию II. Династия так прочно укрепилась в этой восточной монархии, что к власти приходили даже женщины. Это были племянницы Василия II - Зоя (1028-1050), последовательно делившая трон со своими тремя супругами, и Феодора (1054-1056); и эти государыни пользовались популярностью, о чем свидетельствует восстание 1042 г., когда

был свергнут Михаил V за стремление лишить Зою трона, и недовольство, с которым столкнулся Константин Мономах, когда его заподозрили в желании отстранить обеих императриц. Ничего подобного прежде в Византии не бывало, и общественное мнение открыто провозглашало, что "тот, кто правит в Константинополе, всегда оказывается победителем"; это превращало узурпацию не только в преступление, но в нечто худшее: в глупость.

Но поскольку все же оказывалось, что и узурпаторы были выдающимися людьми и превосходными полководцами, империя без особых неудобств могла переносить политическую бездарность Константина VII, кутежи Романа II, слабоумие сыновей этого императора, и на протяжении полутора столетий вести свои дела с такой последовательностью и твердостью, каких Византия давно уже не знала. Наконец, помощь и чрезвычайно ценное сотрудничество таких полководцев, как Куркуас, Фока, Склиры, таких министров, как паракимомен Василий, - дали императорам Македонской династии возможность чрезвычайно расширить границы империи и придать ей ни с чем не сравнимый блеск. На всех границах было возобновлено наступление, увенчавшееся блестящим успехом; дипломатия, дополняя военное искусство, собирала вокруг империи вереницу вассалов; византийское влияние распространялось по всему восточному миру, вплоть до запада; могущественное правление прославилось своими законодательными творениями; административный аппарат, централизованный, состоявший из ловких и образованных чиновников, благодаря общему впечатку эллинства и повсеместному распространению православия, сумел обеспечить империи единство, казавшееся невозможным в силу пестроты ее национального состава; вот что означали для Византии те сто пятьдесят лет, в течение которых ею управляли императоры Македонской династии. Правда, им не вполне удалось, несмотря на все усилия, уничтожить серьезную опасность, грозившую этому расцвету, разрешить аграрный и социальный вопросы, принявшие весьма острый характер, и обуздать аристократию, всегда готовую к восстаниям; они не смогли помешать честолюбивым руководителям восточной церкви осуществить раскол и поколебать прочность империи путем отделения навеки Византии от Рима; правда, после прекращения Македонской династии империя оказалась слабой перед лицом норманнов и турок, и возникла возможность продолжительной анархии (1057-1081); но все это не меняет того факта, что династия, основанная Василием I, в продолжение ста пятидесяти лет приносила Византии громкую славу. В X и XI вв. Константинополь был самым блестящим центром европейской культуры - "Парижем средневековья", как его называли впоследствии.

II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МАКЕДОНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (867-1035)

Борьба против арабов. С тех пор как в 826 г. арабы завоевали Крит, они стали бичом византийских морей. Хандакс, столица острова, был притоном мусульманских пиратов; отсюда, так же как из Тарса, Триполи и Сирии, арабские корсары совершали свои опустошительные набеги по всему Эгейскому морю. Несмотря на достигнутые Василием I успехи в деле реорганизации армии 75 и флота, вражеские эскадры продолжали господствовать в архипелаге. В 904 г. Фессалоника была захвачена Львом Триполийским и почти все население уведено в рабство. Несмотря на некоторые успехи византийского флота в 907 и особенно в 924 г. в водах Лемноса, экспедиции, направленные против Крита, потерпели поражение (911 и 949). Пришлось направить против острова - "да поразит его Господь!" - лучшего полководца империи Никифора Фоку (960). Ему удалось произвести на Крите высадку и после многих месяцев осады захватить штурмом Хандакс (март 961). Население отвоеванного острова было обращено в христианство. Господство на восточных морях вернулось к византийцам.

В то же время счастливые обстоятельства позволили возобновить наступление в Малой Азии. Уже Василий I раздвинул границы империи до верховьев Евфрата, вновь захватил Самосату (873), совершил победоносные кампании в Каппадокии и в Киликии (878-879). Анархия в мусульманском мире X столетия еще более облегчила успех Византии, особенно

когда с 927 г. империя освободилась от болгарской опасности. При знаменитых полководцах - Иоанне Куркуасе, который двадцать два года командовал в Малой Азии (920-942) и заслужил прозвище "второго Траяна, второго Велисария", затем при Варде Фоке и его сыновьях - Никифоре, Льве и Константине - борьба велась очень деятельно и успешно. В 928 г. был взят Феодосиополь, нынешний Эрзерум; в 934 г. - Мелитена, в 944 г. - Эдесса, откуда торжественно возвратили сохранявшийся там чудотворный образ спасителя; в 949 г. - Германикия, в 957 г. - Амида, в 958 г. - Самосата. Византийская граница была отодвинута от Галиса до Евфрата и Тигра, и ряд вновь созданных провинций (фемы Севастея, Месопотамия, Селевкия, Ликанд) свидетельствовал о значительности византийских завоеваний. Армения и Иверия сбросили с себя иго ислама и вошли в сферу византийского влияния. В продолжение всего X в. значительную роль в делах империи играли, по-видимому, армяне; они давали ей солдат, полководцев, администраторов, дипломатов, даже императоров, Роман Лекапин и Иоанн Цимисхий были по происхождению армяне. 76

Подлинно крестоносное движение увлекало Византию против неверных. В Сицилии и северной Сирии Никифор Фока сокрушил могущество эмиров Амданидов из Алеппо. Он захватил Аназарб, Адану, Мопсуесту (964), Тарс (965), Лаодикию, Гиерополь, Эмез, Алеппо и, наконец, Антиохию (968). Его преемник Иоанн Цимисхий завоевал в Месопотамии Эдессу и Низибий (974), в Сирии Дамаск и Бейрут (976), а в Палестине продвинулся до самого Иерусалима. "Народы, - говорит один хронист, - обретались в великом страхе перед гневом Цимисхия, и меч христиан косил так же, как серп неверных". Василий II закончил завоевание Востока. В 995 г. он захватил Алеппо, Гомс, Кесарию. Великолепные триумфы знаменовали крах мусульманского могущества, в то время как империя, прекрасно защищенная рядом сильных крепостей от нового вторжения, разрасталась на восток. Захват - быть может, неразумный армянских княжеств Василием II (1020) и подчинение Иверии завершили эти славные достижения. Со времен Юстиниана империя не простирала своего влияния так далеко на восток.

Борьба против болгар. Война с болгарам является во внешней истории Византии X в. еще более важным событием, чем война с арабами. В начале X столетия болгарская опасность была более грозной, чем когда-либо. Территория болгарского государства простиралась от областей, расположенных к северу от Дуная, до Балкан, а на западе она доходила до горных массивов Пинда. Благодаря окончательному слиянию болгарского и славянского элементов, Болгария представляла собой однородное государство с мощной монархической властью, где обращение в христианство обеспечило единоверие, а культура в результате соприкосновения с Византией поднялась до довольно высокой ступени. Все это толкало болгарских царей на борьбу с византийскими императорами за гегемонию на Балканах. Для осуществления этих честолюбивых мечтаний достаточно было, чтобы появился соответствующий человек; таким человеком оказался сын Бориса царь Симеон (893-927). Воспитанный в Византии, где его держали в качестве заложника, очарованный византийской роскошью и 77 культурой, он мечтал завоевать Константинополь и возложить на свою голову корону наследников Константина. В продолжение более чем ста лет между греками и болгарам шла настоящая национальная борьба.

Эта борьба началась в 889 г.; замечательно, что ее причины имели экономический характер. Когда Лев VI приказал перевести в Фессалонику находившиеся в Константинополе склады болгарских купцов, Симеон объявил ему войну. Вторжение венгров, подкупленных византийцами, принудило в конце концов болгарского царя к отступлению (893). Но после смерти Льва VI смуты, которыми отмечен период несовершеннолетия Константина VII, подали повод к возвращению Симеона, В 913 г. он появился перед Константинополем; в 914 г. он взял Адрианополь; в 917 г. при Анхиале он разбил императорское войско. Гордый своими успехами, Симеон объявил себя "царем болгар и императором ромеев"; в своей столице Преславе он установил независимое болгарское патриаршество; ему оставалось только овладеть Константинополем. Он попытался это сделать в 924 г. Но для того чтобы захватить византийскую столицу, надо было атаковать ее с моря и с суши, а у Симеона не

было флота. Кроме того, по-видимому, при своем свидании с Романом Лекапином он, как некогда Атилла перед лицом папы Льва, подвергся воздействию культуры древней империи. Он отступил, оставив свою золотую мечту. И хотя Симеон добился в своем царстве, и особенно в своей столице - великой Преславе, расцвета науки и искусств, чем заслужил себе славу болгарского Карла Великого, остановка перед Константинополем означала крах честолюбивых планов болгар. Со смертью Симеона (927) начался упадок Болгарии.

Процесс упадка развивался ускоренными темпами при длительном правлении сына Симеона, Петра (927- 968). В течение этих сорока лет Болгария становилась все более и более зависимой от империи; и в то время как Византия укреплялась, ее старинный соперник слабел с каждым днем. Против слабевшей царской власти поднимались феодалы; религиозное единство было нарушено ересью богомилов. Для Византии близился час расплаты. 78

Он пробил в 967 г. Никифор Фока отказался от уплаты дани, которую империя все еще продолжала платить болгарам, и с помощью русских войск киевского великого князя Святослава напал на Болгарию. Однако Святославу пришлось по вкусу завоеванная страна: он обосновался в ней и отказался ее покинуть (968). Смерть царя Петра и убийство Никифора (969) еще более осложнили возникшие трудности. Когда на престол вступил Иоанн Цимисхий, русское вторжение угрожало самой империи; Святослав прошел Балканы, разорил Филиппополь (970), посеянная им паника докатилась до столицы. Но русские были разбиты при Аркадиополе, нынешнем Люле-Бургасе (970), и император смог организовать против них большой поход (971). Пока византийский флот поднимался по Дунаю, Цимисхий перешел Балканы, захватил Преславу, осадил Святослава в Доростоле (Силистрия) и заставил его подчиниться и покинуть страну. Болгария была присоединена к империи, автономное патриаршество уничтожено. Границы империи расширились вплоть до Дуная.

Однако в болгарских областях Пинда, вокруг Преспы и Охриды, патриоты под руководством Шишмана и его сыновей продолжали оказывать сопротивление. Пользуясь смутами, возникшими в начале царствования Василия II, один из сыновей Шишмана, царь Самуил: (977 или 979 - 1014) восстановил Болгарию. За десять лет, с 977 по 986 г., он освободил придунайскую Болгарию, завоевал Македонию, Фессалию, проник до самого Пелопоннеса. Чтобы победить эту огромную империю, простиравшуюся от Дуная до Адриатики, грекам понадобилось тридцать лет войны (986-1018). Это было преимущественно делом императора Василия II, которому его суровая энергия и сокрушительные победы доставили страшное прозвище Болгаробойцы.

В 986 г. Василий II возобновил наступление и проник в Болгарию, но был жестоко разбит при проходе Траяновых ворот на Балканах. Прошло десять лет, прежде чем император смог возобновить борьбу, а в течение этих десяти лет Самуил не переставал расширять свое царство от Дуная до Адриатического и Эгейского морей. Но в 996 г. царь оказался разбитым на берегах 79 Сперхия; Греция от него ускользала; он потерпел поражение перед Фессалоникой, и часть придунайской Болгарии попала под власть империи (1000). Однако Западная Болгария оставалась неприступной. В 1001 г. Василий II вновь попытался ее подчинить. Постепенно он захватил подступы к ней - Веррею, Сервию, Водену. Самуил, окруженный в горах, сумел отбиться и явился грабить Адрианополь (1003). Но император упорно преследовал его и сжимал кольцо блокады, захватив Скопле, завоевав Нижнюю и Среднюю Македонию (1007), ведя войну жестоко и непреклонно. Самуил избегал открытых боев, но в конце концов его войска были разбиты в ущелье Чимбалонги, по дороге из Серр в Мельник (29 июля 1014 г.). Царь не пережил этого разгрома; он скончался несколько дней спустя (15 сентября 1014 г.). Это было концом Болгарии.

Наследники великого болгарского царя, оспаривавшие друг у друга трон, продолжали борьбу с Византией еще в течение четырех лет. Но в 1018 г. вся страна была завоевана, и император в своем триумфальном шествии занялся ее переустройством. Делал он это очень осторожно, выказывая уважение к административным порядкам и обычаям побежденных, пытаясь привлечь к себе крупную феодальную аристократию, сохраняя неприкосновенной

старинную религиозную организацию, которую возглавляло автокефальное (независимое) архиепископство Охриды. Таким образом, спустя много лет Византия вновь стала владычицей всего Балканского полуострова, и Василий II, совершив путешествие по Греции до самых Афин и отпраздновав с великой пышностью свой триумф в Константинополе (1019), мог по праву гордиться тем, что возвратил империи такое могущество, какого она не знала уже в течение многих столетий.

Захват южной Италии и византийская политика на Западе. Столь успешно расширяя границы империи на Востоке, государи Македонской династии в то же самое время возобновили честолюбивые традиции византийской политики на Западе.

Византийская империя никогда не отказывалась от прав на Италию; воспоминания о Риме, древней столице 80 римского мира, и о Равенне, древней столице экзархата, неотступно преследовали византийцев. Слабость последних каролингских императоров, анархия в южной Италии, разделенной между лангобардскими государями, и возрастающая угроза мусульманского нападения дали Василию I желанный повод, чтобы вторгнуться на полуостров и попытаться осуществить свои честолюбивые замыслы. Император поставил перед собой задачу восстановить престиж Византии во всем Средиземноморье, изгнать мусульманских корсаров из Адриатического и Тирренского морей, победить африканских и сицилийских сарацин. С момента своего вступления на престол он весьма энергично начал действовать на Западе. Ему, конечно, не удалось отвоевать Сицилию, где в 978 г. Сиракузы попали в руки неверных. Но он сумел восстановить порядок на Адриатике, возобновить союз Византии с Венецией, превратить хорватов в греческих вассалов. Он вновь занял Бари (876) и Таренто (880), отвоевал Калабрию (885), принудил лангобардских государей подчиниться протекторату Византии. В Южной Италии были созданы две новые фемы: Лангобардская и Калабрийская; это была прекрасная компенсация за потерянную Сицилию.

Слабость Льва VI чуть не поколебала этих счастливых достижений. Арабы, захватив Таормин (902) и тем самым закончив завоевание Сицилии, смогли вторгнуться в Калабрию и закрепиться там вплоть до Кампании. Но победа при Карильяно (915) вновь обеспечила главенство Византии в Италии, и в течение целого столетия, несмотря ни на упорные набеги сарацин, ни на соперничество германских императоров, греки сохраняли свою власть во всей южной половине Италии. И здесь царствование Василия II увенчало усилия Македонской династии. Победа при Каннах (1018), одержанная имперскими войсками над восставшим населением Апулии, укрепила престиж Византии от Регио и Бари до самой Папской области. Под имперским управлением, умело распространявшим влияние греческой культуры, и особенно благодаря греческому духовенству и греческим монастырям Южная Италия вновь стала поистине Великой Грецией: замечательное доказательство могуще-81ственного политического и культурного влияния, которые составляли в X и XI вв. величие Византийской империи.

Появление в середине X в. на исторической сцене германских императоров создало, однако, некоторые затруднения для византийской политики. Когда Оттон I явился в Италию и принял титул императора, гордые византийцы не пожелали терпеть того, что казалось им узурпацией. Положение еще усложнилось, когда Оттон распространил свое господство на лангобардских государей, вассалов Византии, когда он захватил византийскую территорию и атаковал Бари (968). Никифор Фока оказал энергичный отпор. Но с его смертью византийская политика изменилась: был заключен договор, скрепленный брачным союзом Оттона II с Феофано (972). Однако согласие длилось недолго: германское честолюбие не могло примириться с византийскими притязаниями. Но германские императоры добились лишь незначительных результатов. Оттон II вторгся в Калабрию и был разбит при Стило (987); напрасно Генрих II поддерживал апулийское восстание; его нападение на греческую Италию окончилось неудачей (1022). По смерти Василия II власть Византии в Италии была не менее сильной, чем в Азии и Болгарии.

Достижения дипломатии: вассалы империи. Благодаря этим успехам Византийская империя в X в. простиралась от Дуная до Сирии, от берегов Италии до плоскогорий

Армении. Однако гибкая дипломатия распространяла сферу влияния империи далеко за пределы этих границ. Вокруг империи группировалось множество вассальных государств, которые образовывали как бы первую линию защиты вдоль границы, а главное - передавали всему миру политическое и культурное влияние Византии.

В Италии наиболее верным и послушным вассалом империи была Венеция, вполне греческая как по своему происхождению, так и по своим нравам. Вот почему императоры доверяли ей надзор за порядком на Адриатике, а с конца X в. (992) предоставили ей значительные торговые привилегии, подготовившие ее будущее могу-82щество. В Южной Италии особенно тяготели к Византии республики Неаполь, Гаэта и Амальфи; наконец, лангобардские государи Салерно, Капуи и Беневента хотя и не были столь надежными вассалами, в общем приняли византийский протекторат. На северо-западе Балканского полуострова и по всему побережью Адриатического моря полезными союзниками империи, особенно против болгар, были славянские государства Хорватия и Сербия, обращенные Василием I в христианство и подчиненные Византии. На востоке, на берегу Черного моря, Херсонес, скорее вассал империи, чем ее подданный, служил ценным наблюдательным пунктом, проводником политического и экономического влияния на варварские народы - хазаров, печенегов, русских, живших в районе близлежащих степей. На Кавказе государи Алании, Абхазии, Албании гордились тем, что носили византийские титулы и получали от Византии субсидии. Наконец, армянские княжества, вырванные в X в. из сферы арабского влияния, снабжали империю многочисленными солдатами и полководцами. И государь армянского правящего дома Багратидов и правители Васпуракана, Тарона, Иверии были верными клиентами и слугами империи вплоть до того дня, когда их владения одно за другим оказались захваченными Василием II.

Успехи религиозной деятельности: христианизация Руси. Влияние византийской культуры простиралось и за пределами областей, находившихся под византийским протекторатом. Как всегда, миссионеры помогали делу дипломатов. Блестящим доказательством этого является обращение Руси в христианство.

Византия вступила в сношения с Русью с середины IX столетия. Неоднократно, начиная с 860 г., киевские искатели приключений угрожали Константинополю своими набегами (907 и 941); однако императоры охотно вербовали солдат среди этих отважных воинов, и русские купцы часто посещали византийские рынки. Отношения стали еще более тесными после того, как великая княгиня Ольга посетила Византию (957) и приняла христианство. Но решающим событием было обращение в христианство киевского великого князя Владимира в конце X в. В 988 г. Василий II получил от киевского 83 великого князя для подавления феодальных восстаний войско в 6 000 наемников; за это Владимир потребовал руки византийской принцессы и, чтобы покончить с колебаниями императорского двора, завладел Херсонесом. Василий II уступил настояниям русского государя, но при этом убедил его принять крещение. Владимир крестился в Херсонесе (989), а затем в Киеве крестил свой народ. После Владимира его сын Ярослав (1015-1054) продолжал и завершил дело, начатое отцом: он превратил свою столицу Киев в соперника Константинополя и в один из прекраснейших городов Востока.

III

ВНУТРЕННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ И ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА X в.

Таким образом, в X в. Византия была поистине всемирной империей, и ее влияние и притязания распространялись почти на весь культурный мир. Ее внутренняя организация в том виде, какой она получила к этому времени, не менее прочно обеспечивала ее могущество.

Управление империей. Греческий император - базилевс, как его официально называли, - действительно был очень значительной особой. Наследник римских цезарей, он был, подобно им, главой армии и живым воплощением закона. В силу соприкосновения с восточными монархиями он превратился во всемогущего самодержца (деспота, автократора), в императора по преимуществу. Христианство освятило его сан и дало ему еще больший

престиж. Избранник божий, отмеченный благодаря миропомазанию божественной инвеститурой, наместник и представитель бога на земле, он как бы сам некоторым образом становился частью божества. В пышности двора, в сложности этого блестящего и вместе с тем несколько наивного этикета, обряды которого Константин Багрянородный перечисляет в "Книге церемоний", во всех проявлениях показной и великолепной политики, которой Византия всегда стремилась поразить и ослепить варваров, император казался существом сверхчеловеческим. Поэтому все, что касалось его особы, 84 считалось "священным", и художники стали изображать императора с нимбом вокруг головы, так же как они изображали бога и святых.

Государь по божественному праву, наделенный абсолютными и деспотическими правами, император обладал всей полнотой власти; нетрудно заметить преимущества, создававшиеся для империи этим единством управления в тех случаях, когда бразды правления попадали в твердые руки. В империи не было силы, способной оказать противодействие этой верховной власти. Сенат был всего лишь государственным советом, составленным из послушных чиновников высокого ранга; народ был чернью, часто мятежной и непокорной, требовавшей хлеба и зрелищ. Церковь, несмотря на высокое место, принадлежавшее ей в византийском обществе, несмотря на опасность, порождавшуюся ее богатством и честолюбием, была по окончании иконоборческого периода более, чем когда-либо, подчинена государству. Только армия сохраняла силу, которая часто проявлялась в военных бунтах и восстаниях. Хотя развитие идеи престолонаследия полностью и не уничтожило этой опасности, оно все же обуздало ее и сделало менее грозной для династии.

Византийская администрация и ее достижения. Это деспотическое правление, равно абсолютное и непоколебимое как в духовной, так и в светской области, обслуживалось опытной администрацией, отличавшейся прочной централизацией и превосходной дисциплиной. В столице, вокруг государя, министры - начальники, крупных учреждений - руководили государством, передавая волю императора из центра по всей стране. Под их контролем трудились многочисленные канцелярии, где изучались подробности дел и готовились решения. Так же, как некогда Рим, Византия управляла миром посредством мощно организованной бюрократии. В провинциях, где система фем стала единственной основой административной организации (в середине X в. насчитывалось 30 фем: 18 в Азии и 12 в Европе), вся власть сосредотачивалась в руках весьма могущественного лица - стратига, непосредственно назначаемого императором и зависящего только от него. Таким образом, снизу доверху по административной лестнице каждый 85 чиновник вполне зависел от государя, и этот прекрасно подобранный, подготовленный и целиком преданный своему делу персонал, поощряемый к добросовестной службе возможностью продвигаться по милости императора на более высокие ступени искусно составленной иерархии чинов и званий, ревностно справлялся с двойной ролью, предписываемой ему волей императора.

Основной задачей администрации было снабжение правительства деньгами; это было делом чрезвычайно трудным, так как в Византии никогда не получалось соответствия между доходами казны и бесчисленными тратами на нужды политики и императорской роскоши, и существовала полная диспропорция между грандиозными проектами и недостаточными ресурсами. Другая задача администрации была, быть может, еще труднее. Византийская империя не обладала ни единством расы, ни единством языка; это было, по словам одного ученого, "искусственное творение, руководившее двадцатью различными национальностями и объединявшее их по известной формуле: один государь, одна вера". Замечательным достижением администрации было превращение этого многонационального государства в сплоченный и единый организм посредством всеобщей эллинизации и повсеместного исповедания православия. Греческий язык был языком администрации, церкви, просвещения; в этой космополитической империи он принял видимость национального языка. Благодаря умелой пропаганде эллинской культуры и замечательному искусству щадить и ассимилировать побежденные народы, имперская администрация накладывала

общий отпечаток на те разнородные элементы, из которых состояла монархия; и это лучше всего свидетельствует о жизненности и могуществе обширной империи. Вследствие распространения православия и умения церкви одерживать моральные победы над странами, завоеванными оружием, администрация смогла сблизить и смешать все эти различные расы, которыми управлял басилевс. Она поистине была могущественным остоном, поддерживавшим империю и делавшим ее однородным и крепким организмом.

Законодательная деятельность. Императоры Македонской династии постарались еще больше укрепить эту 86 спаянность посредством обширной законодательной деятельности. Они восстановили старинное право, созданное Юстинианом, приведя его в соответствие с новыми условиями общественной жизни. Василий I взял на себя инициативу в этом великом предприятии; по его приказанию в Prochiros Nomos (879) были объединены главные выдержки из Corpus juris civilis и составлено руководство по обычному праву под названием Эпанагога (886). Его сын Лев VI завершил это дело, приказав составить так называемые Василики - полный свод из шестидесяти книг (887-893), являвшийся компиляцией и сводкой юридических работ, опубликованных в царствование Юстиниана. Наследники двух первых македонских императоров проявили в области законодательства не меньшую активность, увенчанную в 1045 г., при Константине Мономахе, основанием в Константинополе школы права, предназначенной для выпуска юристов и чиновников. Так было окончательно упрочено единство империи.

Военная организация. Великолепная, прекрасно обученная армия, обретавшая в религиозном порыве и патриотическом чувстве могучий источник отваги и энтузиазма, и превосходный флот, своими победами доставивший Византии господство на морях и считавшийся, по словам одного писателя XI века, "славой ромеев", еще более увеличивали силу и престиж Византии. По отношению к солдатам, в которых они видели лучших слуг империи, великие императоры-полководцы Македонской династии постоянно проявляли внимание и заботу; стремясь обеспечить за ними все привилегии, знаки уважения и земли, отдававшиеся им в наследственное владение, они окружали их почтением, какого заслуживали защитники империи и христианства. И замечательная эпопея азиатских войн, и неустанная, упорная борьба против болгар на деле показали, на что было способно это несравненное войско, разделенное по видам оружия, способное переносить все испытания, все трудности и лишения. Правда, часть войск состояла из наемников и обладала всеми недостатками наемных армий; но тем не менее, под руководством знаменитых полководцев, командовавших ими в то время, они оказали империи громадные услуги и украсили свои знамена ореолом славы. 87

Экономический расцвет. Хорошее финансовое управление и пышный расцвет промышленности и торговли давали империи наряду с могуществом и богатством. Удалось подсчитать, что в XI в. доходы империи достигали 650 миллионов иперперов, что соответствует более чем трем миллиардам франков в современной валюте; по смерти Василия II в кассе был запас в 220 миллионов иперперов более одного миллиарда франков на наши деньги. Государство тщательно проводило мелочную регламентацию промышленности, снискавшую Константинополю славу "рая монополий и привилегий"; несмотря на это, шедевры, выходившие из рук византийских ремесленников - шелковые ткани ярких цветов, целиком покрытые вышивкой, великолепные ювелирные изделия, отделанные блестящей эмалью, ослепительные украшения из драгоценных камней и жемчугов, изделия из слоновой кости, вырезанные с тончайшим искусством, бронза, оправленная в серебро, стекло, отделанное золотом,- все эти чудеса роскоши доставляли греческим мастерским громкую славу во всем мире. Несмотря на сшибки империи в области экономики и на довольно притеснительную систему, установленную в отношении сделок, развитие торговли также шло весьма успешно. Благодаря деятельности своих купцов, могуществу своего флота, богатым возможностям широкого обмена, которые предоставляли ее порты и большие рынки, Византия скупала богатства всего мира. В силу своего местоположения между Западом и Востоком, на перекрестке всех мировых торговых путей,

Константинополь являлся громадным складочным пунктом, куда стекались все народы, где обменивались товары всего света. Подсчитано, что в одной только столице сборы с торговли и таможни ежегодно приносили в казну 7 300 тыс. иперперов, более 500 миллионов франков на нынешние деньги.

Расцвет литературы и искусства. Промышленному и торговому развитию соответствовал расцвет духовной жизни. В восстановленном Константинопольском университете под постоянным покровительством императоров знаменитые ученые преподавали философию, риторику, науки, и вокруг их кафедр теснились ученики, являвшиеся со всех сторон византийского или арабского Востока. 88

По окончании иконоборческого кризиса во всех областях мысли обнаруживается заметное оживление, связанное с возрождением античности; и сами императоры не пренебрегают науками. По инициативе Константина VII Багрянородного в X в. составляется перечень богатств, оставленных прошлым; это век исторических, юридических, административных, грамматических, естественнонаучных и агиографических энциклопедий. Самостоятельная мысль опирается на эту базу, чтобы идти вперед. Эпоха Македонских императоров видела последовательно расцвет многих великих умов: в IX в. - Фотия, замечательного ученого, смелого и могучего ума; в XI в. - Пселла, универсального гения, наиболее любознательного, блестящего и новаторского ума своего времени; он восстановил почитание философии Платона и по своему писательскому дарованию заслуживал быть приравненным к самым великим именам. Вокруг них целая плеяда выдающихся людей: историки, как Константин Багрянородный, Лев Диакон или Михаил Атталиат, хронисты, как Симеон Магистр или Скилица, философы, богословы и поэты. Наряду с научной и светской литературой развивалась народная поэзия, и эпопея о Дигенисе Акрите, сравниваемая с песней о Роланде и поэмой о Сиде, внесла в византийскую литературу новое, доселе неизвестное веяние.

В отношении искусства эпоха Македонских императоров также была новым золотым веком. Подобно Юстиниану Василий I и его потомки любили много строить, и творческая фантазия их архитекторов искусно воспроизвела в ряде очаровательных церквей тип церкви святой Софии. В искусстве этого времени, как и в литературе, всецело господствует влияние восстановленной античной и светской традиции. Византия возвращается к эллинскому образу мысли, к упрощенным линиям, а основательное знакомство с мусульманским Востоком привносит в эти архитектурные памятники страсть к великолепному и тонкому орнаменту и стремление к ярким краскам. Наряду с искусством религиозного характера на службе у императора и знати находится светское искусство; оно вдохновляется классической историей и мифологией и обнаруживает склонность к жанровым сюжетам, исторической и портретной живописи. В украшении церквей и дворцов проявляется склонность к кричащей роскоши и пышному великолепию. В качестве примера византийского мозаичного искусства можно назвать мозаику в монастыре св. Луки в Дафне - шедевр византийского искусства, - а также в киевской св. Софии, где проявляется значительное влияние, которое это искусство оказывало на весь Восток. Замечательные рукописи, украшенные для императоров, например творения Григория Нисского или псалтирь, хранящиеся в парижской Национальной библиотеке, четьи-минеи базилика в Ватикане или псалтирь Маркиана в Венеции; ослепительные эмали, как те, что украшают раку в Лимбурге или иконы с изображением архангела Михаила, хранящиеся среди сокровищ собора святого Марка; наконец, изделия из слоновой кости, ткани, - перечисленного достаточно, чтобы показать, какие шедевры могло в то время создавать византийское искусство. Оно создало нечто еще более замечательное, а именно - искусный способ украшения храмов, превративший живопись в орудие воспитания на службе у церкви, и новую разнообразную и богатую иконографию, характерную для возрождения IX в. Благодаря всему этому византийское искусство распространяло свое могущественное влияние по всему свету - в Болгарии и на Руси, в Армении и на юге Италии.

Константинополь был ослепительным очагом этого чудесного расцвета, столицей

культурного мира, царицей красоты. За мощными стенами, служившими ему защитой, "богохранимый город" скрывал несравненное великолепие. Святая София, гармоническая красота и пышные церемонии которой поражали всех, кто ее посещал; священный дворец, неслыханное великолепие которого воплотило результаты честолюбивых усилий десяти поколений императоров; ипподром, служивший ареной всех зрелищ, способных забавлять народ, - вот три центра, к которым тяготела вся византийская жизнь. Наряду с этим, множество церквей и монастырей, пышные дворцы, богатые рынки, шедевры античного искусства наполняли площади и улицы и превращали город в самый восхитительный музей. Один только Константино-90поль в X в. гордился тем, что ему принадлежало семь чудес - столько же, сколько неког

[Image004]

[Image005]

да было известно всему античному миру, - "которые украшали его - согласно выражению одного писателя - наподобие семи звезд". Чужеземцы с запада и востока грезил о Византии как о единственном в мире городе, залитом золотым сиянием. Влияние Византии глубоко проникало к славянам и арабам, в Италию и далекую Францию. Византийская империя при македонских императорах была одним из самых могущественных государств, которые когда-либо существовали; но вместе с восхищением она возбуждала всеобщее вожделение - и это представляло серьезную опасность для будущего.

IV

ПРИЧИНЫ СЛАБОСТИ ИМПЕРИИ

Этому расцвету грозил ряд других, более близких опасностей.

Социальный вопрос и феодальные восстания. С конца IX и в продолжение всего X в. Византию тревожил грозный социальный вопрос. В империи было два класса: бедные (певntec) и богатые (dvvatoi); в результате непрерывных посягательств вторых на собственность и свободу первых в империи, особенно в азиатских провинциях, постепенно возникла крупная феодальная аристократия, владевшая громадными доменами, клиентами, вассалами, влияние которой еще возрастало в силу того, что аристократы занимали высокие административные должности и военные командные посты, отдававшие армию в их руки. Эта знать богатая, могущественная, популярная - представляла для правительства опасность и в политическом и в социальном отношении. Императоры поняли это и со всей энергией начали борьбу против непокорных и гордых тем, что они противостояли базилевсу, феодалов, которые, несомненно, уменьшали доходы казны вследствие требуемых ими иммунитетов, а захватом военных участков, предназначенных для солдат, истощали один из лучших источников рекрутского набора.

Василий I в этой области, как и во всех прочих, 91 положил начало политике Македонской династии и занялся ограничением захватнических тенденций знати. Его наследники продолжали начатое им дело. Серия указов, изданных Романом I Лекапином (922-934), Константином VII (947), Романом II, Никифором Фокой, имело целью обеспечить защиту мелкой собственности и воспрепятствовать феодалам "поглотить имущество бедняков". Постоянное повторение этих мер уже само по себе доказывает, что опасность все возрастала. События второй половины X в. обнаружили это со всей очевидностью.

Немедленно после убийства Никифора Фоки в Малой Азии вспыхнуло первое феодальное восстание (971) под руководством Варды Фоки, племянника покойного императора. Возмущение это было не без труда подавлено. Оно возобновилось в еще более грозной форме в первые годы правления Василия II. В 976 г. возникла настоящая азиатская фронда. Ее возглавил Варда Склир, крупный феодальный сеньор, который, собирая вокруг себя всех недовольных, всех авантюристов, всех тех, кто надеялся что-нибудь выиграть от мятежа, за несколько недель оказался господином Азии и стал грозить Константинополю (978).

В борьбе против одного феодального претендента правительство обратилось за помощью к другому феодалу. Варда Фока разбил Склира при Панкалии (979) и подавил

восстание. Но когда упрочение власти Василия II показалось аристократии опасным, вспыхнуло новое возмущение. Фока и Склир, вчерашние противники, объединились для выступления против императора (987). Замечательная энергия Василия II восторжествовала над всеми кознями его врагов. Фока, разбитый в Хрисополе. близ Константинополя, который он уже начал было блокировать (988), нашел смерть в битве при Абидосе (989); Склир должен был подчиниться. Но император никогда не мог забыть этих феодальных восстаний; указом 996 г. он нанес суровый удар крупным феодалам-захватчикам. Казалось, что императорская власть окончательно отомстила за феодальные мятежи в Анатолии. 92

Но в действительности все эти меры были бесплодны. Правительство могло сколько угодно ограничивать развитие крупной собственности, подавлять феодалов налогами, изыскивать способы ограничить их влияние на армию: из этого ничего не вышло. Феодальная аристократия восторжествовала над императорской властью, и в период слабости и анархии, которые отмечают вторую половину XI в., именно феодалы, в лице династии Комнинов, спасли империю.

Духовная аристократия. Наряду со светскими феодалами не менее могущественной и опасной была духовная аристократия.

В X в., как и в VIII, большая часть земельной собственности, к великому ущербу для казны и армии, сосредоточивалась в руках монастырей. Императоры X в. попытались ограничить развитие монастырских богатств; Никифор Фока дошел даже до того, что запретил (964) основывать новые монастыри и делать какие бы то ни было дарения существующим. Но в Византийской империи церковь была слишком могущественной, чтобы подобные мероприятия могли долго продержаться, а империя слишком нуждалась в церкви, чтобы не поддерживать с ней добрых отношений. В 988 г. Василий II отменил указ Фоки. Монастыри одержали победу.

Точно так же и в отношениях с белым духовенством последнее слово никогда не оставалось за императором. Широта компетенции константинопольского патриарха, та роль, какую он играл в церкви, многочисленность монахов, подчинявшихся ему, и колоссальное честолюбие, порождаемое этим могуществом, делали его грозным лицом. Если патриарх, преданный правительству, мог оказывать ему крупные услуги, то враждебно настроенный патриарх был чрезвычайно опасен, и его противодействие могло сломить волю самого императора. Это испытал на себе Лев VI в столкновении с патриархом Николаем, и хотя в конце концов император и заставил патриарха отречься от своего сана (907), это не помешало Николаю после смерти государя вновь занять патриарший престол (912); в период малолетства Константина VII он был руководящим министром и играл решающую роль как в восстаниях, происходивших 93 внутри империи, так и в руководстве ее внешней политикой; и *tomus unionis* (920), где был решен вопрос о четырехкратном браке, некогда оказавшемся причиной раздора между патриархом и императором, был для первого блестящим реваншем над императорской властью. Точно так же патриарх Полиевкт вызывающе вел себя по отношению к Никифору Фоке; и хотя в конце концов он вынужден был уступить, ему все же удалось добиться от Цимисхия отмены всех неблагоприятных для церкви мер (970). Однако честолюбие константинопольских патриархов должно было привести к еще более серьезным последствиям: к разрыву с Римом и разделению двух церквей.

Известно, что в первый раз этот разрыв был вызван честолюбием Фотия. Вступление на престол Василия I положило начало новой религиозной политике; патриарх был низложен, и вселенский собор 869 г. в Константинополе восстановил союз с Римом. Однако в 877 г. Фотий вновь занял свой престол; снова, на соборе 879 г., он порвал с папой; и хотя в конце концов он и пал в 886 г., хотя в 893 г. союз с Римом был торжественно восстановлен, тем не менее конфликт между двумя церквями продолжал существовать в скрытом виде, не столько, конечно, по причине разделявших их разногласий по второстепенным вопросам догмы и обряда, сколько вследствие упорного отказа греков признать первенство Рима и честолюбивого стремления константинопольских патриархов стать папами Востока. К концу

X в. вражда достигла крайних пределов: в середине XI в. честолюбия Михаила Керуллария оказалось достаточно, чтобы окончательно завершить разрыв.

V

УПАДОК ИМПЕРИИ В XI В. (1025-1081)

Несмотря на все опасности, угрожавшие империи, ее престиж и могущество могли бы быть сохранены, если бы за это дело взялись энергичные государи, продолжающие традиции гибкой и твердой политики. К несчастью, наступило время правления женщин или посредственных и нерадивых императоров, и это послужило отправной точкой для нового кризиса. 94

Упадок начался после смерти Василия II, при его брате Константине VIII (1025-1028) и при дочерях этого последнего - сначала при Зое и ее трех последовательно сменивших друг друга мужьях - Романе III (1028-1034), Михаиле IV (1034-1041), Константине Мономахе (1042-1054), с которым она разделяла трон (Зоя умерла в 1050 г.), и затем при Феодоре (1054-1056). Упадок этот проявился еще более резко после прекращения Македонской династии.

Военный переворот возвел на престол Исаака Комнина (1057-1059); после того как он отрекся, императором стал Константин X Дука (1059-1067). Затем к власти пришел Роман IV Диоген (1067-1071), которого сверг Михаил VII Дука (1071 -1078); новое восстание отдало корону Никифору Вотаниату (1078-1081). В течение этих кратких правлений анархия все возрастала и устрашающий внутренний и внешний кризис, от которого страдала империя, становился все более тяжелым.

Норманны и турки. Византия теперь отступала на всех границах. На Дунае печенеги, кочевники тюркской расы, перешли реку и завладели страной до Балкан. Западная Болгария восстала (1040) под руководством Петра Деляна, одного из потомков царя Самуила; повстанцы угрожали Фессалонике, и несмотря на конечную неудачу движения, страна, изнемогавшая под игом византийской тирании, в любой момент готова была отложиться. Точно так же и Сербия подняла восстание с требованием независимости. На Адриатическом море Венеция прибирала к рукам наследство империи. Но особенно грозными противниками оказались норманны в Европе и турки-сельджуки в Азии.

Закрепившись к середине XI века в Южной Италии и пользуясь поддержкой папы, норманны под руководством Роберта Гюискара последовательно захватывали у Византийской империи то, чем она еще владела на полуострове. Напрасно византийский правитель Италии Георгий Маниак вслед за славной победой над арабами Сицилии (1038-1040) приостановил на один момент продвижение норманнов (1042). Как только он уехал, все рушилось. Троя пала в 1060 г., Отрант - в 1068 г., Бари, последний оплот Византии, был взят в 1071 г. 95 Вскоре честолюбивые замыслы апулийского герцога простерлись на другой берег Адриатики; он построил флот и приготовился вторгнуться в Иллирию. В 1081 г. его сын Боэмунд высадился на берегу Эпира, а Гюискар с армией в 30 тыс. чел. приготовился следовать за ним.

Подобное же положение было в Азии. Турки-сельджуки, под руководством замечательных людей: Торгрулбека, Альп-Арслана (1065-1072) и Малек-шаха (1072-1092), начали наступление на империю. Сначала они разбились о мощную линию укреплений, созданную Василием II; но Армения, непрочно связанная с Византией, недовольная религиозными преследованиями, была ненадежной. В 1064 г. турки захватывают Ани, вскоре за тем - Кесарею и Хону. Тщетно пытался энергичный Роман Диоген приостановить их продвижение. Он был разбит при Манцикерте (1070), к северу от озера Ван, и попал в руки неверных. Византия никогда не смогла полностью оправиться от этого крупного поражения. Отныне весь восток Малой Азии - Армения, Каппадокия, все те области, где империя вербовала своих лучших солдат, своих наиболее знаменитых полководцев, - был безвозвратно потерян. Отныне, в обстановке растущей анархии в империи, туркам улыбалась удача: в их руки попал Иконий, а затем Никея, куда их призвали сами византийцы; в 1079 г. они завладели Хрисополем и оказались у ворот Константинополя.

Можно ли сказать, что норманны и турки были гораздо более страшными противниками, чем множество других, над которыми Византия некогда одерживала победы? - Нет, но империя теперь была более слабой. Все опасности, наметившиеся в X в., ныне находили свое осуществление.

Разделение церквей и внутренняя анархия. В 1054 г. честолюбие патриарха Михаила Керуллария вызвало серьезный конфликт. Когда Рим выразил желание восстановить свой авторитет в диоцезах Южной Италии, Керулларий выступил против него. Папа Лев X отвечал не менее решительно, а явившиеся в Константинополь папские легаты своим надменным поведением чрезвычайно оскорбили гордость византийцев. Скоро дело дошло до раскола. Легаты торжественно отлучили патриарха от церкви. Керулларий заставил императора Константина IX Мономаха пойти на раскол. Разделение двух церквей совершилось. Разрыв с папством должен был иметь для империи серьезные последствия. Он не только ускорил падение греческого владычества в Италии, но и навеки положил непроходимую пропасть между Византией и Западом. В глазах латинян греки отныне были лишь раскольниками, не заслуживавшими ни уважения, ни терпимости, ни доверия. С другой стороны, и византийцы упорствовали в своей мстительности и ненависти к Риму. Вопрос о взаимоотношениях между папством и православной церковью отныне будет заметно тяготеть над судьбами империи. Наконец, внутри страны обстоятельства, при которых осуществилось разделение церквей, красноречиво свидетельствовали о слабости императорской власти перед лицом всемогущего патриарха; Михаил Керулларий никогда этого не забывал.

Особенно грозной становилась возрастающая с каждым днем опасность со стороны феодалов. Чтобы уничтожить чересчур могущественную аристократию, императорская политика считала достаточным обуздать армию - опору феодалов, сила которой особенно грозно проявилась в это самое время в восстаниях Георгия Маниака, героя войн в Италии и Сицилии (1043), и Льва Торникая (1047). Образовалась гражданская партия, которая поставила своей задачей оказывать противодействие солдатам. Правление Константина Мономаха отмечено первым успехом этой партии. При этом императоре - любителе развлечений и отнюдь не воине - войско было значительно сокращено; национальная армия более чем когда-либо стала заменяться наемной, набираемой из норманнов, скандинавов, русских, англо-саксов, которым, как казалось, можно было больше доверять. Военный бюджет был урезан, крепости оказались в полном запустении, полководцы или отстранялись от государственных дел или подвергались опале. Правление перешло в руки ученых - Пселла, Ксифилина, Иоанна Мавропа и других. Была основана школа права, главная цель которой состояла в том, чтобы поставлять правительству гражданских чиновников. Вскоре стало неизбежным столкновение между всемогущей бюрократией, опиравшейся на сенат, и армией. Оно оказалось жестоким. В 1057 г. восстание, которое поддерживал патриарх Керулларий, возвело на трон знаменитого полководца Исаака Комнина. Но когда упавший духом Исаак отрекся от престола (1059), приход к власти Дуков ознаменовал реакцию против военной партии и вновь, прочнее чем прежде, укрепил торжество бюрократии. Роман Диоген вернул ненадолго власть армии. Но он пал под бешеным натиском своих объединившихся противников; правление Михаила VII, чьим первым министром стал Пселл, казалось окончательным триумфом гражданской партии.

Все это имело серьезные последствия. Во внешних столкновениях империя повсюду отступала; население пограничных областей, плохо защищенное слишком слабым правительством, задавленное к тому же налогами, откалывалось от Византии и, как это ранее происходило в гибнущей Римской империи, призывало варваров. Внутри страны, в обстановке всеобщей анархии, феодальная аристократия вновь подымала голову; армия, недовольная враждебным отношением к ней, была готова на восстание по любому поводу. Даже наемники бунтовались, а норманнские кондотьеры, состоявшие на службе империи, - Эрве, Роберт Крепен, Руссель де Байлель - действовали только в своих собственных интересах. Восстания следовали за восстаниями. Никифор Вотаниат поднялся против

Михаила VII в Азии, в то время как Никифор Вриенний поднял возмущение в Европе (1078). Затем, после того как Никифор Вотаниат стал императором (1078-1081), против него восстали другие претенденты - Василиаки и Мелиссин. Наводненная чужеземцами, истощенная и недовольная империя громко призывала спасителя. Им оказался Алексей Комнин, лучший полководец империи. Государственный переворот, возведший его на престол (1 апреля 1081 г.), положил конец тринадцатилетней анархии и знаменовал торжество феодальной аристократии и армии над гражданской партией, а также победу провинции над столицей. Вместе с тем этот переворот должен был принести империи новое столетие величия. 98

Глава VI

ВЕК КОМНИНОВ

(1081 - 1204)

I. Императоры династии Комнинов.- II. Внешняя политика Комнинов (1081-1180).- III. Правление Комнинов и византийская культура XII в.- IV. Византийская империя в конце XII в. (1180-1204).

I

ИМПЕРАТОРЫ ДИНАСТИИ КОМНИНОВ

Так же как Капетинги во Франции, Комнины принадлежали к крупному феодальному роду, и их вступление на престол, казалось, знаменовало торжество крупной военной аристократии. Как и Капетинги, Комнины сумели восстановить поколебленную власть императора, укрепить государство, истощенное тридцатилетней анархией и, несмотря на возраставшие трудности, дать ему еще столетие величия и славы. Правда, время было слишком сурово, обстановка слишком затруднительна, чтобы Комнины полностью могли вернуть Византии ее былой блеск и процветание.

Турки оставались в Иконии; на Балканах при помощи разраставшейся Венгрии славянские народы создали почти независимые государства; наконец, на Западе подымалась серьезная опасность в результате грандиозных и несвоевременных захватнических устремлений 99 Византии, честолюбивых политических планов, порожденных первым крестовым походом, и экономических вождений Венеции. Несмотря на все это, Комнины озарили империю последним лучом величия, и в период упадка на протяжении последующих столетий народы Византии очень часто вспоминали век Комнинов как самую блестящую и счастливую эпоху.

Выходцы из крупной аристократической и военной семьи, императоры рода Комнинов были прежде всего солдатами. Но этим не исчерпывается их характеристика. Алексей, основатель династии (1081-1118), был человеком умным, твердым и тонким; крупный полководец, ловкий дипломат, превосходный администратор - он оказался именно тем человеком, который был необходим в период кризиса, переживаемого империей. И действительно, он прекрасно сумел дать отпор внешним врагам империи и восстановить порядок и власть внутри страны. Не менее выдающимся государем оказался его сын и наследник Иоанн (1118-1142). Новый император получил суровое воспитание и отличался строгим нравом, пренебрежительным отношением к роскоши и удовольствиям, обладал нежным и великодушным характером и осторожным умом; благодаря своему высокому моральному облику, он заслужил прозвище Иоанна Превосходного (Калоян). Отважный, мечтающий о военной славе, он прекрасно представлял себе задачи императора и ставил перед собой весьма высокие политические идеалы. Его отец защитил границы; он мечтал их раздвинуть, вновь завоевать потерянные провинции империи и вернуть ей былое величие. Сын Иоанна Мануил (1143-1180) был самым обаятельным из Комнинов. Умный, любезный и великодушный, он был одновременно и византийским базилевсом - культурным, просвещенным, даже богословски образованным - и западным рыцарем. Этот поразительно отважный воин более чем кто-либо другой из греческих государей имел склонность к западным нравам, и латиняне, на которых он во многом был похож, восхищались им больше, чем каким-либо другим императором. Поклонник роскоши и наслаждений, он прославился в

XII в. своими похождениями. Вместе с тем это был крупный и весьма често-100любивый политический деятель; его завоевательные планы, по большей части совершенно утопические, простирались на всю современную ему Европу. Он потребовал от империи непомерного напряжения всех сил и этим истощил ее и приблизил к гибели; но тем не менее в силу грандиозного размаха своих замыслов и настойчивого стремления осуществить их он остается, быть может, последним великим государем, занимавшим императорский трон. Наконец, Андроник (1183 - 1185), последний и самый своеобразный из Комнинов, соединял с великолепными дарованиями политического ума и военной храбрости, с еще более редкими качествами изящества и обаяния дух интриги и авантюры, отсутствие совестливости и морального чувства, порой свирепость и жестокость, что в целом делает его одной из самых ярких фигур византийского мира. Прославившись своими романическими похождениями и скандальной жизнью, Андроник, при вступлении на престол, давал современникам основания думать, что по своим высоким качествам "он мог быть равен самым великим". Он мог бы стать спасителем и обновителем империи; но он лишь ускорил ее падение. Менее чем через двадцать лет после него - двадцать лет, полных анархии - Константинополь был захвачен латинянами (1204), и империя, восстановленная Комнинами, распалась на клочки.

II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОМНИНОВ (1081-1180)

Политика на Балканах. К концу XI в. господство империи на Балканах было сильно поколеблено. От Византии начали отпадать ее недовольные вассалы славяне. Хорватия с 1076 г. стала независимым королевством; Сербия, вновь восставшая в 1071 г., почти не признавала византийского господства; придунайская Болгария была занята печенегами, а ее западную часть лишь с трудом удалось подчинить игу Византии. Во Фракии проявлялась беспокойная религиозная оппозиция - ересь богомилов, которая с X в. чрезвычайно развилась в стране, целиком населенной павликианами, и служила, как это всегда бывало в Ви-101зантии, средством для проявления национального антагонизма. Но особенно опасной была разраставшаяся по ту сторону Дуная Венгрия, которая стремилась играть крупную политическую роль и занять в ущерб Византии ее место в делах Балкан.

В 1084 г. восстали еретики во Фракии, призвавшие себе на помощь печенегов. В два приема (1086 и 1088) варварские орды сокрушили византийскую армию, и Византии пришлось просить мира (1089). Но печенеги не замедлили вернуться. На этот раз Алексей Комнин нанес им на берегу Лебурния такое кровавое поражение (1091), что их можно было считать уничтоженными по крайней мере на одно поколение. Тем не менее они вновь явились в 1121 г. Иоанн Комнин нанес им новое поражение (1122). Отныне печенеги сходят с исторической сцены. Все же византийцы долго еще сохраняли воспоминание о них и ежегодно торжественно праздновали день их разгрома.

Но столкновение с печенегами было лишь незначительным эпизодом. Большие опасения внушала Сербия. Константин Водин подчинил Диоклею, Боснию, Рашку и основал единое государство, с которым Алексей Комнин не мог ничего поделать (1091-1094). К счастью для Византии, молодое королевство очень скоро распалось вследствие анархии. Иоанн Комнин воспользовался этим, чтобы вновь подчинить византийскому господству часть страны; однако Рашка осталась независимой; ей предстояло стать очагом национального сопротивления и возрождения королевства. Наконец, для того чтобы приостановить успехи Венгрии, расширявшейся в сторону Хорватии, Боснии, Далмации и дававшей чувствовать свое влияние в Сербии, имперская политика, согласно старинным приемам своей дипломатии, стремилась поставить там преданного Византии государя.

Венгрия, расположенная между Германской и Византийской империями, занимала важное место на европейской шахматной доске. Константинопольские государи стремились привлечь ее на свою сторону. Иоанн Комнин вмешался в венгерские распри, чтобы оказать поддержку Беле Слепому, сыну свергнутого 102 короля Коломана, и хотя ему и не удалось восстановить Белу на престоле, он все же по договору от 1126 г. обеспечил для себя

предмостное укрепление Браничевы. Мануил Комнин приложил еще больше усилий, чтобы приостановить захваты, совершаемые Венгрией, и вырвать из-под ее опеки славянские государства. Он вновь подчинил сербов византийскому господству (1151) и поставил им правителем Стефана Неманю (1163), который оказался, несмотря на отдельные проявления своеволия, верным и покорным вассалом, по крайней мере пока был жив император. Мануил в ряде удачных кампаний разбил венгров (1152 - 1154) и в 1156 г. принудил их к выгодному для империи миру. Когда затем умер король Гейза II (1160), Мануил вмешался в борьбу за престол и поддержал против Стефана III юного Белу, которого намеревался даже сделать своим зятем. Однако Венгрия все более определенно ориентировалась на Германию. Тогда Мануил возобновил войну (1165). Зегмин и Сирмий попали в руки византийцев; Далмация, давно уже потерянная, была вновь завоевана; победа при Зегмине вынудила, наконец, Венгрию к миру (1168). По этому миру империя получила Далмацию и часть Хорватии. Несколько лет спустя ставленник Мануила занял престол святого Стефана. Бела III (1173-1196), так же как и Стефан Неманя в Сербии, оставался верным вассалом Византии, пока был жив император. Все это были крупные достижения, оказавшиеся, к несчастью, эфемерными.

Восточная политика. Азия еще больше чем Балканы привлекала внимание Комнинов. В результате продолжительных успехов турок-сельджуков греки постепенно были изгнаны почти из всех восточных областей. Турецкий эмир Сулейман правил в Кизике и в Никее, и Алексей Комнин, занятый другими, более неотложными заботами, оказался вынужденным признать за ним эти завоевания (1082). В 1085 г. в руках неверных оказалась Антиохия. В Смирне эмир Чаха, (1089-1090), построив флот, стал грозить Константинополю. К счастью для Византии, смерть Малек-шаха (1092) повлекла за собой распад сельджукской империи. Греки воспользовались этим, чтобы вновь вступить в Вифинию, и новый иконийский султан Килидж-Арслан (1092-1106) был вынужден заключить мир.

Не меньшую выгоду извлек Алексей Комнин из первого крестового похода. Захват Никеи латинянами (1097) позволил ему отвоевать важную часть побережья Анатолии, Смирну, Эфес и т. д. И хотя император довольно скоро поссорился с крестоносцами, он тем не менее весьма ловко сумел извлечь пользу из того замешательства, в которое эти последние повергли неверных. К тому же смерть Килидж-Арслана I сильно ослабила Иконийский султанат. В 1116 г. император предпринял мощное наступление и после победы при Филомелии смог принудить турок к заключению мира. Когда умер первый Комнин, империя обладала в Анатолии Трапезундом и всем побережьем Черного моря до Антиохии, всей областью, расположенной на восток от линии, проходящей через Синоп, Гангр, Анкир, Аморий и Филомелии. Таким образом, в Азии, как и на Балканах, Алексей блистательно восстановил могущество Византии.

Иоанн Комнин еще больше занимался положением в Азии. На Востоке он преследовал двойную цель: расширить византийскую границу до Антиохии и Евфрата и подчинить своему господству армянских правителей Киликии и латинские государства, родившиеся на Востоке в результате крестовых походов.

С самого начала своего правления (1119-1120) он отвоевал всю область, расположенную между долиной Меандра и Атталией, подчинив себе таким образом клин, образованный мусульманскими владениями на севере и юге Анатолии. С 1130 г. он начал действовать в Пафлагонии, и византийская армия дошла до берегов Галиса. Гангр и Кастамуни были отвоеваны у турок (1134), и давно утраченные земли вновь вернулись к империи. Впоследствии мы увидим, каким образом император заставил почувствовать свое могущество в Киликии и Сирии, как перед лицом армянских и латинских правителей он явился верховным главой и главнокомандующим, готовым вести их против неверных. До самого конца правления его главной заботой была борьба с мусульманами и отвоевание Азии. В 1139 г. он руководил экспедицией против Новой Кесарии; в 1142 г., накануне своей смерти, он мечтал вновь завоевать Сирию.

Мануил Комнин первоначально продолжал политику своего отца. В 1146 г. он дошел

до стен Икония. Но нападение норманнов и второй крестовый поход вынудили его сосредоточить все внимание на Западе (1147). Лишь значительно позднее он смог вновь обратить свой взор на Восток. Но в то время как он подобно отцу мечтал установить свое господство в армянских и латинских государствах и преуспел в этом, его политика в отношении турок оказалась и менее основательной и более слабой. В середине XII в. было бы достаточно одного мощного удара, чтобы разрушить Иконийский султанат и отвоевать всю Азию до Тавра. Мануил, увлеченный честолюбивыми мечтами своей западной политики, не сумел нанести этот удар. Он дал обмануть себя внешними знаками подчинения, на которые не скупился ловкий султан Икония Килидж-Арслан II (1156-1192), и безрассудно предоставил ему возможность укрепиться, последовательно разбить своих противников и создать единое и мощное государство на месте мелких княжеств, чьи раздоры были так выгодны для империи. Вместо того чтобы действовать, Мануил в течение одиннадцати лет (1164-1175) ограничивался чисто оборонительной политикой, занимаясь укреплением своих границ; когда же наконец он понял опасность и начал наступление, было слишком поздно. Императорская армия потерпела при Мириокефале (1176) страшный разгром. Правда, успешные кампании в Вифинии и в долине Меандра (1177) частично сгладили несчастные последствия этого разгрома, но все же к концу правления Мануила мусульмане были гораздо сильнее, чем в начале его. Иконийский султанат стал грозным государством, а с 1174 г. в Сирии начал править Саладин.

Западная политика. Норманны и венецианцы. В эпоху Комнинов более тесные сношения между Византией и Западом создали для империи новые заботы и породили у ее правителей обширные честолюбивые планы. Ось византийской политики сместилась, и это принесло империи большие бедствия.

В тот момент когда Алексей Комнин вступил на престол, норманны Роберта Гюискара высадились в Эпире (1081). Император сумел ловко использовать против них союз с Венецией, дорого, впрочем, заплатив за него. Тем не менее императорская армия потерпела жестокое поражение в окрестностях Диррахия (1081), которым вскоре завладел Гюискар. В течение следующего года Боэмунд добился поразительных успехов в Эпире и Македонии, вплоть до Фессалии. Однако перед Лариссой он задержался на полгода и понемногу, вследствие упрямства императора, счастье ему изменило. Норманнская армия, уменьшившаяся в результате заболеваний, ослабленная наступлением греков и еще более дезорганизованная усилиями имперской дипломатии, принуждена была бить отбой. На море венецианцы разгромили норманнский флот (1085). Со смертью Роберта Гюискара положение византийцев было окончательно восстановлено. Норманнская опасность была устранена.

Вскоре, однако, она возникла вновь. В 1105 г. Боэмунд, ставший правителем Антиохии, обратился ко всему Западу с призывом к грандиозному походу против греков, а в 1107 г. он высадился в Валоне. Снова ловкий Алексей восторжествовал над противником. В 1108 г. вождь норманнов должен был подписать довольно унижительный мир, который подчинял его верховной власти империи. Для Византии это было большим успехом.

Тем не менее в последующие годы норманнское королевство обеих Сицилий продолжало непрерывно расти. Уже Рожер II внушал сильное беспокойство Иоанну Комнину, искавшему против него поддержки в Германии (1137). Через десять лет произошел разрыв. В 1147 г. норманнский флот появился в Архипелаге, опустошил Эвбею и Аттику, разграбил Коринф и Фивы и перевез в Палермо ремесленников, работавших в шелковых мастерских этих двух крупных ремесленных городов. Мануил Комнин, занятый другими делами, сначала ничего не мог поделать против этого вторжения. Но вскоре благодаря союзу с Венецией он вернул Корфу (1149) и перенес войну в Италию, где занял Анкону (1151). И все же, несмотря на смерть Рожера II (1154) и на большую коалицию, которую византийская дипломатия сумела ненадолго составить против короля Сицилии, византийцы ничего не добились ни на суше, ни на море. В 1158 г. Мануил вынужден был подписать с Вильгельмом I мир, оказавшийся весьма непрочным, ибо отношения между двумя государствами оставались напряженными: Запад ни под каким видом не желал видеть

Италию подчиненной византийскому влиянию; особенно обеспокоена была Венеция, союзница Византии в былые времена. Сначала венецианцы охотно поддерживали византийцев против норманнов и за свою помощь получили от Алексея Комнина широкие торговые привилегии на всем Востоке (1082). Но несмотря на добрые политические отношения, дерзость венецианских купцов вскоре стала живо задевать византийцев. Уже Алексей, чтобы несколько ослабить монополию венецианцев, пожаловал аналогичные привилегии пизанцам (1111). Иоанн Комнин отказался возобновить договор с Венецией, и хотя после четырех лет войны (1122-1126) император оказался вынужденным уступить, он старался по крайней мере, как и его отец, нейтрализовать венецианское влияние посредством договоров с Пизой (1136) и Генуей (1143).

Мануил также сначала усиленно искал союза с Венецией против норманнов и платил за него широкими уступками (1148). Но разлад между Византией и Венецией непрерывно увеличивался. Высокомерие, и резкость венецианцев раздражали греков; с другой стороны, честолюбивые планы Мануила в отношении Италии беспокоили Венецианскую республику; когда император занял Анкону и захватил Далмацию, Венеция поняла, что ее господству на Адриатике грозит опасность. Отныне разрыв стал неизбежным. Мануил вызвал его, приказав арестовать всех венецианцев, обосновавшихся в империи (1171). В ответ на это республика послала свой флот занять Хиос и опустошить острова Архипелага и заключила союз с королем 107 Сицилии. Мануил уступил (1175) и вернул венецианцам их привилегии. Но отношения оставались такими же натянутыми и недружелюбными, как и с норманнами, и близился день, когда норманны и венецианцы заставили империю жестоко почувствовать эту вражду.

Византийская империя и крестоносцы. Крестовые походы еще больше обострили антагонизм между византийским Востоком и латинским Западом.

Когда армии первого крестового похода появились под стенами Константинополя (1096), Алексей Комнин, обращавшийся к поддержке Запада только в случаях нужды в наемниках, был чрезвычайно обеспокоен экспедицией, смысла которой он не понимал, тем более, что одним из ее военачальников был его старинный враг Боэмунд. Однако, несмотря на насилия, которые позволяли себе латиняне, несмотря на плохо скрытые наглость, жадность и честолюбие крупных баронов, император попытался достигнуть с ними соглашения: слишком слабый, чтобы их изгнать, он постарался их использовать. Оценив положение, он льстил себя надеждой, что ему удастся завербовать крестоносцев на службу империи, связать их вассальной присягой и использовать для завоевания Азии. Сначала, казалось, он в этом преуспел. Руководители крестоносцев один за другим принесли Алексею присягу и обязались вернуть ему все города, некогда принадлежавшие империи, какие они захватят у турок (1097). Именно в силу этого соглашения отвоеванная Никея была возвращена грекам, и несколько византийских отрядов отправились вначале вместе с крестоносцами. Но когда после взятия Антиохии крестоносцы, забыв свои обещания, отдали город Боэмунду (1098), когда затем они отказались дожидаться императора, чтобы идти на Иерусалим (1099), наступил разрыв. Алексей не мог простить Боэмунду его захватов; не лучше были отношения и с латинянами, обосновавшимися в Сирии. Неудача крестового похода 1101 г., которую на Западе ставили в вину грекам, еще более углубила разлад. Неудачное выступление Боэмунда против империи (1107) увеличило неприязнь латинян к Византии. В действительности крестоносцы были более 108 виновны, чем император; тем не менее по всему Западу распространялась легенда, возбуждавшая вражду, против Византии. Между двумя мирами возникла пропасть.

Не лучше обстояло дело и во время второго крестового похода (1147). Правивший тогда Мануил, так же как и Алексей, был чрезвычайно озабочен появлением под стенами столицы больших армий, предводительствуемых германским королем Конрадом III и французским королем Людовиком VII. С немцами он сумел кое-как договориться и быстро от них избавился; с французами же у него обнаружилось столько разногласий, что был момент, когда крестоносцы подумывали о захвате Константинополя. Когда в этой

обстановке выяснилась неудача крестового похода, ее приписывали прежде всего коварству византийцев, чья жадность действительно была возмутительной, и Запад намеревался даже одно время направить крестовый поход против Византии, чтобы отомстить за крах экспедиции (1150).

Впрочем, имперская политика по отношению к латинянам, обосновавшимся на Востоке, оправдывала это недоверие и усугубляла вражду между двумя мирами.

Норманнское княжество в Антиохии, образованное после первого крестового похода, было чрезвычайно стеснительным для византийцев вследствие притязаний его руководителей Боэмунда и Танкреда. Византийцы изо всех сил боролись против него и оружием и дипломатией; был момент, когда договор 1108 г., навязанный Боэмунду, обеспечил, казалось, успех имперской политике, подчинив Антиохию верховной власти Византии. Но этот договор никогда не выполнялся. Приходилось все начинать сначала.

Иоанн и Мануил Комнины занялись этим с еще большим рвением. Оба они мечтали действительно установить свою власть в армянских княжествах Киликии и в латинских государствах Сирии, и им удалось этого добиться.

К 1131 г. Лев, правитель Армении, значительно расширил свои владения за счет византийской Киликии 109 и заключил союз с соседними государями Антиохии, которых Византия всегда считала своими взбунтовавшимися вассалами. Иоанн Комнин воспользовался первым удобным случаем для вмешательства. Он подчинил себе Киликию (1137), заставил Раймунда Тулузского, князя Антиохии, принести вассальную присягу и в 1138 г. возглавил большую экспедицию против мусульман как настоящий повелитель французской Сирии. Ему удалось овладеть Антиохией, но это не удовлетворило его честолюбия. В 1142 г. он вновь появляется в Киликии, чтобы создать из земель армянских княжеств и Антиохии удел для своего любимого сына Мануила. Смерть помешала осуществлению его намерений (1143), и князь Антиохийский счел момент подходящим, чтобы взять реванш и восстановить свою независимость. Вскоре Мануил дал ему понять, что намеревается продолжать политику своего отца.

Раймунд, потерпев поражение, должен был явиться с повинной в Константинополь и признать себя вассалом императора (1145). Несколько позднее, в 1158 г., Мануил еще решительнее подчеркнул свою роль верховного повелителя. Он завоевал Киликию, жестоко покарал Рено Шатильонского, князя Антиохии, и во главе всех латинских правителей Сирии совершил торжественный въезд в Антиохию.

Даже иерусалимские короли испытывали византийское влияние; они поставляли имперской армии солдат, заключали с Комнинами династические браки (со своей стороны и Мануил в 1161 г. женился на латинской принцессе Марии Антиохийской), совместно с греками совершали походы в Египет (1169). Византийская культура проникала во французскую Сирию, где, впрочем, был весьма значителен и личный авторитет Мануила. Казалось, что честолюбивые замыслы Византии осуществились. Во всяком случае, истощая силы латинян Сирии, Византия ослабила силу их сопротивления неверным; но главное, она еще более углубила ненависть, какую питал к ней Запад.

Завоевательная политика Комнинов. Обширные и безрассудные цели политики Мануила на Западе окончательно противопоставили друг другу эти два мира. 110

Как многие из их предшественников, Комнины мечтали восстановить свою власть над Римом, будь то посредством силы или путем союза с папством, и разрушить Западную империю, факт существования которой всегда представлялся им узурпацией их прав. Особенно старался осуществить эти мечты Мануил Комнин. Мы уже видели, что победа над норманнами побудила его вторгнуться на полуостров, что в Венгрии, как и в Италии, он столкнулся с Германской империей, где с 1152 г. правил Фридрих Барбаросса. Можно с уверенностью сказать, что западная политика занимала существенное место в помыслах императора и что в продолжение всего своего царствования он упорно преследовал различными средствами - и оружием, и дипломатией - намеченную им честолюбивую цель.

Разрыв между Барбароссой и папой (1158) дал Мануилу повод сблизиться с Римом. Он

принял сторону Александра III (1161) и подал ему надежду на восстановление церковного единства; за это он мечтал получить от него императорскую корону на Западе. Одновременно он направил свои дипломатические усилия на то, чтобы поднять против Барбароссы его врагов, поддерживал Ломбардскую лигу, субсидировал Анкону, Геную, Пизу, Венецию. Помимо этого, продолжая интриговать в Италии и в Германии, Мануил мечтал установить соглашение с германским императором. Из этих сложных утопических проектов не получилось ничего реального. Папа не мог согласиться стать византийским епископом в Риме, который был бы превращен в столицу восстановленной империи; итальянские республики не доверяли честолюбивым проектам Мануила; Барбаросса, выведенный из терпения двуличной политикой греков, становился явно враждебным и угрожающим (1177).

Таким образом, притягательное действие, которое оказывал на Мануила Комнина Запад, оказалось бедственным для империи. Своими симпатиями к латинянам Мануил раздражал греков; с другой стороны, его честолюбивые замыслы привели к тому, что весь Запад объединился против Византии; империя была истощена чрезмерным напряжением, которого требовала 111 от нее его политика. Казалось, что Мануил стяжал империи несравненную славу во всем мире и сделал Константинополь центром европейской политики; но по существу, когда он умер (1180), Византия оказалась разоренной и ненавидимой латинянами, готовыми в любой момент напасть на нее. В то же время в стране назревал серьезный внутренний кризис.

III

ПРАВЛЕНИЕ КОМНИНОВ И ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА XII в.

Три первых императора из дома Комнинов прилагали большие усилия к тому, чтобы вернуть власти императора ее былое могущество, а империи расцвет. Они сделали очень многое для реорганизации армии, главным образом путем увеличения числа наемников, толпами являвшихся с Запада; с другой стороны, они несколько неблагоразумно пренебрегали флотом, чрезмерно доверяя союзу с Венецией и ее флоту, с помощью которого они рассчитывали обеспечить свое господство на морях; но в целом они все же сумели создать грозную военную силу, способную и защитить восстановленную империю и поддержать окрепшую императорскую власть. Как Алексей, так и Иоанн тщательно заботились о финансах; и хотя налоги были действительно обременительны, а фискальная тирания тяжела для подданных, хотя правление Мануила обошлось империи слишком дорого вследствие расходов, которых требовали войны, дипломатия и пристрастие императора к роскоши, - тем не менее в XII в. Византийская империя была богата, и ее торговля действительно процветала, несмотря на ошибки экономической политики, которая допускала постепенное вытеснение на восточных рынках греков иностранцами, несмотря на растущие притязания торговых итальянских городов, все более и более использовавших империю в своих интересах и обосновавшихся в ней как в завоеванной стране.

С другой стороны, Комнины проявляли большое внимание к церкви. Они с одинаковым усердием подавляли и ереси и свободную мысль, когда эта последняя 112 проявилась в возрождении платоновской философии в стенах Константинопольского университета. Они тщательно следили за нравами духовенства и особенно старались сделать более простой и назидательной жизнь монахов, для которых в конце XI в. святой Христул, при поддержке Алексея Комнина, основал образцовый монастырь в Патмосе (1088). Они увеличивали в Константинополе количество благочестивых учреждений: монастырей, больниц, церквей, причем самой замечательной из них была церковь Вседержителя, созданная императором Иоанном с целью превратить ее в крупный центр монашества и странноприимства и одновременно наделить ее такой же ролью, какая во Франции принадлежала собору Сен-Дени. Наконец, можно назвать немного дворов, столь изящных и утонченных, как двор Комнинов. Влахернский дворец в глубине Золотого Рога, куда императоры перенесли свою резиденцию, был, по свидетельству современников, чудом роскоши и красоты. Здесь вокруг государя; особенно в эпоху Мануила, собиралось общество, поглощенное развлечениями и

празднествами, были позаимствованы даже некоторые излюбленные развлечения Запада, например турниры и мистерии; в этом обществе большое место занимали интриги и авантюры, женщины блистали там своим кокетством и изяществом, и весь этот юный, пылкий и полный страстей мирок равно интересовался как истинной наукой, так и оккультизмом, магией и астрологией.

Для того чтобы определить уровень духовной культуры, которого достигла в XII в. Византия, достаточно назвать имена таких писателей, как Анна Комнина, Никифор Вриенний, Никита Акоминат и Евстафий Фессалоникский. Началось подлинное возрождение классического духа и античной традиции. Императоры оказывали покровительство ученым и эрудитам, богословам и риторам, чье красноречие было украшением всех торжественных церемоний, а также придворным поэтам, таким, как Феодор Продром, автор ряда остроумных и забавных поэм. Искусство с неменьшим блеском продолжало традиции предшествующего столетия, и его влияние распространялось из глубины Востока до крайних пределов Запада. 113

В латинских государствах Сирии, в Венеции и норманнской Сицилии церкви и дворцы строились и украшались по византийскому образцу. Греческие художники украшали мозаикой церкви в Вифлееме и Торчелло, соборы Кефалу, Мартораны и Палатинскую часовню в Палермо; еще поныне собор святого Марка в Венеции, со своими пятью куполами, богатством мрамора и серебряных и золотых украшений, красотой своей мозаики и пурпурно-золотым мерцанием, озаряющим его своды, дает наиболее точное представление о блеске Византии в эту эпоху. Даже романское искусство заимствовало у Византии некоторые черты своей архитектуры и многочисленные декоративные мотивы. Своим богатством, красотой памятников, роскошью дворцов, реликвиями, хранившимися в церквях, Константинополь возбуждал восхищение всего мира, и все те, кто побывал в нем, возвращались ослепленными его великолепием.

"Константинополь - это слава Греции, - говорит Эвд де Дейль, - он знаменит своими богатствами, но в действительности его сокровища превышают славу о них".

"За исключением Багдада, - пишет Веньямин из Туделы, - во всем мире нет равного ему города". Как сообщает Робер де Клари, в то время говорили, что "две трети мирового достояния находятся в Константинополе, а одна треть рассеяна по всему свету".

Византийская столица, согласно одному остроумному определению, была Парижем средневековья. Она была, по словам Виллардуэна, "самым богатым городом мира", городом, "царившим над всеми городами". Но это было опасное благоденствие, ибо наряду с восхищением оно возбуждало всеобщую зависть и дорого обошлось империи в момент, когда обнаружилась ее слабость.

IV

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ XII в.

(1181-1204)

Пока был жив Мануил Комнин, его ум, энергия и ловкость обеспечивали внутренний порядок и поддерживали авторитет Византии за пределами империи. Когда 114 же он умер, все здание начало трещать. Так же, как и в эпоху Юстиниана, честолюбивые имперские политики XII в. лелеяли слишком обширные планы. Как и тогда, перемена политики оказалась тяжелой и разорительной. Вмешиваясь без нужды в дела Запада, питая безрассудные мечты о грандиозных завоеваниях, приводившие в беспокойство латинян, Мануил в то же время не замечал близкой опасности, встававшей с Востока, и довел империю до крайнего истощения. Как только власть оказалась в более слабых руках, обнаружились грозные последствия вызванных им во всем мире чувств: мести, ненависти и зависти.

[Image006]

[Image007]

Алексей II, сын Мануила, был ребенком; его мать, регентша Мария Антиохийская, была латинянкой по происхождению и опиралась на латинян; вследствие этого она не

пользовалась популярностью. Андроник Комнин использовал общее недовольство, чтобы сделаться императором (1182-1185). Этот последний представитель Комнинов мог бы быть великим государем. Он понял, что могущественные феодалы были опасны для империи, и жестоко подавлял их: восстание Исаака Ангела в Вифинии было потоплено в крови (1185). Он преобразовал администрацию, сократил расходы, облегчил налоги, словом, вступил на верный путь, чтобы стать популярным, когда внешние события - война с норманнами, завершившаяся взятием ими Фессалоники (1185), война с венграми, окончившаяся потерей Далмации (1185), привели к его низложению. Новое восстание (1185) возвело на трон Исаака Ангела и ускорило разорение империи. Исаак (1185-1195) совершенно не обладал качествами, необходимыми для предотвращения грозившего кризиса. Его брат Алексей III (1195-1203), свергнувший его с престола, был нисколько не лучше. Империя готова была рухнуть.

Императорская власть, поколебленная рядом восстаний и непрерывными заговорами, была чрезвычайно слаба. В столице чернь диктовала свои законы правительству; в провинциях поднимала голову аристократия, империя постепенно распадалась. Исаак Комнин объявил себя независимым на Кипре (1184), Гавр - в Трапезунде; крупные феодальные фамилии Кантакузинов, 115 Вранов, Стуров выкраивали себе владения из локутьев монархии. Повсюду царили беспорядок и нищета: налоги были непомерны, казна пуста, торговля пришла в упадок. Деморализация распространилась повсюду, даже в церкви; покидавшие монастыри монахи усиливали беспорядок; в этот период монастырская реформа была необходима более, чем когда-либо. Везде ослабевали эллинские традиции, угасало чувство патриотизма.

Внешняя опасность была еще более серьезной. На Балканах славяне сбросили иго империи. В Сербии Стефан Неманя простер свою власть на Герцеговину, Черногорию, придунайскую часть Сербии и основал большое государство. Под руководством Петра и Иоанна Асеней восстали болгары и валахи (1185); при поддержке Куманов и при помощи Стефана Немани они начали быстро продвигаться вперед. Исаак был разбит при Веррее (1190) и при Аркадиополе (1194). Так образовалась Валахо-Болгарская империя, достигшая своего расцвета при царе Иоаннице, или Калояне (1197 - 1207). По договору 1201 г. Алексей III должен был подтвердить все болгарские завоевания - от Белграда до Черного моря и Вардара. Немного времени спустя болгарский правитель добился от Иннокентия III титула царя и учреждения независимой церкви (1204). Это было полным уничтожением дела Иоанна Цимисхия и Василия II.

На Западе горизонт был еще мрачнее. Во время мятежа, вознесшего на трон Андроника Комнина, резня 1182 г., жертвой которой оказались проживавшие в Константинополе латиняне, развязала войну с норманнами. Впрочем захват Фессалоники армией короля Сицилии не повлек за собой дальнейших успехов, и Исааку удалось отразить захватчиков (1186). Но вследствие этих событий старинная вражда между Западом и Византией возросла еще больше. К этому же повели политические промахи, допущенные по отношению к Фридриху Барбароссе во время третьего крестового похода (1189). Был момент, когда германский император намеревался вместе с сербами и болгарами захватить Константинополь, и крестоносцы двинулись в империю как заклятые враги. Генрих VI, сын Барбароссы, был еще 116 более опасным противником, особенно после того, как вместе с владениями норманнских королей он унаследовал и их честолюбивые планы. Он мечтал о завоевании Востока и требовал от Алексея возврата всех территорий, некогда захваченных норманнами (1196); в ожидании же этого, он принудил императора платить ему дань.

Но особенную тревогу возбуждала Венеция. Она тоже жаждала отомстить за резню 1182 г., и чтобы успокоить ее, Исаак должен был в 1187 г. возместить ей все убытки и предоставить обширные привилегии. В 1198 г. Алексею III пришлось еще увеличить эти уступки, действенность которых он, Впрочем, ослабил, уступив подобные же права генуэзцам и пизанцам. Помимо этого, венецианцы чувствовали, что ожесточенная ненависть греков грозила и их торговле и безопасности; когда же дожем Венеции стал Энрико Дандоло

(1193), возникла мысль, что наилучшим средством как для разрешения кризиса и удовлетворения накопившейся ненависти латинян, так и для обеспечения интересов Венеции на Востоке было бы завоевание Византийской империи. Враждебность папы, домогательства Венеции, озлобление всего латинского мира - все это вместе взятое предопределило тот факт, что четвертый крестовый поход обратился против Константинополя. Истощенная, ослабленная развитием на востоке Европы славянских государств Византия оказалась неспособной сопротивляться угрожавшему ей натиску западных войск.

Четвертый крестовый поход. Алексей III, свергнув и ослепив своего брата Исаака, в 1195 г. заключил в тюрьму вместе с павшим императором и его сына, юного Алексея. В 1201 г. молодой принц бежал и явился на Запад, прося поддержки против узурпатора. Это был как раз тот момент, когда войска четвертого крестового похода собрались в Венеции. Венецианцы охотно ухватились за представившийся им предлог вмешаться в византийские дела, а щедрые обещания, которые расточал Алексей, легко одержали верх над угрызениями совести крестоносцев. Таким образом ловкая политика дожа Дандоло обратила против Константинополя ту экспедицию, которая готовилась освободить Святую Землю. В начале 1203 г. было окончательно подписано соглашение с претендентом на византийский престол; 27 июня 1203 г. латинский флот бросил якорь перед Константинополем, Город был взят штурмом (18 июня 1203 г.), и Исаак Ангел вместе с сыном Алексеем VI вновь занял престол. Однако согласие между византийцами и латинянами длилось недолго. Новые императоры оказались не в силах выполнить свои обещания; крестоносцы, особенно венецианцы, предъявляли все большие и большие требования. 25 января 1204 г. всенародное восстание свергло ставленников Запада, и власть перешла в руки Алексея V Мурзуфла. Примирение становилось невозможным. Латиняне решили уничтожить Византийскую империю. 12 апреля 1204 г. Константинополь снова был взят штурмом и жестоко разграблен. И в то время как остатки византийской аристократии и духовенства спешили укрыться в Никее, чтобы затем попытаться восстановить оттуда империю, победители, в соответствии с договором о разделе, подписанным в марте 1204 г., делили между собой добычу. Балдуин Фландрский сделался императором и воссел на трон Комнинов (май 1204 г.), Бонифаций Монферратский стал править в Фессалонике; венецианский патриарх занял патриарший престол в Константинополе; на всей территории завоеванной империи возникали феодальные сеньории. Венецианцы, ловкие дельцы, с особенным старанием обеспечивали себе на всем Востоке пункты, важные для развития их торговли и колониального могущества. Казалось, что наступил конец Византии; и действительно, событие 1204 г. было для Византийской империи ударом, от которого она уже никогда не смогла оправиться. 118

ГЛАВА VII

ЛАТИНО-КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

И ГРЕКО-НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

(1204-1261)

I. Распад Византийской империи.- II. Латино-Константинопольская империя. III. Греко-Никейская империя.- IV. Отвоение Константинополя греками.- V. Ахейское княжество.

I

РАСПАД ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Первым результатом завоевания Константинополя крестоносцами было глубокое изменение облика восточного мира.

На развалинах Византийской империи пышным цветом расцвели латинские феодальные сеньории. В Константинополе образовалась Латинская империя, императором которой бароны-крестоносцы избрали Балдуина, графа Фландрского; в Фессалонике, под властью маркиза Монферратского Бонифация, было основано королевство, находившееся в номинальной зависимости от императора. Появились титулярные герцоги Никей и Филиппополя, сеньоры Дидимотики и Адрамиттия. Через несколько дней после взятия Константинополя в результате победоносных рыцарских походов, которые Бонифаций

Монферратский довел до Афин и Коринфа, были 119 основаны другие латинские государства: маркизат Водоницы, сеньория Негропонта, Афинское герцогство, которым управляла бургундская фамилия Делярош, Ахейское или Морейское княжество, завоеванное Жоффруа де Виллардуэном и Вильгельмом де Шамплиттом и оказавшееся самым устойчивым из всех завоеваний крестоносцев на латинском Востоке в 1204 г. С другой стороны, Венеция немедленно заняла Диррахий близ Эпира, Модону и Корону в Пелопоннесе, Крит и Эвбею, Галлиполи, Родосто, Гераклею и обширный квартал в Константинополе; ее патриции заняли острова Архипелага, где были основаны герцогство Наксос и маркизат Чериго, эрцгерцогство Лемнос и сеньория Санторино. Венеция, владычица этой замечательной колониальной империи, вполне законно могла позволить своему дожу именоваться "господином трех восьмых византийской империи"..

Разгром Византийской империи повлек за собой рождение множества греческих государств. В Трапезунде два представителя дома Комнинов - Алексей и Давид - основали империю, вскоре распространившуюся по берегу Черного моря от Гераклеи до Кавказа и просуществовавшую до середины XV столетия (1461). В Эпире побочный потомок Ангелов Михаил Ангел Комнин создал деспотат, простиравшийся от Навпакта до Диррахия. В Никее Феодор Ласкарь, зять Алексея III Ангела, начал собирать вокруг себя все то, что осталось от византийской аристократии и высшего духовенства, и в 1206 г. торжественно короновался "императором ромеев". Ряд других честолюбцев, как-то Габала на Родосе, Манкафа в Филадельфии, Лев Сгур в Аргосе и Коринфе - выкраивали себе владения из клочков империи. Казалось, что наступил конец Византийской империи.

Однако эти новые государства, рождавшиеся к политической жизни, были весьма различны. Латинская империя, несмотря на несомненные достоинства своих первых государей, едва просуществовала полстолетия (1204-1261); ее природная слабость неизбежно сделала ее эфемерной. Наоборот, у византийцев победа иноземцев пробудила патриотизм и воскресила сознание визан-120тийской национальности. Вожди, вокруг которых объединились все жизнеспособные силы греческого мира, преследовали одну цель: отвоевать у ненавистных латинян Константинополь. Оставалось только выяснить, которая из двух соперничавших империй - Никейская или Эпирская - сумеет осуществить эту задачу.

II

ЛАТИНО-КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

Чтобы государственное образование, порожденное четвертым крестовым походом, оказалось хоть сколько-нибудь устойчивым, новой империи нужно было сильное правительство и прочно централизованный аппарат, а в типично феодальном государстве, образованном латинянами, император был всего лишь первым бароном. Его власть, распространявшаяся на большие территории, в политическом отношении была ничтожной. Балдуин тотчас же по восшествии на престол вынужден был объявить войну своему непокорному вассалу - королю Фессалоники, и хотя их и удалось примирить, между ними никогда не устанавливалось прочного согласия. Генрих Фландрский, наследник Балдуина, столкнулся с теми же трудностями; и хотя ему удалось при помощи своей энергии и ловкости подчинить Фессалонику своей власти (1209) и заставить византийских феодалов признать на съезде в Равеннике (1210) его суверенитет, тем не менее афинские герцоги и ахейские короли очень скоро потеряли интерес к делам империи и сделались почти независимыми от нее. Латинская империя не могла многого ждать от Венеции, которая была поглощена своими собственными интересами и ревниво охраняла свои привилегии. Союз с побежденными греками был невозможен. Несмотря на старания некоторых латинских правителей Монферрата в Фессалонике, Виллардуэнов в Ахайе, - пытавшихся бороться с ненавистью населения к завоевателям и сгладить воспоминания об их грубости, греческий народ в целом сохранял враждебное отношение к иностранцам и страстно ожидал избавителя, откуда 121 бы он ни явился - из Эпира или Никей. Наконец, к несомненной опасности со стороны греков прибавилась возможная опасность со стороны болгар. Латиняне совершили промах, отвергнув союз, который им предлагал царь Иоанница

(1197-1207), и таким образом, вместо того чтобы заручиться поддержкой болгар в борьбе против византийцев, создали себе из них непримиримых врагов; после этого болгары объединились с греческими государями Никеи против Латинской империи и ожесточенно старались ее уничтожить.

Все же в первый момент разрухи, последовавшей за захватом Константинополя, казалось, что латиняне торжествовали повсюду. Фессалия, центральная Греция, Пелопоннес были завоеваны в несколько недель, не сумев оказать серьезного сопротивления. В Малой Азии Генрих Фландрский разбил греков при Пиманионе, и власть молодого Феодора Ласкаря, сохранившего от своих владений только Пруссу, казалось, клонилась к гибели, когда ее спасло вторжение болгар во Фракию. Царь Иоанница действительно напал на Латинскую империю, и восставшие византийские подданные радостно принимали его повсюду. Император Балдуин и дож Дандоло со слабыми войсками отважно выступили против врага; в долинах Адрианополя армия латинян подверглась кровавому разгрому (1205), а Балдуин исчез без вести. В продолжение двух лет болгарский государь опустошал Македонию, стремясь отомстить за поражение, которое некогда нанес его народу Василий II, и называя себя в противоположность Болгаробойце "Ромеебойцей" (Romaioctone). К счастью для латинян, он погиб насильственной смертью во время осады Фессалоники (1207).

Феодор Ласкарь воспользовался его смертью, для того чтобы восстановить и укрепить свою власть. Однако во время правления Генриха Фландрского, брата и наследника Балдуина (1205-1216), несомненно лучшего государя, какой когда-либо был в Латино-Константинопольской империи, можно было думать, что государство, родившееся из крестового похода, окажется жизнеспособным. По смерти Иоанницы Генрих заключил мир с Болгарией, освободив таким образом империю от 122 серьезной заботы; ему удалось кое-как восстановить единство между латинянами и вновь обрести императорскую власть над своими крупными вассалами; он даже сумел добиться покорности и симпатии от своих греческих подданных. Одновременно, опираясь на трапезундских Комнинов, он предпринял наступление в Азии. Первая экспедиция в 1206 г. отдала в его руки часть Вифинии; в 1212 г. он действовал еще энергичнее, разбив при Лупарке Ласкаря и обязав его уступить часть Мизии и Вифинии. Однако Генрих умер слишком рано (1216) для того, чтобы суметь основать империю. Отныне у византийцев и болгар руки оказались свободными; государство, основанное крестоносцами, клонилось к жалкой гибели под властью слабых государей.

III

ГРЕКО-НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Феодор Ласкарь (1206 - 1222) постепенно стал единственным владыкой византийской Азии. Он разбил государей Трапезунда, завидовавших его удачам, и турок-сельджуков (1211) и отвоевал у последних значительную часть берегов Анатолии. По смерти императора Генриха он не дал латинянам ни минуты передышки. Когда Феодор умер (1222), оставив трон своему зятю Иоанну Ватацу (1222 - 1254), то за исключением небольшого куса Вифинии, еще занятого латинянами, под его властью оказался объединенным весь запад Малой Азии, а границы были доведены до верхнего течения Сангария и Меандра. Ватацу хорошему полководцу и умелому администратору - предстояло завершить дело Ласкаря и дать византийской Малой Азии последний период расцвета.

Тем не менее можно было бы спросить себя, не останутся ли судьбы и планы Никейской империи ограниченными областью азиатских провинций древней империи. В самом деле, в Европе деспот Эпира Феодор Дука Ангел, наследовавший своему брату Михаилу (1214 - 1230), чрезвычайно расширил полученное им в наследство государство как за счет латинян, так и за счет болгар. 123 У венецианцев он отвоевал Диррахий и Корфу, занял Охриду, Пелагонию; в 1222 г. он завладел Фессалоникой, где правил сын Бонифация Монферратского юный Димитрий, и в отнятом у латинян городе торжественно принял императорскую корону при бурном одобрении византийцев, видевших в нем восстановителя эллинства. Затем ему удалось за счет болгар распространить свою власть до Адрианополя,

Филиппополя и Христополя; казалось, что вскоре он уничтожит Латинскую империю. В 1224 г. в битве при Серрах он разбил войско слабого государя Роберта де Куртене (1221-1228), который управлял остатками Латино-Константинопольского государства.

Но внезапно успехи Византийской империи в Европе были приостановлены. С 1218 г. в Болгарии стал править деятельный и умный государь Иоанн Асень (1218- 1241). Как некогда Иоанница, он охотно принял бы сторону латинян против греков, и когда в 1228 г. умер император Роберт, он намеревался стать регентом Латинской империи при несовершеннолетнем Балдуине II (1228-1261). Из-за недалёковидного упорства латинского духовенства православному государю был предпочтен храбрый, но политически бездарный рыцарь Иоанн Бриеннь (1229-1237); так империя упустила свой последний шанс на спасение. Оскорбленный болгарский государь к величайшей выгоде никейских греков превратился в непримиримого врага латинян. Сначала он оказал грекам услугу, разбив их соперника в Европе - греческого императора Фессалоники, чьи честолюбивые замыслы начинали тревожить Болгарию. Феодор, разбитый и взятый в плен при Клокотнице (1230), должен был отречься от трона, а основанное им государство, сведенное к более скромным размерам (оно включало теперь, помимо Фессалоники, только Фессалию), перешло к его брату Мануилу. Освобождая таким образом Ватаца от его западного соперника, Асень одновременно укрепил его могущество, предложив ему свой союз (1234). Это было несомненным крахом Латинской империи.

Император Никеи за двенадцать лет правления значительно расширил свои владения. Победив латинян при 124 Пиманионе (1224), он отнял у них последние крепости, которыми те владели в Анатолии, и отвоевал крупные острова у берегов Малой Азии - Самос, Хиос, Лесбос, Кос, сделав греческого правителя Родоса своим вассалом. Он повел войска во Фракию и тотчас же занял Адрианополь, где столкнулся с греческим императором Фессалоники. Наконец, он атаковал венецианцев на Крите. Союз с болгарами еще более усилил его могущество. В 1236 г. оба союзника напрягли все силы, чтобы взять Константинополь; город едва устоял под их натиском. На Западе вовремя поняли, что его необходимо спасти: приморские итальянские города и ахейский князь поспешили на помощь. Столица Латинской империи была спасена, и благодаря распаду греко-болгарского союза, последовавшему вскоре после смерти Иоанна Асеня (1241), несчастное латинское государство просуществовало еще четверть века; в течение этих двадцати пяти лет Балдуин II повсюду умолял о помощи, не получая ее ниоткуда; чтобы раздобыть немного денег, он продал самые ценные реликвии Константинополя, которые у него купил Людовик Святой; наконец, он дошел до такой степени нужды, что для чеканки монеты должен был использовать свинец с крыш и жечь деревянные украшения императорских дворцов, чтобы согреться в зимнюю пору.

За это время Ватац окончательно восстановил единение византийцев против чужеземцев. Он изгнал латинян из их последних владений в Анатолии; он заручился могущественной поддержкой императора Фридриха II Гогенштауфена, женившись на его дочери (1244); император, ненавидевший папу, покровителя Латинской империи, без колебания предоставил грекам Константинополь; затем Ватац лишил франков помощи иконийского султана (1244) и воспользовался вторжением монголов в Малую Азию, чтобы расширить пределы своего государства за счет турок. Особенно энергично действовал он в Европе. Эпирский деспотат находился в состоянии полной анархии; Ватац воспользовался этим, чтобы заставить Иоанна Ангела, сына Феодора, отказаться от императорского титула и признать себя вассалом Никеи (1242). Спустя четыре года он овладел Фессалоникой, 125 изгнав оттуда деспота Димитрия. Он отвоевал у болгар большую часть Македонии, Серры, Мельник, Стенимахо; у латинян он отнял Визию и Цурулон (1247). Наконец, силой оружия он навязал свое господство последнему греческому государю, оставшемуся еще независимым,- деспоту Эпира Михаилу II (1254). Когда по возвращении из этой последней кампании Ватац умер, Греко-Никейская империя, богатая, могущественная, цветущая, окружала со всех сторон жалкие остатки Латинской империи. Оставалось только завоевать

Константинополь.

IV

ОТВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВИЗАНТИЙЦАМИ

Феодор II Ласкарь (1254-1258) в течение своего недолгого царствования продолжал политику отца. Он разбил при Рупельском проходе болгар (1255), попытавшихся взять реванш за поражения, понесенные ими от Ватаца, и вынудил их принять мир (1256); и хотя он умер слишком рано, не успев подавить восстание коварного и честолюбивого деспота Эпира Михаила II, зато его преемник Михаил Палеолог (1258-1261) искупил своими победами бесчестный способ, каким он устранил с трона законную династию и захватил власть. Михаил Эпирский заключил союз с Манфредом, королем Сицилии, и Вильгельмом Виллардуэном, ахейским князем; он заручился поддержкой албанцев и сербов и стал уже грозить Фессалонике. Палеолог начал наступление; он отвоевал Македонию, вторгся в Албанию и нанес деспоту и его союзникам кровавое поражение в долине Пелагонии (1259). Таким образом, успехи Никейской империи привели Эпирский деспотат к гибели. Спустя некоторое время Палеолог завершил свое дело отвоеванием Константинополя.

В 1261 г. он перешел Геллеспонт и отнял у латинян, все их владения вне столицы. Против венецианцев, которые, хотя и с некоторым опозданием, поняли необходимость защищать Константинополь, он чрезвычайно ловко обеспечил себе союз с их соперниками генуэзцами, обещав им по договору, заключенному в Нимфее 126 (1261), пожаловать на Востоке все те привилегии, которыми пользовались их соперники. Отныне достаточно было благоприятного случая, чтобы столица попала в руки византийцев. 25 июля 1261 г. один из полководцев Палеолога, воспользовавшись тем, что венецианский флот только что покинул Золотой Рог, стремительным и удачным ударом овладел городом. Балдуину II оставалось только бежать в сопровождении латинского патриарха и венецианских поселенцев; 15 августа 1261 г. Михаил Палеолог торжественно вступил в Константинополь и в храме св. Софии возложил на свою голову императорскую корону. Казалось, что Византийская империя вновь возродилась при национальной династии Палеологов, которой предстояло управлять Византией в продолжение почти двух столетий.

V

АХЕЙСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

Другие латинские государства, вызванные к жизни четвертым крестовым походом, не исчезли одновременно с Константинопольской империей. Не говоря о Венеции, еще долгое время сохранявшей свою колониальную империю и островные сеньории, основанные ее гражданами, Афинское герцогство под управлением фамилии Деларош существовало до 1311 г., и хотя после разгрома при Цефисе оно перешло под власть каталонцев (1311-1333), а затем к флорентийским герцогам из фамилии Аччайоли (1333-1456), - оно все же никогда более не досталось византийцам. Ахейское княжество под управлением трех Виллардуэнов - Жоффруа I, основателя династии, и его сыновей Жоффруа II и Вильгельма (1209-1278) - стало к этому времени еще более цветущим. Несмотря на свою чисто феодальную организацию и на создание там в результате франкского завоевания двенадцати бароний, страна под умелым управлением своих государей была в течение всего XIII в. одним из самых богатых государств латинского Востока. Финансы находились в превосходном состоянии; армия славилась "лучшей кавалерией в Европе"; спокойствие было полным; согласие с греческими подданными не оставляло желать ничего лучшего. Двор Андравиды был, как говорит один хронист, "более блестящим, чем дворы самых крупных королей". Французское влияние при нем было всемогущим: "по-французски там говорили так же хорошо, как в Париже". В любопытной книге "Морейская хроника" оживает это общество, состоявшее из настоящих французских рыцарей. По всему Пелопоннесу, в Акрокоринфе и Клемуци, в Каритене и Мистре, в Каламате и Майне еще и поныне можно встретить развалины мощных феодальных крепостей, некогда построенных французскими хозяевами страны. И, несомненно, влияние, которое оказывала отдаленная Франция XIII в. на эту греческую страну, завоеванную оружием и так быстро ассимилировавшуюся, остается

одним из любопытнейших явлений византийской истории.

Поражение при Пелагони, где Вильгельм Виллардуэн был взят в плен Михаилом Палеологом, имело для Ахейского княжества печальные последствия. Чтобы вернуть себе свободу, франкский государь должен был по договору 1262 г. уступить грекам Монемиасию, Майну и Мистру. Таким образом, византийцы снова вступили в Пелопоннес. В период правления женщин и иностранцев - государей из Анжуйского и Наваррского домов, - наступивший после смерти Виллардуэна (1278), они быстро укрепились в стране и при помощи туземного населения основали там в XIV в. Морейский деспотат, оказавшийся одним из интереснейших государств в период упадка Византии. И все же на Востоке оставалось много латинских поселений, порожденных четвертым крестовым походом. Несмотря на отвоевание Константинополя, несмотря на успехи Михаила Палеолога в Эпире и в Ахайе, это обстоятельство оставалось источником постоянных забот для восстановленной империи Палеологов и причиной ее неоспоримой слабости. 128

Глава VIII

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ПАЛЕОЛОГАХ

(1261 - 1453)

I. Положение Византийской империи в 1261 г.- II. Правление Михаила VIII Палеолога (1261-1282).- III. Византийская империя при последних Палеологах (1282-1453).- IV. Византийская культура в эпоху Палеологов.

I

ПОЛОЖЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1201 г.

Империя в том виде, в каком она была восстановлена при новой династии Палеологов, несколько не походила на монархию, в которой некогда царствовали Комнины. В Азии Трапезундская империя владела большей частью провинций по побережью Черного моря и являлась независимым государством, которое все более и более изолировалось от Византии и до середины XV в. существовало совершенно независимо от нее. В Европе Эпирский деспотат занимал юг Албании и некоторую часть Этолии; Неопатрасское герцогство, или Великая Валахия, занимало Фессалию, Локриду, Фотиду. Наряду с этими греческими государствами в центральной Греции существовало латинское Афинское герцогство, в Пелопоннесе - латинское Морейское княжество. Венецианцы по-прежнему господствовали над большей частью островов Архипелага; генуэзцы владели Хиосом и имели важные колонии на Анатолийском побережье и вдоль всех берегов Черного моря. Восстановленная Византийская империя охватывала лишь три группы территорий: в Азии - владения бывшей Никейской империи; в Европе - Константинополь с Фракией и частью Македонии с главным городом Фессалоникой; наконец, - некоторые острова, как Родос, Лесбос, Самофракия и Имброс. И бок о бок с этой империей, уменьшенной территориально, слабой в военном и финансовом отношении, росли мощные и сознающие свою силу молодые государства, стремившиеся оспаривать у Византии ту гегемонию, которой она некогда обладала.

В XIII в. таким государством была вторая Болгарская империя на Балканах, в XIV в. - Великая Сербия Стефана Душана. Но прежде всего это были азиатские турки, грозная опасность со стороны которых возрастала с каждым днем. Далеко ушло то время, когда Константинополь был центром восточного мира и восточной культуры.

II

ПРАВЛЕНИЕ МИХАИЛА VIII ПАЛЕОЛОГА

(1261-1282)

Восстановить Византийскую империю в ее целостности и в былом великолепии можно было только чудом. Михаил VIII (1261 -1282) попытался осуществить это чудо; и хотя ему не удалось полностью воплотить в жизнь свои грандиозные планы, тем не менее поставленная им перед собой цель, его практические дарования и гибкий ум делают его последним значительным императором Византии.

С момента своего вступления на престол Михаил VIII обнаружил намерение отвоевать как у греков, так и у латинян все провинции, захваченные ими у империи. Он вступил во

франкскую Морею (конец 1261 г.); отнял Янину у эфирцев (1265), часть Македонии у болгар (1264), большое количество островов Архипелага у венецианцев; он отразил дерзкие посягательства генуэзцев; наконец, он восстановил в сербской и болгарской церкви власть византийского патриарха. Но очень скоро он столкнулся с враждебностью Запада. Действительно, ни папа, ни Венеция отнюдь не отказывались от намерения восстановить Латинскую империю; Карл Анжуйский, новый государь обеих Сицилий, наследник прав императора Балдуина II согласно договору, заключенному в Витербо (1267), сюзерен Ахейского княжества вследствие женитьбы своего сына на наследнице Виллардуэна, имел еще более честолюбивые планы в отношении Востока. Он завоевал Корфу (1267), Диррахий и побережье Эпира (1272), принял титул короля Албании и заключил союз со всеми врагами империи - болгарами, сербами, князем Великой Валахии.

В этот критический момент только изумительная ловкость Михаила Палеолога помешала созданию коалиции всего Запада против Византии. Используя беспокойство папы, не желавшего допустить чрезмерного роста могущества Карла Анжуйского, подавая надежду на осуществление постоянной мечты римских первосвященников о восстановлении власти Рима над греческой церковью, он заключил с Григорием X на Лионском соборе (1274) соглашение, которое вновь подчинило восточную церковь папе. За это Михаил VIII добился обязательства, что у него не станут оспаривать Константинополь, что на Востоке у него руки будут совершенно свободными и что ему даже позволят сражаться там с латинянами. И действительно, с 1274 г. он начал наступление в Эпире против войск Анжуйской династии, вторгся в Фессалию, где осадил Неопатрас (1275), разбил венецианцев на Эвбее и начал удачные действия в Ахайе, где смерть Вильгельма Виллардуэна (1278) значительно ослабила франкское княжество.

К несчастью, непрекращавшаяся вражда византийцев с Римом пресекла эти успешные действия. Михаил VIII силой навязал византийскому духовенству союз с Римом; вместе с патриархом Иоанном Векком (1275) он хотел насильственным путем осуществить его. В результате он только вызвал раскол в православной церкви, а антагонизм между двумя мирами, который он надеялся уничтожить, стал еще более острым и грозным.

С другой стороны, Карл Анжуйский, чрезвычайно недовольный всем происходящим, не сложил оружия. Он преобразовал форму своего господства в Эпире (1278), вновь привлек на свою сторону папу (1281) и вместе с Римом и Венецией организовал с целью восстановления Латинской империи лигу, к которой из ненависти к Михаилу VIII примкнули сербы, болгары и даже греки из Фессалии и Эпира. Византийский император был со всех сторон окружен врагами. При Берате он разбил войска Карла Анжуйского; чтобы сокрушить анжуйцев, он вызвал "сицилийскую вечерню" (март 1282 г.). Таким образом Михаил VIII нанес поражение Западу; но, может быть, уделяя чрезмерное внимание латинянам, он недопустимо пренебрегал турецкой опасностью, которая росла в Малой Азии, и сербской опасностью, подымавшейся в Европе. Религиозное возбуждение, некогда допущенное в империи, было другой причиной ее слабости. Казалось, что правление Михаила VIII знаменовало для империи начало возрождения; за ним, однако, последовал быстрый и неизбежный упадок.

III

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ПАЛЕОЛОГАХ (1282-1453)

Мы видим этот упадок при преемниках Михаила VIII - его сыне Андронике II (1282-1328), государе образованном, красноречивом, покровительствовавшем литературе и очень благочестивом, но безнадежно слабом и бездарном в государственных делах, и при его внуке Андронике III (1328-1341), умном, но легковесном и буйном прожигателе жизни; мы видим этот упадок в период длительного царствования Иоанна V (1341-1391), несмотря на энергичную политику такого замечательного государя, каким оказался узурпатор Иоанн VI Кантакузин (1341-1355), несмотря на высокие достоинства следующего императора, сына Иоанна V, Мануила II (1391-1425), выдающегося государя, о котором было справедливо

сказано, что "в лучшие времена он спас бы империю, если бы только ее еще можно было спасти". Но империю нельзя было спасти. Иоанн VIII (1425-1448), Константин Драгас (1448-1453) были не в силах ни остановить упадок империи, ни воспрепятствовать ее гибели; последний император мог лишь героически погибнуть на валу своей столицы, взятой штурмом. Гибель империи не могли предотвратить те выдающиеся люди, которые не раз занимали императорский престол в течение этих полутора столетий: события были сильнее их воли; внутренние и внешние причины гибели были неизлечимы.

Внутренние причины упадка. Гражданские войны. Пред лицом внешней опасности, угрожавшей империи, было необходимо, чтобы она сохраняла единство, спокойствие и силу. Эпоха Палеологов, напротив, была полна восстаний и гражданских смут. Против Андроника II поднялся его внук, будущий Андроник III, которого старый император намеревался лишить законных прав на престол; и в течение многих лет (1321-1328) война, прерываемая преходящими перемириями, опустошала империю и привела наконец к захвату Константинополя восставшими и к свержению Андроника II. В период регентства Анны Савойской и малолетства Иоанна V Палеолога Иоанн Кантакузин провозгласил себя императором (1341), и на шесть лет (1341-1347) византийский мир разделился на две части: аристократия стояла за узурпатора, народ за законную династию, пока в конце концов в результате предательства столица не оказалась в руках нового претендента. В период правления Иоанна Кантакузина (1347-1355) интриги Иоанна V Палеолога, за которым новый император сохранил долю власти, постоянно волновали монархию и привели к новому восстанию, свергнувшему Иоанна Кантакузина. Затем последовали столкновения Иоанна V с его сыном Андроником (1376) и с внуком Иоанном (1391), и в результате этим последним удалось на короткое время лишить старого императора престола. Весьма важно то обстоятельство, что в продолжение этой борьбы противники без всяких угрызений совести призывали к себе на помощь всех врагов империи - болгар, сербов, турок, щедро платя за их поддержку деньгами и даже землями и открывая таким образом двери тем кто мечтал о разрушении монархии. Всякое патриотическое чувство, даже всякое представление о политических задачах и интересах исчезли в столкновении этих иступленных честолюбцев.

133

Социальные и религиозные раздоры. Социальный и религиозный антагонизм еще более увеличивали бедствия, проистекавшие от гражданских неурядиц. К середине XV века по всей империи прокатилась волна социальных революций: низшие классы восставали против родовой и денежной аристократии. В продолжение семи лет (1342-1349) движение зилотов вызывало восстания, ужасы и кровопролития в Фессалонике, втором по значению городе империи. Город превратился в совершенно независимую республику, шумная история которой является одним из наиболее интересных эпизодов в жизни Византийской империи XIV в.; Иоанну Кантакузину лишь с большим трудом удалось в конце концов восстановить порядок и мир в восставшем против него городе.

Религиозная борьба, порожденная прежде всего вековой враждой между византийцами и латинянами, еще больше увеличивала разруху. Михаил VIII, исходя из политических соображений, считал благоразумным сблизиться с Римом и восстановить единство церкви; это вызвало такое серьезное недовольство, что первой заботой его преемника Андроника II было установить мир с православным духовенством путем отказа от соглашения с папой. Разумеется, это еще более усилило антагонизм между латинянами и греками. Он нашел свое отражение даже внутри самой империи - в конфликте между сторонниками и противниками соединения церквей. Это возбуждение поддерживалось яростной полемикой, понемногу превращавшей всякую симпатию к идеям латинян в подлинное предательство по отношению к родине. В этих условиях малейший повод развязывал вражду византийского национализма против Запада. Именно это послужило причиной течения, на первый взгляд чисто богословского, которое называют движением исихастов и которое в течение десяти лет (1341 - 1351) волновало и разделяло империю. В этом движении, которое казалось плодом странных мечтаний нескольких афонских монахов, в действительности противостояли друг

другу дух византийский и дух латинский: восточный мистицизм, который представляли исихасты и их защитник Григорий Палама, и латинский рационализм, приверженцами которого были некие Вар-134лаам и Акиндин, воспитанные на Фоме Аквинате и опытные в схоластической диалектике. Вскоре после того как Кантакузин стал на сторону Афона, а Анна Савойская на сторону Варлаама, борьба приняла политическую окраску.

Так обстояли дела в момент, когда Иоанну V (1369) и затем Мануилу II (1417) пришлось по политическим соображениям возобновить переговоры с Римом, а Иоанн VIII, чтобы предотвратить турецкую опасность, предпринял отчаянную попытку: император лично явился в Италию (1437) и на Флорентийском соборе подписал с Евгением IV унию, которая полагала конец разделению церквей (1439). Так же, как и Михаил VIII, он столкнулся с ожесточенной непримиримостью православного духовенства и народа, уверенных, что, несмотря на все обещания, латиняне преследовали лишь одну цель: "уничтожить город, расу и имя греков". Тщетно пытались Иоанн VIII и его преемник Константин XI навязать унию силой: возмущение кипело даже под сводами святой Софии (1452). Накануне гибели Константинополя по всему городу бушевали страстные споры между сторонниками и противниками унии и находились люди, заявлявшие, что они "предпочли бы видеть в Византии турецкий тюрбан, чем папскую митру".

Финансовые и военные бедствия. Ко всему этому добавлялось бедственное состояние финансов. Несмотря на фискальный гнет, в стране, совершенно разоренной войной, поземельный налог приносил в казну совершенно недостаточные средства. С тех пор как имперская торговля оказалась в руках венецианцев и генуэзцев, таможенные пошлины сокращались со все возрастающей быстротой. Правительство оказалось вынужденным подделывать монету, император делал займы и закладывал драгоценности короны; денег не хватало, казна была пуста. Не менее серьезным был упадок военного могущества: малочисленная, дезорганизованная и непокорная армия становилась все менее способной защитить империю. Наемники, находившиеся на службе у империи, восставали против нее; при Андронике II Большая каталонская компания овладела Галлиполи, в течение двух лет (1305-1307) блокировала Константинополь и 135 пронесла свои победные знамена по Македонии и Греции (1307-1311); в середине XIV в. сербские и турецкие наемники беспощадно разграбили и опустошили империю. Та же слабость была и на море. Михаил VIII попытался было восстановить византийский флот, но его наследники сочли эти расходы бесполезными и предоставили господство в восточных морях эскадрам итальянских республик. Империя близилась к гибели, будучи не в силах что-либо предпринять против грозивших ей извне опасностей.

Внешнеполитические причины упадка. Болгары и сербы. После смерти Иоанна Асеня (1241) Валахо-Болгарская империя, столь грозная для византийцев с конца XII в., значительно ослабела вследствие непрестанно раздиравших ее междоусобных войн. Тяжелое поражение, которое сербы нанесли царю Михаилу при Вельбужде (1330), окончательно подорвало его могущество. Тем не менее болгары по-прежнему оставались для империи опасными соседями; они вмешивались в византийские дела, с выгодой для себя оказывали помощь то Андронику II, то Анне Савойской, требуя себе за это обширных земельных уступок; их непрестанные набеги страшно опустошали Византийскую империю. Однако особенно опасными противниками Византии оказались сербы. При преемниках Стефана Немани - Уроше I (1243-1276), Драгутине (1276-1282), Милутине (1282-1321) - Сербия так расширила свою территорию за счет болгар и византийцев, что стала самым значительным государством на Балканском полуострове. Урош I завоевал верхнюю долину Вардара (1272); Милутин, опираясь на поддержку эпирцев и анжуйцев; занял Ускуб (1282), завоевал область Серр и Христополя, что дало ему доступ в Архипелаг (1283), наложил руку на Охриду, Преспу и всю Западную Македонию, вторгся в Северную Албанию (1296) и вынудил Андроника II признать все его завоевания (1298). Подобно болгарам, сербы непрестанно вмешивались во внутренние смуты Византийской империи.

Когда Стефан Душан (1331 - 1355) вступил на престол, Сербия простиралась от Савы и

Дуная на севере до Струмицы и Прилепа на юге, от Боснии на западе 136 до Рилодага и Струмы на востоке. Душан хотел еще большего: он мечтал объединить под своей властью весь Балканский полуостров и венчаться в Константинополе императорской короной. Ловкий дипломат, крупный полководец, умный, волевой и настойчивый правитель, он начал с завоевания Западной Македонии (1334); затем, отняв у анжуйцев Албанию вплоть до Диррахия и Валоны, у греков - Эпир до Янины (1340), он продвинулся в Македонию, где византийцы сохранили только Фессалонику и Халкидику, и сербская граница на востоке дошла до Марицы (1345). В 1346 г. в Ускубском соборе Душан торжественно короновался "императором и автократом сербов и ромеев". Отныне Сербская империя простиралась от Дуная до Эгейского моря и Адриатики; Душан организовал ее по образцу Византии, даровал ей законодательство (1349) и установил независимый от Константинополя патриархат в Ипекке; победитель греков (в 1351 г. он осаждал Фессалонику), анжуйцев, королей Боснии и Венгрии, он оказался самым могущественным государем на Балканах, и папа провозгласил его "вождем борьбы против турок". Душану оставалось только захватить Константинополь. Он попытался сделать это (1355), завоевал Адрианополь и Фракию и, к несчастью для христианского мира, внезапно умер у стен города, который он мечтал превратить в свою столицу. После смерти Душана его империя быстро распалась. Но Византия вышла из этой двадцатипятилетней борьбы еще более ослабленной.

Турки. В то время как в Европе территория Византийской империи все уменьшалась под натиском славянских государств, в Азии продвигались турки-османы, руководимые тремя крупными военачальниками - Эртогрулом, Османом (1289-1326) и Урханом (1326-1359). Несмотря на некоторые удачные попытки Андроника II остановить их, в 1326 г. Прусса попала в руки османов, превративших ее в свою столицу. Затем пала Никея (1329), за ней - Никомидия (1337); в 1338 г. турки достигли Босфора и вскоре перешли его по приглашению самих же византийцев, настойчиво добивавшихся их союза для помощи в гражданских смутах; Кантакузин, выдавший в 1346 г. свою дочь замуж за султана, в 1353 г. 137 вознаграждал услуги своего зятя уступкой крепости на европейском берегу Дарданелл. В следующем (1354) году турки обосновались в Галлиполи: они заняли Дидимотику и Цурулон (1357). Балканский полуостров оказался для них открытым.

Этим воспользовался Мурад I (1359-1389). Он завоевал Фракию (1361), которую Иоанн V Палеолог вынужден был за ним признать (1363); затем он захватил Филиппополь, а вскоре и Адрианополь, куда перенес свою столицу (1365). Константинополь, изолированный, окруженный, отрезанный от остальных областей, ожидал за своими стенами смертельного удара, казавшегося неизбежным. Тем временем османы завершили завоевание Балканского полуострова. У Марицы они разбили южных сербов и болгар (1371); они основали свои колонии в Македонии и стали грозить Фессалонике (1374); они вторглись в Албанию (1386), разрушили Сербскую империю и после битвы на Косовом поле превратили Болгарию в турецкий пашалык (1393). Иоанн V Палеолог был вынужден признать себя вассалом султана, платить ему дань и поставлять ему контингенты войск для захвата Филадельфии (1391) - последнего оплота, которым еще владела Византия в Малой Азии.

Баязет (1389-1402) действовал в отношении империи еще более энергично. Он блокировал со всех сторон Византийскую столицу (1391 -1395), а когда серьезная попытка Запада спасти Византию в битве при Никополе (1396) потерпела неудачу, он попытался штурмом взять Константинополь (1397) и одновременно вторгся в Морею. К счастью для византийцев, нашествие монголов и сокрушительное поражение, нанесенное Тимуром туркам при Ангоре (1402), дали империи еще двадцать лет отсрочки. Но в 1421 г. Мурад II (1421 -1451) возобновил наступление. Он атаковал, впрочем безуспешно, Константинополь, который энергично сопротивлялся (1422); он захватил Фессалонику (1430), купленную в 1423 г. венецианцами у византийцев; один из его полководцев проник в Морею (1423); сам он успешно действовал в Боснии и Албании и заставил государя Валахии платить дань. Византийская империя, доведенная до 138 крайности, владела теперь, помимо Константинополя и соседней области до Деркона и Селимврии, лишь несколькими

отдельными областями, рассеянными по побережью: Анхиалом, Месемврией, Афоном и Пелопоннесом, который, будучи почти полностью отвоеван у латинян, стал как бы центром греческой национальности. Несмотря на героические усилия Яна Гуниада, который в 1443 г. разбил турок при Яловаце, несмотря на сопротивление Скандербега в Албании, турки упорно преследовали свои цели. В 1444 г. в сражении при Варне потерпело крушение последнее великое усилие, сделанное восточными христианами; Афинское герцогство подчинилось туркам; княжество Морья, завоеванное в 1446 г., вынуждено было признать себя данником; во второй битве на Коссовом поле (1448) Ян Гуниад потерпел поражение. Оставался лишь Константинополь, эта неприступная цитадель; казалось, что он один воплощает в себе всю империю. Но и для него близился конец. Магомет II, вступая на трон (1451), твердо намеревался овладеть им.

Византия и латиняне. Вместо того чтобы помочь защите империи, обосновавшиеся на Востоке латиняне - венецианцы и генуэзцы - использовали в своих интересах ее бедствия и ускорили ее гибель.

Генуэзцы, обосновавшиеся при Михаиле Палеологе в Галате в самом Константинополе (1267) и укрепившиеся на побережье Малой Азии и на всех берегах Черного моря, по выражению одного греческого историка, "закрыли ромеям все пути морской торговли"; и хотя в правление Андроника III греки ненадолго отвоевали у них Хиос (1329), Лесбос (1336) и Фокею (1340), тем не менее это не повело к дальнейшим успехам и несколько не уменьшило ни наглости, ни жадности иностранных купцов. Не менее опасными были венецианцы, господствовавшие на островах Архипелага и вскоре проникшие в Константинополь и Фессалонику. Обе республики вели себя в империи, как в завоеванной стране, выражая пренебрежение к византийским государям, силой навязывая им свою волю, наполняя столицу смутами и убийствами, проникая со своими эскадрами вплоть до Золотого Рога, вызывая в столице восстания (1375), 139 угрозами заставляя уступать себе земли или привилегии, основывая, как это сделали в 1348 г. генуэзцы, морские базы на Босфоре, грабя византийских подданных и атакуя даже Константинополь, как это сделали венецианцы в 1305 г. и генуэзцы в 1348 г., когда они считали себя вправе быть недовольными императором. Оскорбленные византийцы должны были мириться с подобной наглостью, так как были не в состоянии оказать ей противодействие; и венецианцы и генуэзцы пользовались своим положением, чтобы эксплуатировать Византию. Венеция организовала колониальную империю в морях Леванта. Генуя на отвоеванном в 1347 г. Хиосе создала мощное торговое общество, названное "Магон". Латиняне, по выражению одного византийского историка, "овладели всеми богатствами Византии и почти всеми доходами от морской торговли", довершив таким образом экономическую разруху империи.

Прочие западные государства больше не занимались Византией. Следует упомянуть, впрочем, отдельные попытки оказать сопротивление туркам. В результате крестового похода 1343 г. была на несколько лет отвоевана Смирна, а в результате похода 1366 г. ненадолго отнят у турок Галлиполи; в 1396 г. христиане попытались нанести туркам серьезный удар, который завершился поражением при Никополе, а в 1444 г. - еще один удар, приведший к разгрому при Варне; французский маршал Бусико в течение двух лет (1337-1339) отважно защищал Константинополь от турецких атак. Но по существу Запад перестал интересоваться Византийской империей или же думал лишь о том, как воспользоваться ее бедственным положением, чтобы установить над ней господство в религиозном и политическом отношении и извлечь наибольшую выгоду в экономическом отношении. Папство мечтало о восстановлении единства церкви, не обращая внимания на ненависть византийцев к этому проекту; западные государи думали только о разделе империи.

Напрасно Иоанн V в 1369 г., Мануил II в 1402 г. и Иоанн VIII в 1439 г. являлись в Италию, Францию и Англию просить поддержки; они получали лишь вежливый прием и щедрые обещания. Когда же 140 Магомет II решил покончить с Византийской империей, - истощенной и всеми покинутой Византии оставалось только умереть с достоинством.

Захват Константинополя турками. Вступив на престол, Магомет II сразу обнаружил

свои намерения, соорудив на Босфоре крепость Румили-Гиссар, которая перерезала коммуникации между Константинополем и Черным морем, и одновременно послал экспедицию в Морею, чтобы воспрепятствовать греческим деспотам Мистры оказать помощь столице. Вслед за этим султан начал атаку Константинополя (5 апреля 1453 г.). Против колоссальной турецкой армии, состоявшей почти из 160 тыс. человек, император Константин Драгас смог выставить едва 9 тыс. солдат, из которых по крайней мере половину составляли иностранцы; византийцы, враждебно относившиеся к церковной унии, заключенной их государем, в общем довольно плохо исполняли свой долг. Тем не менее, несмотря на мощь турецкой артиллерии и огромной пушки инженера Орбана, первый приступ был отбит (18 апреля). Магомету II удалось провести свой флот в Золотой Рог и таким образом поставить под угрозу другой участок укреплений. Однако штурм 7 мая опять не удался. Но в городском валу на подступах к воротам св. Романа была пробита брешь. В ночь с 28 на 29 мая 1453 г. началась последняя атака. Дважды турки были отбиты; тогда Магомет бросил на штурм янычар. В то же время генуэзец Джустиниани, бывший вместе с императором душой обороны, получил серьезное ранение и оказался вынужденным покинуть свой пост. Это дезорганизовало защиту. Император продолжал доблестно сражаться, но часть вражеского войска, овладев подземным ходом из крепости, так называемым Ксилопорта, напала на защитников с тыла. Это был конец. Константин Драгас героически погиб у бреши, озарив таким образом Византию последним лучом славы. Турки овладели городом. В захваченном Константинополе начались грабежи и убийства; более 60 тыс. человек было взято в плен. 30 мая 1453 г., в восемь часов утра, Магомет II торжественно вступил в Византию и явился в святую Софию воздать хвалу богу ислама. 141

IV

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛОГОВ

Тем не менее жизненность византийской культуры до последних дней существования империи была так велика, что даже эпоха Палеологов озарена закатным сиянием последнего литературного и художественного возрождения.

Для общества XIV и XV веков Константинополь всегда оставался одним из самых красивых и блестящих городов вселенной, колыбелью православия, куда стекались паломники с греческого и славянского Востока, великим торговым городом, где встречались купцы со всего запада, великолепным центром науки и искусства. Школы византийской столицы цвели пышнее и посещались чаще, чем когда-либо, и крупные университетские профессора - Планудий, Мосхопул, Триклиний в начале XIV века, позднее Хрисолор и Аргиропул - возобновляли в них изучение античных писателей и оказались достойными предшественниками гуманистов эпохи Возрождения. Вместе с ними такие философы, как Гемист Плифон и Виссарион, продолжали традицию изучения платонизма и подготавливали его распространение на Западе. Далее следует назвать целую плеяду оригинальных и неповторимых талантов: историков - Иоанна Кантакузина и Никифора Григора в XIV веке, Франдзи, Дука, Халкондила и Кривоула в XV; богословов - Григория Паламу и обоих Кавасил в XIV веке; Марка Евгеника и Георгия Солария в XV веке; ораторов - Никифора Хумна и Димитрия Кидона; авторов литературных очерков, как Феодор Метохит или Мануил Палеолог; поэтов, как Мануил Фил; сатириков, как анонимный автор "Сошествия Мазариса в ад". Такие науки, как астрономия, медицина и естествознание, почитались наравне с литературой, и об ученых этого времени с полным правом можно сказать, что они оказали науке не меньшие услуги, чем, скажем, Рожер Бекон на Западе. Поистине, можно сказать, что Византия накануне гибели собрала все свои духовные силы, чтобы блеснуть в последний раз. 142

Равным образом и византийское искусство пробудилось на заре XIV века для последнего обновления. Это искусство возвращается к своим древним истокам, в частности к александрийской традиции, которую так почитали гуманисты того времени, и теряет свой абстрактный характер, становясь более живым и красочным, а с течением времени и более трогательным, драматическим и очаровательным. Иконография обогащается и обновляется,

становясь еще более патетической и богатой чувством. Гармонически и искусно подобранные краски приобретают почти импрессионистскую технику. Образуются школы различных течений и стилей: константинопольская школа с ее превосходными мозаиками в Кахриэ-Джами (начало XIV века); македонская школа, мастера которой украшали церкви Македонии, Старой Сербии и древнейшие церкви Афона, - последним представителем этой школы был, по-видимому, знаменитый Мануил Панселин (XIV в.); критская школа, высшим достижением которой являются фрески Мистры. Так истощенная, казалось бы, Византия обретает в XIV веке, как некогда в десятом, новую силу в античной традиции; и благодаря этому могучему подъему искусства, который можно сравнить с итальянским Возрождением XIV века, но который, тем не менее, остается совершенно оригинальным, - влияние Византии снова распространилось среди сербов, русских, румын, одним словом - по всему восточному миру.

Деспотат Мистры. Среди всех этих центров науки и искусства особого упоминания заслуживает Мистра. Основанная Вильгельмом Виллардуэном над той долиной, где находилась Спарта, ставшая впоследствии резиденцией греческих деспотов Пелопоннеса, Мистра с ее церквями, сверху донизу расписанными фресками, с прекрасной архитектурой ее стен, домов, дворцов была, как ее справедливо называли, византийской Помпеей. Когда в 1262 г. город перешел под власть византийцев, Андроник II занялся его заселением и украшением и построил там множество церквей. Позднее Иоанн Кантакузин оказывал ему еще больше внимания. Он превратил в удел своего младшего сына Мануила, получившего наименование деспота, провинцию Морею, 143 постепенно отвоеванную у франков, и как при правлении этого государя, так и при последующих представителях младшей линии династии Палеологов, наследовавших ему (с 1383 г.), Мистра была центром блестящего двора, средоточием умственной и художественной жизни, подлинным очагом эллинизма и гуманизма и убежищем угасавшей греческой национальности.

Поистине достойно внимания то обстоятельство, что в Византии, которая в течение долгого времени совершенно не интересовалась античной Грецией, внезапно, накануне катастрофы, вновь пробудилось воспоминание о ее эллинском происхождении. На устах людей XV века неожиданно появляются великие имена Перикла, Фемистокла, Ликурга и Эпаминонда, и византийцы с гордостью вспоминают, чем некогда были эти герои "для общества и родины". Наиболее выдающиеся современники, как Гемист Плифон или Виссарион, видят в пробуждении эллинской традиции средство, которое спасет империю, и они умоляют государя вместо устаревшего титула римского басилевса принять новое и живое имя короля эллинов, имя, "которое уже само по себе способно, говорили они, - обеспечить спасение свободных греков и освобождение их братьев-рабов". Виссарион напоминает последнему Палеологу о былых подвигах спартанцев и умоляет его возглавить их потомков, чтобы освободить Европу от турок и отвоевать в Азии наследство своих отцов. Накануне последней катастрофы Плифон предлагает Мануилу II целую программу реформ для возрожденной Эллады. И какими бы тщетными ни казались подобные иллюзии в тот момент, когда Магомет II стоял у ворот Константинополя, тем не менее, замечателен этот факт обращения к эллинизму, это пророческое прозрение в отдаленное будущее, когда, согласно выражению писателя XV века Халкондила, "настанет день - и греческий король с помощью своих наследников восстановит королевство, где объединенные сыны эллинов сами начнут управлять своими делами и образуют самостоятельную нацию".

Эти чаяния нашли наиболее полное выражение при дворе в Мистре, а также в церквях Мистры - Метрополе (начало XIV века), Периблептосе (середина 144 XIV века), Пантанассе (XV век), где встречаются шедевры художественного возрождения того времени. В них наблюдается редкое сочетание декоративного мастерства, изысканной живописности, движения, выразительности, замечательная легкость и изящество, удивительное чувство нежной и сочной краски, высокое и свободное искусство. Те же качества проявляются во фресках церквей Македонии и в наиболее старинных иконах Афонских монастырей. Они свидетельствуют о высоте творческой оригинальности, на которую еще было способно

византийское искусство, и бросают последний луч славы на эпоху Палеологов.

[Image008]

Трапезундская империя. В то же самое время на противоположном конце византийского мира, на окраине Черного моря, вторым замечательным центром греческой культуры была отдаленная Трапезундская империя.

[Image009]

В начале XIII столетия Алексей I (1204-1222), происходивший из фамилии Комнинов, несмотря на атаки государей Никеи и турок-сельджуков, основал государство, охватывавшее весь древний Понт Полемонияк и простиравшееся на восток до Фасиса. Но новая империя, изолированная на далеком востоке, затерянная между турками и монголами, тревожимая раздорами своей мятежной феодальной знати, эксплуатируемая гегуэзцами, являвшаяся предметом зависти византийских императоров Константинополя, вела подчас трудное существование. Однако она знала и периоды расцвета, например, во время царствования Алексея II (1297- 1330) и Алексея III (1340-1390), который украсил столицу церквями и монастырями. Расположенный над морем, среди рек и зелени, изумительно богатый благодаря крупной торговле, которую он вел с внутренней Азией, знаменитый своей роскошью и красотой своих принцесс, Трапезунд был тогда одним из прекраснейших городов Востока и одним из крупнейших рынков мира. Дворец государей, выстроенный на плоскогорье, возвышавшемся над берегом моря, был чудом изящества и великолепия, и прозвище города "глава и око Азии" было известно всему восточному миру. Правда, в XV веке при дворе Комнинов начинается глубокое падение нравов, множатся кровавые интриги и трагические происшествия. Тем не менее, благодаря Трапезундской империи на окраине Черного моря сохранялся отблеск славы Византийской империи, и в течение двух с половиной столетий здесь обретала себе приют греческая национальность.

Морейский деспотат и Трапезундская империя всего на несколько лет пережили гибель Константинополя. Вторжение албанцев в Пелопоннес с 1453 г. привлекло турок в Морею, и деспоты, братья Константина XI, призвавшие себе на помощь турок, принуждены были затем признать себя вассалами султана. Положение еще ухудшилось, когда в 1459 г. деспот Фома отказался от уплаты дани. Магомет II лично явился в Морею, полностью подавил сопротивление населения, хотя на этот раз еще не смог занять Мистру. Деспоты опять должны были подчиниться; но вскоре они вновь восстали. Тогда султан направился прямо к Мистре, низложил деспота Димитрия и увел его с собой как пленника; другой греческий принц бежал в Италию, и Морея была превращена в турецкую провинцию (1460).

Давид Комнин, последний император Трапезунда, пал в 1461 г. Тщетно пытался он опереться на мужа своей племянницы, турецкого князя Узуна Гассана. В 1461 г. Магомет II появился в Анатолии, разбил войска Гассана, а затем устремился к Трапезунду, который принужден был капитулировать. Те члены императорской фамилии, которые остались в живых, были по приказу султана заключены в тюрьму близ Серр в Македонии. Это было концом последнего греческого государства на Востоке.

Так погибла Византийская империя после тысячелетнего периода своего славного существования. В течение веков она была оплотом христианства против ислама, защитницей культуры против варварства, воспитательницей славянского Востока, и ее влияние широко распространялось не только на Востоке, но и на Западе. Даже тогда, когда Византия пала и перестала существовать как государственный организм, она продолжала оказывать и оказывает еще и поныне могучее воздействие на весь восточный мир. От окраин 146 Греции до глубин России все народы Восточной Европы - турки и греки, сербы и болгары, румыны и русские - сохранили, живую память о традициях исчезнувшей Византии.

Вот почему эта древняя история, довольно плохо известная в наши дни, несколько забытая, вопреки общераспространенному мнению никак не может быть названа мертвой историей. Ее глубокие следы можно обнаружить и в идейных течениях и в политических планах. Именно поэтому византийская культура заслуживает внимания в двух отношениях: для нас интересно и то, чем она была сама по себе, и то, что она вносит в историю нашего

времени. 147

Приложения

I

СПИСОК ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Династия Константина

Константин I Великий, 306-337, единовластное правление 323-337 Констанций II, 337-361, единовластное правление 353-361 Юлиан, 361-363 Иовиан, 363-364 Валент, 364-378 Династия Феодосия Феодосий I Великий, 379-395 Аркадий, 395-408 Феодосий II, 408-450 Маркиан, 450-457 Лев I, 457-474 Зинон, 474-491 Анастасий, 491-518

Династия Юстиниана

Юстин I, 518-527 Юстиниан I, 527-565 Юстин II, 565-578 Тиверий II, 578-582 Маврикий, 582-602

Фока (узурпатор), 602-610

Династия Ираклия

Ираклий, 610-641 Константин II и Ираклион 641-642 148 Констант II (Константин III), 642-668 Константин IV Погонат, 668-685 Юстиниан II Ринотмет, 685-695

Леонтий (узурпатор), 695-698 Тиверий III (узурпатор), 698-705

Юстиниан II (вторично), 705-711

Филиппик, 711-713 Анастасий II, 713-716 Феодосий III, 716-717

Исаврийская династия

Лев III Исавр, 717-740 Константин V Копроним, 740-775 Лев IV, 775-780 Константин VI, 780-797 Ирина, 797-802

Никифор I (узурпатор), 802-811 Ставракий, 811 Михаил I Рангаве, 811-813 Лев V Армянин, 813-820

Аморийская династия

Михаил II Косноязычный, 820-829 Феофил, 829-842 Михаил III Пьяница, 842-867

Македонская династия

Василий I, 867-886 Лев VI Мудрый, 886-912 Александр, 912-913 Константин VII Багрянородный, 913-959, вместе с Романом I Лекапином (узурпатор) 919-944 Роман II, 959-963 Никифор II Фока, 963-969 Иоанн I Цимисхий, 969-976 Василий II Болгаробойца, 976-1025 Константин VIII, 1025-1028 Зоя, 1028-1050, с соправителями:

Роман III Аргир, 1028-1034

Михаил IV Пафлагонянин, 1034-1041

Михаил V Калафат (племянник Михаила IV, усыновленный Зоей), 1041-1042

Константин IX, 1042-1054 149 Феодора, 1054-1056 Михаил VI Стратиотик, 1056-1057

Династия Дуков и Комнинов

Исаак I Комнин, 1057-1059 Константин X Дука, 1059-1067 Роман IV Диоген, 1067-1071 Михаил VII Дука, 1071-1078 Никифор III Вотаниат (узурпатор), 1078-1081 Алексей I Комнин, 1081-1118 Иоанн II Комнин, 1118-1143 Мануил I Комнин, 1143-1180 Алексей II Комнин, 1180-1183 Андроник I Комнин, 1183-1185

Династия Ангелов

Исаак II, 1185-1195 Алексей III, 1195-1203 Исаак II (вторично) вместе с сыном Алексеем IV, 1203-1204 Алексей V Мурзуфл (узурпатор), 1204

Латинские императоры Константинополя

Балдуин Фландрский, 1204-1205 Генрих Фландрский, 1206-1216 Петр де Куртене, 1217 Иоланта, 1217-1219 Роберт II де Куртене, 1221-1228 Балдуин II, 1228-1261, вместе с Иоанном де Бриеннь в качестве регента, 1229-1237, единоличное правление, 1240-1261

Греческие императоры Никеи

Феодор I Ласкарь, 1204-1222 Иоанн III Ватац, 1222-1254 Феодор II Ласкарь, 1254-1258 Иоанн IV Ласкарь, 1258-1259 Михаил VIII Палеолог (узурпатор), 1259-1261

Династия Палеологов

Михаил VIII Палеолог, 1259-1282 Андроник II, 1282-1328, вместе с сыном Михаилом

IX 1295-1320 150 Андроник III, 1328-1341 Иоанн V, 1341-1376 Иоанн VI Кантакузин (узурпатор), 1341-1355 Андроник IV (сын Иоанна V), 1376-1379 Иоанн V (вторично), 1379-1391: Иоанн VII (сын Андроника IV, узурпатор), 1390 Мануил II, 1391-1425 Иоанн VIII, 1425-1448 Константин XI Драгас, 1448-1453

Греческие деспоты Мистры

Мануил Кантакузин, 1348-1380 Матвей Кантакузин, 1380-1383 Феодор I Палеолог, 1383-1407 Феодор II, 1407-1443 Константин Драгас, 1428-1448 Фома, 1432-1460 Димитрий, 1449-1460

II

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

330 год, 11 мая - Константин Великий провозглашает Константинополь "Новым Римом" 343 - Собор в Сардике 351 - Сражение при Мурзе 353 - Констанций - единовластный император 359 - Собор в Римини 376 - Обоснование вестготов в Мизии 378 - Битва при Адрианополе и смерть императора Валента 381 - Вселенский собор в Константинополе 395 - Смерть Феодосия. Раздел империи между его сыновьями Аркадием и Гонорием 396 - Вторжение Алариха в Грецию. Окружение вестготов Стилихоном в Фолое 399 - 400 - Восстание Гайны 404 - Низложение и ссылка св. Иоанна Златоуста 410 - Захват Рима Аларихом 431 - Вселенский собор в Эфесе 151 438 - Опубликование кодекса Феодосия 439 - Сооружение большой стены в Константинополе 441 - Вторжение Атиллы в Паннонию 447 - Новое вторжение Атиллы 449 - Собор, называемый "Эфесским разбоем" 451 - Вселенский собор в Халкидоне 476 - Падение Западной Римской империи 482- Эдикт объединения (Энотикон) 487 - Зинов поручает королю остготскому Теодориху отвоевать Италию 502 - Возобновление войны с персами 512 - Сооружение стены Анастасия 514 - Восстание Виталиана 519 - Восстановление церковного единства с Римом и конец раскола Акакия (484-519) 527 - Возобновление войны с персами 529 - Опубликование кодекса Юстиниана 529 - Закрытие школы в Афинах 532 - Заключение с персами "вечного мира" 532 - Восстание Ника 533 - Опубликование Дигест и Институций 533-534 - Завоевание Африки Велисарием 535 - Новеллы Юстиниана для административной реорганизации империи 535 - Война против остготов 536 - Собор в Константинополе 537 - Основание храма святой Софии 537-538 - Осада Рима, защищаемого Велисарием 540 - Взятие Равенны Велисарием 540 - Вторжение Хосроя в Сирию 540 - Вторжение гуннов в Иллирию 543 - Эдикт Юстиниана о "трех главах" 548 - Смерть Феодоры 549 - Захват Рима Тотилой 552 - Разгром остготов при Тагине и конец остготского королевства 553 - Вселенский собор в Константинополе 554 - Завоевание юго-восточной Испании 559 - Гунны перед Константинополем 562 - Мир с Персией 568 - Вторжение лангобардов в Италию 152 572 - Возобновление войны с персами 579 - Смерть Хосроя Великого 581 - Захват Сирмия аварами 582 - Создание Африканского и Равеннского экзархатов 591 - Мир с Персией 601 - Победы Приска над аварами 602 - Восстание Фоки 608 - Персы завоевывают Сирию и появляются в Халкидоне 610 - Восстание Ираклия и падение Фоки 615 - Взятие Иерусалима персами 617 - Завоевание Египта персами 622 - Ираклий предпринимает наступление на персов 626 - Авары и персы атакуют Константинополь 627 - Битва при Ниневии 629 - Мир с персами Начало VII века - Обоснование хорватов и сербов в Иллирии 634 - Вторжение арабов в Сирию 636 - Битва при Ярмуке 637 - Капитуляция Иерусалима 638- Ираклий издает Эктесис (изложение веры) 640 - 642 - Завоевание Египта арабами 647 - Арабы в Северной Африке 648 - Констант II публикует эдикт "Тип" 655 - Разгром византийского флота в водах Ликии Середина VII века - Создание азиатских фем 668 - Арабы в Халкидоне 673-678 - Осада Константинополя арабами 679 - Обоснование болгар на юге Дуная 680-681 - Вселенский собор в Константинополе 692 - Разгром Юстиниана II арабами при Севастополе 697 - 698 - Захват арабами Карфагена и потеря Африки 708 - Поражение Юстиниана в походе против болгар 710 - Восстание в Италии 712-717 - Успехи арабов в Малой Азии 717-718 - Осада Константинополя арабами 726 - Эдикт против иконопочитания 727 - Восстание в Греции и

Италии 739 - Битва при Акроине 740 - Опубликование Эклоги 751 - Захват Равенны лангобардами 153 752 - Победы над арабами 753 - Собор иконоборцев в Иерии 754 - Дар Пипина папе. Потеря византийской Италии 755 - Война против болгар 762 - Разгром болгар при Анхиале 765 - Преследования против сторонников икон 787 - Вселенский собор в Никее 797 - Свержение Константина VI Ириной 800 - Восстановление Западной Римской империи 809 - Вторжение болгарского хана Крума 811 - Гибель императора Никифора в сражении с болгарами 813 - Крум перед Константинополем 813 - Победа византийцев при Месемврии 815 - Собор иконоборцев в Константинополе 822- Восстание Фомы Славянина 826 - Завоевание Крита арабами 827 - Арабы в Сицилии 832 - Эдикт Феофила против икон 838 - Захват Амория арабами 842 - Захват Мессины арабами 843 - Собор в Константинополе и восстановление православия 858 - Низложение Игнатия. Избрание Фотия патриархом 863 - Миссия Кирилла и Мефодия к морявам 864 - Обращение Болгарии в христианство 867 - Собор в Константинополе. Разрыв с Римом 869 - Вселенский собор в Константинополе 876 - Захват Бари византийцами 878 - Захват Сиракуз арабами 879 - Собор в Константинополе 887-893 - Издание "Василик" 893 - Разрыв с болгарским царем Симеоном 902 - Захват Тавромения арабами. Потеря Сицилии 904 - Захват Фессалоники арабами 915 - Битва при Гарильяно 917 - Победа болгар при Анхиале 919 - Захват власти Романом Лекапином 924 - Симеон перед Константинополем 927 - Смерть царя Симеона 934 - Захват Мелитены византийцами 944 - Захват Низибиса и Эдессы 944 - Падение Романа Лекапина 154 961 - Отвоение Крита Никифором Фокой 963 - Захват власти Никифором Фокой 965 - Завоевание Сицилии 967 - Возобновление войны с болгарами 968 - Русские в Болгарии 968 - Захват Антиохии 969 - Убийство Никифора Фоки 971 - Восстание Варды Фоки 971 - Поражение русских в Силистрии. Захват Болгарии 976 - Кампания Цимисхия в Сирии 976-979 - Восстание Варды Скпира 977-986 - Успехи болгарского царя Самуила 986 - Разгром греков в ущелье ворот Траяна 987-989 - Восстание Варды Фоки 989 - Обращение Руси в христианство 995 - Кампания Василия II в Сирии 996 - Разгром болгар на Сперхии 998 - Кампания в Сирии 1000-1014 - Война с болгарами 1010 - Восстание в Южной Италии 1014 - Битва при Чимбалонге. Смерть царя Самуила 1018 - Покорение Болгарии 1018 - Победа при Каннах 1021-1022 - Присоединение Армении 1032 - Захват Эдессы греками 1038 - Успехи Георгия Маниака в Сицилии 1040 - Восстание в Болгарии 1042 - Восстание в Константинополе. Падение Михаила V 1043 - Восстание Георгия Маниака 1054 - Патриарх Керулларий порывает с Римом 1057 - Восстание Исаака Комнина 1064 - Захват Ани турками-сельджуками 1071 - Захват Бари норманнами и потеря Италии 1071 - Битва при Манцикерте 1078 - Восстание Вриенния и Вотаниата 1078 - Захват турками Никеи 1081-1084 - Вторжение Роберта Гюискара в Эпир 1082 - Договор с Венецией 1091 - Разгром печенегов на Лебурне 1096 - Крестоносцы в Константинополе 1097 - Захват Никеи крестоносцами 155 1107-1108 - Война с Бозмундом 1116 - Битва при Филомелии 1122 - Разгром печенегов 1122-1126 - Война с Венецией 1124-1126 - Вторжение в Венгрию 1137-1138 - Кампания Иоанна Комнина в Киликии и Сирии 1147 - Второй крестовый поход 1147-1149 - Война с Рожером II, королем Сицилии 1151 - Византийцы в Анконе 1152-1154 - Война с Венгрией 1158 - Кампания Мануила Комнина в Сирии 1168 - Присоединение Далмации 1171 - Разрыв с Венецией 1176 - Битва при Мириокефале 1182 - Переворот Андроника Комнина 1185 - Захват Фессалоники норманнами 1185 - Основание Валахо-Болгарской империи 1189 - Фридрих Барбаросса на Востоке 1190 - Исаак Ангел разбит болгарами 1197-1207 - Болгарский царь Иоанница 1204 - Захват Константинополя латинянами. Основание Латино-Константинопольской империи 1205 - Разгром латинян при Адрианополе 1206 - Коронация Феодора Ласкаря никейским императором 1210 - Съезд в Равеннике 1222 - Отвоение Фессалоники греками Эпира 1230 - Разрушение болгарами греческой империи в Фессалонике 1236 - Атака Константинополя греками и болгарами 1244 - Деспотат Фессалоники становится вассалом Никеи 1254 - Подчинение Эпирского деспота Михаила 1259 - Битва при Пелагонии 1261 - Договор в Нимфее 1261 - Отвоение греками Константинополя 1262 - Византийцы снова вступают в Морею 1267-1272 - Успехи Карла

Анжуйского в Эпире 1274 - Собор в Лионе 1281 - Победа у Берата над войсками Ангелов 1302-1311 - Большая каталонская кампания на Востоке 1311 - Битва при озере Копа 1326 - Захват турками Пруссы 156 1325-1328 - Война двух Андроников 1330 - Разгром болгар сербами при Вельбужде 1340 - Успехи сербов в Эпире, турок в Азии 1341 - Переворот Иоанна Кантакузина 1342-1349 - Революция зилотов в Фессалонике 1341-1351 - Движение исихастов 1345 - Завоевание Македонии Стефаном Душаном 1346 - Коронация Стефана Душана в Ускубе (Скопле) 1347 - Кантакузин захватывает Константинополь 1348 - Основание деспотата Мистры 1354 - Турки в Галлиполи 1355 - Смерть Стефана Душана 1365 - Турки основывают свою столицу в Адрианополе 1371- Битва при Марице 1373 - Иоанн V Палеолог становится вассалом султана 1376 - Восстание Андроника IV 1389 - Битва на Косовом поле 1390 - Восстание Иоанна VII 1391 - Захват Филадельфии турками 1396 - Крестовый поход в Никополь 1397 - Баязет атакует Константинополь 1402 - Ангорская битва 1422 - Осада Константинополя турками 1423 - Продажа Фессалоники Венеции. Поход турок в Морею 1430 - Захват Фессалоники турками 1439 - Собор во Флоренции 1444 - Битва при Варне 1446 - Вторжение турок в Морею 1451 - Вступление на престол Магомета II 1453, 29 мая - Захват Константинополя турками 157